

НЕТ БЛАГА
НА ВОЙНЕ

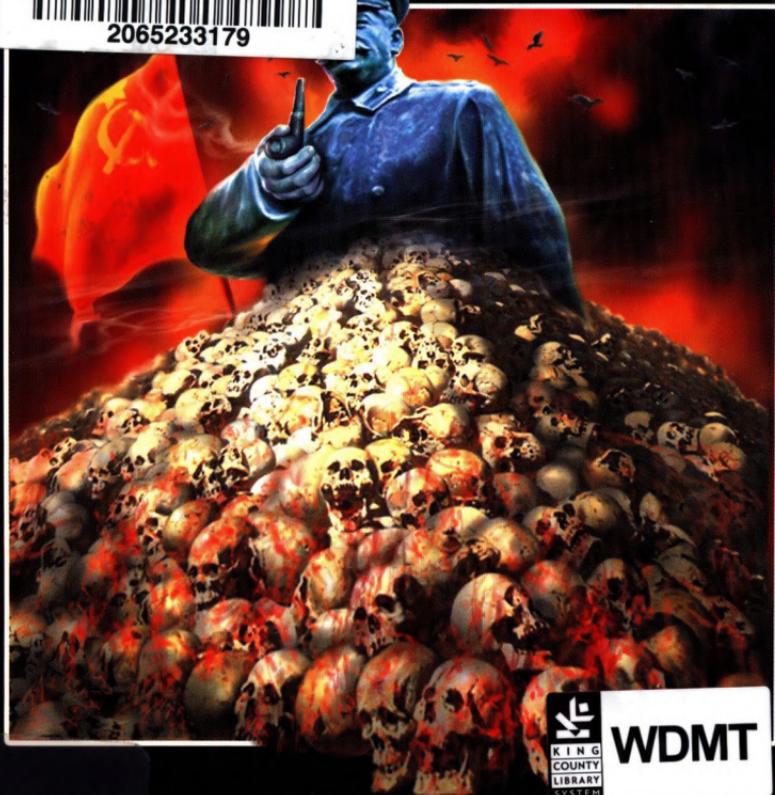
СОЛОНИН

Марк Солонин

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

2065233179

WDMT

940.53
SOL
RUSSIAN

НЕТ БЛАГА
НА ВОЙНЕ

БЕСТСЕЛЛЕРЫ **Марка Солонина**

МАРК СОЛОНН

Нет блага
на войне

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2010

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62
С 60

Оформление серии *П. Волкова*

Солонин М.

С 60 Нет блага на войне / Марк Солонин. — М. :
Яуза-пресс, 2010. — 288 с. — (Бестселлеры Марка
Солонина).

ISBN 978-5-9955-0214-2

«Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман...» Многие эпизоды Второй Мировой были описаны (или, напротив, преданы забвению) именно с этих позиций. С таким отношением к урокам трагического прошлого спорит известный историк Марк Солонин. В его новой книге речь идет именно о тех событиях, которые больше всего хотелось бы забыть: соучастии СССР в развязывании мировой войны, гибели сотен тысяч жителей блокадного Ленинграда из-за преступно-недостаточного снабжения города продовольствием, «Бабьем бунте» в Иванове 1941 года, бесчинствах Красной Армии на немецкой земле, преступлениях украинских фашистов...

Автор не пытается описывать эти ужасы «добру и злу внимая равнодушно», но публицистическая страстность в изложении сочетается с неизменной документальной точностью фактов. Эта книга — для тех, кто не боится знать и думать, кто готов разделить со своей страной не только радость побед.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

© Солонин М.С., 2010
© ООО «Издательство
«Яуза-пресс», 2010

ISBN 978-5-9955-0214-2

ТРИ ПЛАНА ТОВАРИЩА СТАЛИНА

Есть факт. На рассвете 22 июня 1941 г. нападение Гитлера на Советский Союз стало для товарища Сталин страшной неожиданностью. В возможность такого развития событий Сталин не верил. Даже вечером 21 июня, когда от командования приграничных округов в Москву полетели шифровки о том, что немцы снимают колючую проволоку на границе и в воздухе висит гул танковых моторов, когда по меньшей мере три солдата вермахта переплыли пограничный Буг в попытке предупредить Родину трудящихся всего мира, — даже тогда товарищ Сталин усомнился в достоверности этих сообщений. Да и утром 22 июня Сталину потребовалось несколько часов для того, чтобы принять наконец реальность к сведению.

Советское радио передавало бодрую воскресную музыку и зачитывало сводки с полей в то время, когда радиостанции всего мира транслировали заявления Гитлера и Риббентропа. Министр иностранных дел фашистской Италии до полудня безуспешно пытался найти советского посла, чтобы вручить ему официальную ноту с объявлением войны, — в воскресенье 22 июня советский дипломат изволили отдыхать на пляже. Поверенный в делах Соединенного Королевства (английского посла С. Криппса к тому времени уже де-факто выпроводили из Москвы) Баггалеи до 12 часов дня 22 июня не мог добиться встречи с Молотовым, а заместитель наркома

иностранных дел Вышинский высокомерно отказался от какого-либо обсуждения вопросов оказания помощи Советскому Союзу со стороны Великобритании, ссылаясь на отсутствие руководящих указаний.

Нападение Германии изумило обитателей кремлевских кабинетов, ошеломило их и повергло их в состояние шока. Это есть факт.

Есть еще один факт, точнее говоря — большая группа фактов. В мае — июне 1941 г. Вооруженные Силы Советского Союза находились в состоянии скрытого стратегического развертывания. Причем все составляющие стратегического развертывания (мобилизация резервистов, стратегическая перегруппировка и сосредоточение войск, оперативное развертывание группировок) производились в режиме строжайшей, небывалой даже по сверхжестким сталинским меркам, секретности.

Войска западных округов выдвигались к границе ночными переходами, а днем прятались в лесах; соединения внутренних округов перебрасывались на Запад в заколоченных фанерными щитами вагонах, причем место выгрузки (и уж тем более — цель перегруппировки и боевую задачу) не знали даже командиры соединений. Призыв резервистов производился персональными повестками под видом «учебных сборов». Правительство СССР до самого последнего часа не предъявляло Германии никаких претензий, связанных с концентрацией немецких войск у границы. Более того, официальный рупор советского руководства — агентство ТАСС — 14 июня распространило умиротворяющее заявление: «Никакой войны между СССР и Германией не предвидится, стороны строго соблюдают условия Пакта о ненападении: слухи о близящейся войне *являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил*».

В июне 41-го года Советский Союз готовился к широкомасштабным военным действиям, но при этом всеми возможными способами старался скрыть ведущуюся подготовку. Это есть факт.

Перед историками возникла задача: соединить эти два факта в одну картину, дать им внутренне непротиворечивую интерпретацию. Проще говоря, предстояло разъяснить один-единственный вопрос: если Сталин не ожидал немецкого вторжения, то для какой надобности тысячи воинских эшелонов шли к границе, а на базе приграничных округов были развернуты управления ФРОНТОВ и уже 19 июня — за два дня до нападения, которого Сталин не ждал, — фронтовые управления по приказу из Москвы начали выдвижение на полевые командные пункты?

Двадцать лет назад развернутый ответ на этот вопрос дал Виктор Суворов. Он предположил — и обосновал имевшимися в его распоряжении открытыми советскими публикациями, — что Сталин готовился к войне. Готовился всегда, с самого первого дня своей власти. Коллективизация, индустриализация, Большой террор — все это лишь разные грани многогранной работы товарища Сталина по превращению Страны Советов в огромный военный лагерь и разделению строителей коммунизма на две категории: «рабсила» и «пушечное мясо». В августе 1939 г. Сталин принял окончательное решение — поддержать Гитлера. Поддержать его так, как веревка поддерживает повешенного. Сталин помог Гитлеру начать войну против коалиции западных держав (Англия, Франция и их союзники) для того, чтобы начавшаяся истребительная война разорила Европу, по пепелищу которой армиям Сталина предстояло пройти триумфальным маршем. В июне 1941 г. подготовка

к этому маршу была прервана неожиданным для ослепленного манией величия Сталина вторжением вермахта.

В дальнейшем гипотеза В. Суворова продемонстрировала главный признак истинной научной теории, а именно: все новые факты и документы укладывались в рамки концепции Суворова, как патроны в обойму. Точно и четко, не разрушая конструкцию, но лишь повышая ее «убойную мощь». П. Бобылев, Т. Бушуева, В. Данилов, В. Киселев, М. Мельтюхов, В. Невежин, И. Павлова, М. Солонин, Ю. Фельштинский — вот далеко не полный перечень российских историков, в работах которых приведены сотни документов и фактов, подтверждающих гипотезу В. Суворова и фактически переводящих ее из разряда «гипотезы» в ранг научно установленной истины (вопреки модной ныне политкорректности, я считаю, что истина таки существует и задача исторической науки заключается именно в поиске истины, а не в одном лишь «написании текстов»).

С другой стороны, за истекшие после выхода в свет «Ледокола» двадцать лет альтернативных концепций сформулировано не было. Нет ни одной книги, нет ни одной статьи. Никто и ни разу не пытался дать другое объяснение, другую интерпретацию двум, названным мною выше, фундаментальным фактам. Зато есть огромный, возрастающий с каждым днем поток критики Суворова.

Информационное поле заполнено и переполнено диким шумом, гамом, визгом, глумливым хохотом. Огромные площади карельских лесов изведены на издание пасквильных книжонок, в которых с ритуальными выкриками повторяется ставший уже стандартным набором «предъяв». По косточкам разобрана личность Суворова, и «как дважды два доказано», что он очень,

очень плохой человек. Не наш он человек. Редиска. До бесконечности повторяются претензии по поводу ошибок в производственных индексах продукции Харьковского паровозостроительного (то бишь танкового) завода или неверно указанного диаметра левого заднего поддерживающего катка.

По глубоко верному замечанию Д. Хмельницкого, производителей «анти-суворовской» макулатуры *«даже бессмысленно упрекать в недобросовестности — авторы исключительно добросовестно выполняют задачу, исключаящую добросовестный научный подход. Ни по форме, ни по сути она не может числиться по разряду научно-исторической литературы. Это сочинения, консолидирующие идеологическое сообщество»*. От полной безнадеги иные критики ограничиваются лишь бесконечным повторением мантры: «Суворов врет в каждом слове». На «посвященных», т.е. на членов секты «воинствующих антирезунистов», эти выкрики производят магическое действие, аналогично камланию шамана.

«Мне не нужна критика, мне нужна версия». Эта фраза, которую записал на одном из бесчисленных Интернет-форумов анонимный посетитель, предельно четко описывает сложившуюся к 2008 году историографическую ситуацию. Версии, альтернативной гипотезе/теории В. Суворова, как не было, так и нет. Особенно примечательно гробовое молчание мэтров отечественной «исторической науки». Сразу же спешу уточнить — под «молчанием» я понимаю отсутствие ВЕРСИИ, отсутствие логичной, связной, опирающейся на факты интерпретации действий Сталина в 1939—1941 годах. Шума, крика и призывов «прекратить переписывать историю» полным-полно. Иные выступления российских академиков заставляют лучших отечественных юмористов сгорать от зависти.

Вот, например, выступает на страницах газеты «Красная Звезда» (а это, если кто забыл, — официальный печатный орган Министерства обороны РФ) товарищ О. Ржешевский и говорит такие слова: *«Отвергнутая как несостоятельная большинством российских и западных историков, эта версия (версия В. Суворова. — М.С.) тем не менее проросла на отечественной почве прежде всего по той причине, что в средствах массовой информации фактически не дают возможности противопоставить ей имеющиеся достоверные документы и факты».* [1]

Вот оно что — не допускают Заведующего отделом истории войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук, Президента ассоциации историков Второй мировой войны, доктора исторических наук, профессора Ржешевского к редакциям и издательствам. Не может маститый ученый предьявить публике «имеющиеся у него достоверные документы и факты». Я, «историк-любитель из Самары», могу предьявить, а Президенту и профессору рот затыкают. Страшное дело. Не иначе как и здесь «англичанка гадит»...

И не только товарищ Ржешевский связан по рукам и ногам. В одной лишь Москве златоглавой в столичном отделении Академии военных наук числится 257 докторов и 436 кандидатов наук. И это только в Москве. По статуту докторская диссертация должна представлять собой «фундаментальное исследование, формирующее новое направление в науке». 257 научных открытий! Выдающиеся ученые движутся к познанию истины тучными стадами. А ведь, кроме докторов военных наук, на российских нивах, обильно орошенных нефтедолларами, пасутся несравненно более многочисленные отары докторов исторических наук. А нынче завелись еще и социологические, и политологические доктора...

Оглушительное молчание официальной военно-исторической науки — это не просто «знак согласия» с гипотезой Суворова. Это белая простыня капитуляции, свисающая с подоконника генеральских дач. Имея в своем распоряжении все архивы России, имея толпу штатных, оплаченных за счет налогоплательщика подчиненных, они так и не смогли за 20 лет предъявить «городу и миру» ни одного документа, подтверждающего миролюбивые устремления Сталина.

* * *

Если научная дискуссия об общей направленности военно-политических планов Сталина к настоящему времени может считаться завершенной, то **вопрос о запланированных сроках начала вторжения в Европу по-прежнему остается открытым.** И это неудивительно — для сокрытия и извращения информации по этой проблеме официальная советская/российская «историческая наука» приложили максимум усилий. Не будем забывать и о том, что выявление конкретных планов и сроков в принципе невозможно без доступа к тому массиву документов высшего военно-политического руководства СССР, какие и по сей день наглухо закрыты для любого независимого исследователя.

Как будет показано ниже, планы эти ТРИЖДЫ менялись, и причудливое переплетение обрывков информации о трех, весьма различных по замыслу, планах Сталина ставит перед историками чрезвычайно сложную задачу. Единственное, что можно сказать сегодня со всей определенностью, — это то, что в рамках имеющейся источниковой базы РЕШИТЬ эту задачу не удастся. Если что и возможно, так это лишь сформулировать ряд ГИПОТЕЗ, которые будут подтверждены

либо опровергнуты следующим поколением историков. Тем, кто считает обсуждение недоказуемых гипотез бесполезной тратой времени, нет смысла продолжать чтение данной статьи. Всех остальных я прошу смириться с присутствием в этом тексте огорчающих и меня самого слов-паразитов: «возможно», «скорее всего», «вероятно», «не исключено», «можно предположить»...

Первый, изначальный план Сталина был предельно прост и логичен. Известные ныне тексты, в частности, опубликованный французским агентством «Гавас» 28 ноября 1939 г. так называемый «доклад Сталина от 19 августа 1939 г.»; опубликованная Т. Бушуевой запись этого «доклада», обнаруженная ею в Особом архиве (хранилище трофейных документов) [2]; опубликованный М. Шаули отчет группы чехословацких коммунистов об инструкциях, полученных ими в октябре 1939 г. в Москве от руководства НКВД СССР [3], скорее всего, вполне адекватно передают намерения Сталина образца осени 1939 года — хотя проблема аутентичности самих текстов еще требует своего разрешения.

План №1 — это попытка реализации древнекитайской притчи про мудрую обезьяну, наблюдающую с горы за схваткой двух тигров. *«В результате своего скудоумия Гитлер дал нам возможность построить базы против самого себя... С точки зрения экономики Гитлер зависим только от нас, и мы направим его экономику так, чтобы привести воюющие страны к революции. Длительная война приведет к революции в Германии и во Франции... Война обессилит Европу, которая станет нашей легкой добычей. Народы примут любой режим, который придет после войны...»* Если заменить ритуальное в разговоре между «товарищами коммунистами» слово «революция» на гораздо более адекватные ситуации слова «разруха,

хаос и анархия», то простой, как и все гениальное, план Сталина предстанет перед нами во всей своей красе.

Осенью 39-го об установлении конкретных сроков вторжения в Европу не могло быть и речи: война еще только-только разгоралась, до полного разорения и истощения противоборствующих сторон было еще очень далеко. На этом этапе именно Германия представлялась Сталину слабой стороной конфликта, которой он оказывал разнообразную политическую, психологическую, экономическую помощь, с тем чтобы война не прекратилась в самом своем начале по причине разгрома Германии. В этой связи стоит отметить один примечательный момент. В упомянутом выше отчете чехословацких коммунистов приводится фраза А.М. Александрова (заведующий Центрально-Европейским отделом НКВД) о том, что *«мы не можем позволить себе, чтобы Германия проиграла»*. Эта фраза имеет долгую и вполне достоверную историю.

Произнес её сам Сталин поздним вечером 23 августа 1939 г. в ходе беседы с Риббентропом. 18 октября 1939 г. Риббентроп решил использовать эту фразу в своем публичном выступлении и, как лояльный партнер Сталина, заранее прислал текст в Москву для согласования. В версии Риббентропа слова Сталина звучали так: *«Советский Союз заинтересован в том, чтобы Германия, являющаяся его соседом, была сильной, и в случае пробы сил между Германией и западными демократиями интересы СССР и Германии будут, конечно же, совпадать. Советский Союз никогда не захочет видеть Германию попавшей в сложную ситуацию»*. [4] Товарищ Сталин с пониманием отнесся к желанию Риббентропа публично припугнуть ненавистных англо-французских плутократов и лишь попросил слегка смягчить формулировки. В согласованном варианте слова Сталина прозвучали так:

«Советский Союз заинтересован в существовании сильной Германии. Советский Союз поэтому не может одобрить действия западных держав, создающих условия для ослабления Германии и ставящих ее в тяжелое положение».

[5] Эта переписка была опубликована 60 лет назад Госдепом США в знаменитом сборнике трофейных документов германского МИДа «Nazi — Soviet Relations», и никаких сомнений в ее подлинности у историков нет.

Дело (т.е. антизападная направленность политики Сталина) не ограничилось одними только словами. Красная Армия вторглась в Польшу и оккупировала чуть более половины ее территории — действие, которое формально ставило СССР на грань войны с Великобританией, давшей Польше пресловутые «гарантии» неприкосновенности ее территории. Затем было нападение на Финляндию — традиционного союзника западных демократий, исключение Советского Союза из Лиги Наций и уже не формально-юридическая, а вполне реальная перспектива вступления Советского Союза в европейскую войну в качестве противника англо-французского блока.

Удивительный документ (удивительный не своим содержанием, а тем, что его вовремя не уничтожили) сохранился в недрах Российского государственного военного архива. 5 марта 1940 г. заместитель начальника Особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР майор госбезопасности Осетров пишет докладную записку наркому обороны Ворошилову:

«31 января командующий войсками Сибирского военного округа командарм 2-го ранга Калинин сделал в окружном Доме Красной Армии доклад о международном положении... Калинин заявил о неизбежности большой войны весной 1940 года, в которой с одной стороны будет сто-

ять СССР в блоке с Германией, Японией и Италией против англо-французского блока... Военные действия с Англией, Францией и их союзниками будут носить затяжной характер...» [6]

В последних строках докладной записки заместитель главного «особиста» НКВД СССР делает в высшей степени странные выводы: *«Многие командиры считают выступление тов. Калинина путаным и освещением в таком виде международной обстановки политически вредным»*. Как прикажете понимать такую расплывчатость и осторожность в оценке? С каких это пор «особисты» стали прятаться за «мнение многих командиров»? И это после того, как НКВД успешно пересажало и перестреляло многие тысячи командиров Красной Армии?

Можно предположить, что 5 марта 1940 г. тов. Осетров и сам еще толком не знал, как теперь надо «освещать международную обстановку», с кем и против кого будет воевать Советский Союз, но на всякий случай решил проинформировать Ворошилова, с тем чтобы снять с себя всякую ответственность. Судя по последствиям — 4 июня 1940 г. С.А. Калинин получает звание генерал-лейтенанта и продолжает благополучно командовать своим округом, — доклад с открытыми заявлениями о «неизбежности войны против англо-французского блока», да еще и в союзе с гитлеровской Германией и фашистской Италией, вовсе не был оценен как злобная клевета на неизменно миролюбивую внешнюю политику СССР.

О войне против Англии и ее союзников не просто говорили в «окружном Доме Красной Армии». К ней настойчиво готовились. Ряд историков авиации (В. Белоконь, А. Степанов) обратили внимание на явную «антианглийскую» направленность развития советских ВВС на рубеже 30—40-х годов. Уже имея в серийном произ-

водстве и на вооружении строевых частей бомбардировщик ДБ-3ф, способный с бомбовой нагрузкой в 1 тонну пролететь 3300 км (самый дальний на тот момент немецкий He-111 имел боевую дальность не более 2700 км), Сталин в январе 1939 г. ставит перед конструкторами задачу создания бомбардировщика с дальностью 5000 км. В соответствии с этими требованиями был разработан и запущен в серийное производство на крупнейшем воронежском авиазаводе №18 двухмоторный бомбардировщик ДБ-240 (Ер-2). Куда, в какую даль предстояло лететь «сталинским соколам» на бомбардировщиках с огромным радиусом действия? От Минска до Берлина — 1000 км, от Минска до Гамбурга — 1200 км, от Киева до Мюнхена — 1400 км, от Владивостока до Токио — 1200 км. Дальности серийного ДБ-3ф вполне хватало для бомбардировки указанных целей. А вот для удара по Британским островам действительно требовался бомбардировщик со значительно большей дальностью (от Минска до Лондона 1900 км, до Манчестера — 2000 км).

Самым фантастическим проектом было «изделие ПБ-4»: дальний, тяжелый, 4-моторный и при всем при этом — пикирующий (!!!) бомбардировщик. Столь невероятное (никогда и никем не реализованное в металле) сочетание параметров обуславливалось задачей: самолет предназначался для борьбы с крупными надводными кораблями, которые он должен был поражать сверхтяжелой бомбой, разогнанной в пикировании до скорости, позволяющей пробить броневую палубу линкора. ПБ-4 разрабатывался в «шарашке» — тюремном КБ НКВД, в который Берия заботливо собрал весь цвет советской инженерной мысли: Бартини, Глушко, Егер, Королев, Мясищев, Петляков, Стечкин, Туполев, Ча-

ромский... По воспоминаниям Егера, при разработке ПБ-4 в качестве типового объекта для бомбометания рассматривался английский линкор «Нельсон» и база Королевского ВМФ в Скапа-Флоу. И хотя создание самолета с такими параметрами превосходило возможности авиационной техники той эпохи, работы по проекту ПБ-4 продолжались до конца 1939 года.

В разговоре о том, как «под руководством Коммунистической партии накануне войны создавалась мощная оборонная промышленность», обязательно вспомнят и назовут танки Т-34 и КВ, реактивные минометы («катюша»), штурмовик Ил-2. При этом принято забывать о грандиозной программе строительства военно-морского флота. В перечне военной техники, оборудования и вооружений, закупленных в 1939—1940 гг. в Германии (в обмен на кормовое зерно, жмых и очесы льна), едва ли не половину составляют многочисленные образцы корабельной (включая специальные коррозионно-стойкие орудия для подводных лодок) и береговой артиллерии, минного и торпедного вооружения, гидроакустические приборы, палубные самолеты-разведчики и катапульты для их запуска, гребные и турбинные валы, судовые дизели, корабельная броневая сталь, наконец, новейший крейсер «Лютцов», достроенный затем в Ленинграде.

Из 25 миллиардов рублей, ассигнованных в 1940 г. по плану заказов вооружения и боевой техники, почти четверть (5,8 млрд) выделялась Наркомату ВМФ. [7] К началу мировой войны на вооружении ВМФ великой морской державы Великобритании числилось 58 подводных лодок, Германии — 57, Италии — 68, Японии — 63. Огромная континентальная страна СССР имела на вооружении (правда, не к сентябрю 39 г., а к июню 41 г.) 267 подводных лодок. Двести шестьдесят семь. Во-

прос — морскую блокаду какой страны должен был осуществлять этот огромный подводный флот?

В «Записке командующего ВВС Черноморского флота по плану операций ВВС ЧФ» (не ранее 27 марта 1940 г.) читаем:

«Вероятный противник: Англия, Франция, Румыния, Турция.

Задачи ВВС: нанести удары по кораблям в водах Мраморного моря, проливе Босфор, постановка минных заграждений в Босфоре...» [8]

Доклад командующего ВВС ЧФ Главному морскому штабу о плане развития авиации Черноморского флота на 1940—1941 гг. предполагал следующее развитие событий:

«...Задачи авиации по театрам военных действий:

1. Черное море. Нанесение мощных бомбовых ударов по базам: Констанца, Измаил, Варна...

2. Эгейское море: Салоники, Смирна...

3. Средиземное море: Александрия, Хайфа, Суэцкий канал, о. Мальта, Бриндизи... Систематическими ударами по Суэцкому каналу лишить Англию и Средиземноморские государства возможности нормальной эксплуатации этой коммуникации...» [9]

В эти же месяцы весны 1940 г. Главное управление ВВС РККА подготовило документ на 19 страницах под названием: «*Описание маршрутов по Индии № 1 (перевалы Барочиль, Читраль) и № 4 (перевалы Киллио, Гильчит, Сринагор)*». [10] На 34 страницах был составлен «Перечень военно-промышленных объектов» Турции, Ирана, Афганистана, Ирака, Сирии, Палестины, Египта и Индии. [11] Почти все перечисленные страны — колонии или союзники Великобритании.

11 мая 1940 г. дивизионный комиссар Шабалин подает докладную записку начальнику Главного Полит-

управления Красной Армии Мехлису, в которой с большой тревогой пишет о *«необходимости тщательно просмотреть организацию частей и соединений Красной Армии под углом зрения готовности их вести войну на Ближневосточном театре»*. [12]

Вся эта «маниловщина», сладкие сны про «перевалы Киллио, Гильчит, Сринагор» на пути к Индийскому океану и освободительный поход на Иерусалим, рассыпалась в пух и прах в мае 1940 г. Франция и ее союзники были разгромлены в течение одного месяца. Английский экспедиционный корпус еле унес ноги, оставив на прибрежном песке Дюнкерка горы тяжелого вооружения. Новорожденный вермахт с головокружительной быстротой превращался в мощнейшую армию мира. Большая часть континентальной Западной Европы оказалась под контролем Гитлера. Эта ошеломляющая реальность заставила Сталина срочно менять стратегический план войны.

Еще совсем недавно (17 апреля 1940 г.), менее чем за месяц до начала немецкого наступления на Западе, выступая на Совещании высшего состава Красной Армии, Сталин выразил свою обеспокоенность пассивностью вялодерущихся империалистов: *«Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют. Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено»*. Два месяца спустя немецкие войска прошли парадным маршем под Триумфальной аркой Парижа, и перед шибко мудрой обезьяной замаячила перспектива оказаться один на один с разъяренным, попробовавшим вкус крови, тигром. Но пронесло. Летом 40-го года Гитлер в первый (но еще не в последний) раз помог Сталину выкарабкаться из крайне тяжелой ситуации.

Вместо того чтобы вовремя остановиться и, выражаясь циничным языком биржевых спекулянтов, «зафиксировать прибыль», Гитлер решил добить непокорную Англию. И вот тут-то коса нашла на камень. 22 июня (да, странные шутки отпускает порой История...) 1940 года советский посол И. Майский докладывал из Лондона в Москву:

«Теперь уже можно с полной определенностью сказать, что решение британского правительства, несмотря на капитуляцию Франции, продолжать войну находит всеобщую поддержку населения... Большую роль в этом сыграли выступления Черчилля. Паники нет. Наоборот, растет волна упрямого, холодного британского бешенства и решимости сопротивляться до конца...»

В августе 1940 г. началось крупномасштабное воздушное наступление на Британские острова. Однако, несмотря на значительное численное превосходство люфтваффе, блицкриг в небе над Лондоном не состоялся. Не удалось задушить Англию и удавкой морской блокады, хотя немецкие подводники и добились огромных успехов, отправляя на дно морское ежемесячно по 300 000 тонн тоннажа уничтоженных судов. Война, которая в июне 40-го казалась уже завершенной, разгоралась с новой силой, распространяясь на огромной территории от побережья Северной Норвегии до пустынь Северной Африки. Товарищ Сталин смог облегченно вздохнуть и приступить к разработке «плана № 2».

План № 2 — это план войны с Германией. Не вместе с Германией, а против Германии.

В отличие от «плана № 1», о содержании которого можно лишь догадываться по отдельным крохам информации, «план № 2» известен сегодня достаточно подробно. В первой половине 90-х годов были рассекре-

чены и опубликованы в ряде сборников (в частности, в известном двухтомном «Россия — XX век. Документы. 1941 год». М., Международный фонд «Демократия», 1998 г.) следующие документы:

— Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и В.М. Молотову «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке», б/н, не позднее 16 августа 1940 г. [13]

— Документ с аналогичным названием, но уже с номером (№103202) и точной датой подписания (18 сентября 1940 г.) [14]

— Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и В.М. Молотову № 103313 (документ начинается словами: *«Докладываю на Ваше утверждение основные выводы из Ваших указаний, данных 5 октября 1940 г. при рассмотрении планов стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на 1941 год»*, в связи с чем его обычно именуют «уточненный октябрьский план стратегического развертывания») [15]

— Докладная записка начальника Штаба Киевского ОВО по решению Военного Совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 г., б/н, не позднее декабря 1940 г. [16]

— Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и В.М. Молотову «Уточненный план стра-

тегического развертывании Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке», б/н, от 11 марта 1940 г. [17]

— Директива наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии командующему войсками Западного ОВО на разработку плана оперативного развертывания войск округа, б/н, апрель 1941 г. [18]

— Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками, б/н, не ранее 15 мая 1941 г. [19]

• К документам, описывающим оперативные планы советского командования, следует отнести и материалы январских (1941 г.) оперативно-стратегических игр, проведенных высшим командным составом РККА. [20] К такому выводу нас подводит не только простая житейская логика, но и опубликованная лишь в 1992 г. статья маршала А.М. Василевского (в качестве заместителя начальника Оперативного управления Генштаба он участвовал в разработке всех вышеуказанных оперативных планов), который прямо указывает на то, что *«в январе 1941 г., когда близость войны уже чувствовалась вполне отчетливо, основные моменты оперативного плана были проверены на стратегической военной игре с участием высшего командного состава вооруженных сил»*. [21]

Строго говоря, информации для размышления предостаточно. В распоряжении историков имеется пять вариантов общего плана стратегического развертывания Красной Армии и материалы по оперативным планам двух важнейших фронтов: Юго-Западного и За-

падного. В рамках данной статьи следует отметить лишь несколько ключевых моментов.

Во-первых, оперативный план Большой войны существовал. Странно, что это надо особо подчеркивать, но иные пропагандисты в своем «усердии не по разуму» доходили и до утверждения о том, что «наивный и доверчивый» Сталин заменил разработку военно-оперативных планов любовным разглядыванием подписи Риббентропа на пресловутом «Пакте о ненападении». Разумеется, план войны с Германией существовал, и многомесячная работа над ним шла безо всяких оглядок на Пакт. В упомянутых выше планах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР (т.е. начиная с августа 1940 г.) Англия в качестве возможного противника СССР уже не упоминается (!); главным противником неизменно считается Германия, которую предположительно могли поддержать Италия, Венгрия, Румыния и Финляндия.

Во-вторых, все опубликованные на сей момент планы стратегического развертывания представляют собой фактически один и тот же документ, лишь незначительно изменяющийся от одного варианта к другому. Имеет место не только смысловое, но и явное текстуальное сходство всех планов. Все без исключения документы представляют собой описание плана подготовки и проведения **грандиозной наступательной операции, проводимой за пределами государственных границ СССР**. Стратегическая оборонительная операция на собственной территории не рассматривалась даже как один из возможных вариантов развития событий будущей войны! Вся топонимика театра предполагаемых военных действий представляет собой наименования польских городов и рек (*«нанести удар и решительное поражение Люблин — Радом — Сандомир — Краковской группиров-*

ке противника, форсировать р. Висла, овладеть Краков и Варшава и выйти на фронт Варшава, Лодзь, Крейцбург, Опельн...»).

В-третьих, только августовский (1940 г.) документ ставит выбор направления развертывания главных сил Красной Армии в зависимость от вероятных планов противника («считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья р. Сан, необходимо и главные силы Красной Армии иметь развернутыми к северу от Полесья»). С большой натяжкой эту логику еще можно назвать «планированием ответного контрудара». Все же последующие варианты устанавливают географию стратегического развертывания исключительно из соображений военно-оперативных и политических «удобств» для наступающей Красной Армии. Оценка вероятных планов германского командования (развертывание немцами наиболее мощной группировки к северу или к югу от болот Полесья) несколько раз меняется, но это уже никак не влияет на выбор направления главного удара Красной Армии.

Конкретнее: начиная с октября 1940 г. все варианты оперативного плана предусматривают развертывание главных сил Красной Армии южнее р. Припять, в районе так называемого «Львовского выступа». Выбор именно такой схемы развертывания (и, соответственно, отказ от «северного варианта») составители документов обосновывают сугубо наступательными соображениями:

«Развертывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на Варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям, свяжет наши главные силы, не даст

нужного и быстрого эффекта, ускорит вступление Балканских стран в войну против нас...

Наиболее выгодным является развертывание наших главных сил к югу от р. Припять с тем, чтобы мощными ударами на Люблин, Радом и на Краковском направлении разбить главные силы немцев и в первом же этапе войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важных экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне против нас». [22]

Наступление на Люблин — Радом — Краков неизменно называлось лишь «первой стратегической задачей». Мартовский (1941 г.) план уже в явном виде устанавливает направления последующих ударов:

«Дальнейшей стратегической целью для главных сил Красной Армии в зависимости от обстановки может быть поставлено: развить операцию через Познань на Берлин, или действовать на юго-запад на Прагу и Вену, или удар на севере на Торунь и Данциг с целью обхода Восточной Пруссии». [23]

Если сам замысел операции понятен и дискуссия возможна лишь в плане уточнения отдельных деталей, то даже ориентировочную дату начала «освободительного похода» установить на основании рассекреченных документов невозможно. Государство российское продолжает успешно играть с независимыми историками в прятки. Помнится, в годы моего детства была такая радиопередача: «Угадайка, угадайка — интересная игра...»

Высказанная В. Суворовым и И. Буничем гипотеза о том, что вторжение в Европу Сталин намеревался начать в тот момент, когда немецкие войска высадятся на Британских островах, не находит подтверждения в известных документах. Нет слов, гипотеза красивая и ло-

гичная, но, увы, одной только «красоты замысла» для историка мало.

В ходе упомянутых выше январских (1941 г.) оперативно-стратегических игр, проведенных высшим командным составом РККА, разыгрывалось наступление от Львова на Краков и далее через Словакию на Будапешт, которое по сценарию игры происходит в августе 1941 г. Это — указание конкретного года — выглядит довольно странно; указание месяца (август) необходимо для того, чтобы командиры могли правильно учесть природно-климатические условия, продолжительность светового дня и прочее, но для чего же потребовался год?

Самые большие вопросы вызывает Докладная записка от 11 марта 1941 г., где на оборотной стороне 27-й страницы тонким карандашом, аккуратным «бисерным» почерком (предположительно рукой начальника Оперативного управления Генштаба Ватутина) вписана фраза: «*Наступление начать 12.6.*» [24] Фраза эта никак не связана с контекстом (она появляется после описания задачи, поставленной перед «левым крылом главной группировки Юго-Западного фронта») и вообще кажется неуместной в документе, где все хронологические отметки выражены в условных величинах, «привязанных» к первому дню операции («*на 3-й день операции подвижными частями овладеть Седлец и на 5-й день переправами на р. Висла... силами подвижных групп на 8-й день операции овладеть Краков...*»).

Внимательный анализ документа дает некоторое основание предположить, что фраза «*наступление начать 12 июня*» никак не могла быть связана с 12 июня 1941 года. Скорее всего, речь шла о лете 1942 года. Логика здесь очень простая — большая часть механизированных (танковых) соединений, упомянутых в мартов-

ском (1941 года) плане стратегического развертывания, просто не существовала в реальности. Так, в состав 4-й армии Западного фронта (именно ей и предстояло *«на 3-й день операции подвижными частями овладеть Седлец и на 5-й день переправами на р. Висла...»*) по плану включались три мехкорпуса. Тем же тонким карандашом вписаны и их номера: 13-й, 14-й и 17-й. На тот момент о решительном наступлении силами этих соединений не могло быть и речи. 14-й мехкорпус по утвержденным в феврале 1941 г. планам заканчивал формирование лишь в начале 1942 года. Что же касается 13 МК и 17 МК, то они и вовсе находились на самой ранней стадии формирования, и даже к концу 1941 г. их плановая укомплектованность танками должна была составить порядка 25—30%.

В целом развернутая в феврале 1941 г. программа формирования гигантских бронетанковых сил в составе тридцати мехкорпусов по тысяче танков в каждом, перевооружение этой чудовищной бронированной орды «танками новых типов», т.е. КВ и Т-34, не могла быть завершена ранее конца 1942 года (если не позже). Ни один разумный человек — а Сталин, без сомнения, был человеком трезвомыслящим и чрезвычайно осторожным — не стал бы затевать такой грандиозный «капитальный ремонт» за несколько месяцев до Большой войны. Очень может быть, что в бесконечных заклипаниях советской исторической пропаганды («Сталин надеялся оттянуть нападение Германии до лета 1942 года») есть изрядная доля истины. Правда, истины, причудливо искаженной. Сталин не для того создавал крупнейшую армию мира, чтобы с замиранием сердца гадать: «нападет — не нападет...» Сталин вел свою собственную, активную и наступательную политику; он вовсе не ждал нападения Гитлера, а выбирал оптимальный момент

для нанесения сокрушительного первого удара. В марте 1941 г. этот момент, скорее всего, был отнесен им к началу лета («12 июня») 1942 или даже 1943 года.

«В поле две воли», — говорит старинная русская поговорка. Драматичное развитие событий мировой войны не позволило Сталину подготовиться к вторжению в Европу основательно, «с чувством, с толком, с расстановкой». В какой-то момент весны 1941 г. Сталин понял, что «оттянуть» до лета следующего года не удастся и нанести удар первым возможно лишь в том случае, если Красная Армия начнет наступление не позднее сентября 1941 года. Так умер, не успев реализоваться, «план № 2», и высшему военно-политическому руководству Советского Союза пришлось спешно разрабатывать «план № 3».

Когда произошел этот резкий поворот в планах Сталина? Как ни странно, но мы можем определить этот момент времени с точностью до одного-двух месяцев (что в отсутствие прямых документальных свидетельств может считаться высокой точностью). Не раньше 6 апреля — и не позже 24 мая 1941 г.

6 апреля 1941 г. — один из наиболее загадочных дней в истории Второй мировой войны. Напомним основную канву событий. В ночь с 26 на 27 марта в Белграде произошел военный переворот, инспирированный то ли английской, то ли советской спецслужбами. Новое правительство генерала Симовича заявило о своем намерении дать твердый отпор германским притязаниям и обратилось с просьбой о помощи к Советскому Союзу.

3 апреля (т.е. всего лишь через неделю после переворота) югославская делегация уже вела в Москве переговоры о заключении договора о дружбе и сотрудничестве с самим Сталиным. Несмотря на то что Германия

через посла Шуленбурга довела до сведения Молотова свое мнение о том, что *«момент для заключения договора с Югославией выбран неудачно и вызывает нежелательное впечатление»*, в 2.30 ночи 6 апреля 1941 г. советско-югославский договор был подписан.

Через несколько часов после его подписания самолеты люфтваффе подвергли ожесточенной бомбардировке Белград, а немецкие войска вторглись на территорию Югославии. Советский Союз никак и ничем не помог своему новому другу. 6 апреля, примерно в 16 часов по московскому времени, Молотов принял Шуленбурга и, выслушав официальное сообщение о вторжении вермахта в Югославию, ограничился лишь меланхолическим замечанием: *«Крайне печально, что, несмотря на все усилия, расширение войны, таким образом, оказалось неизбежным...»* [25]

Что это было? Для какой надобности Сталин демонстративно «дразнил» Гитлера, не имея желания (да и практической возможности) оказать Югославии действенную военную помощь? Доподлинно известно, что в Берлине этот странный дипломатический демарш восприняли с крайним раздражением. Позднее (22 июня 1941 г.) именно события 5—6 апреля были использованы в германском меморандуме об объявлении войны Советскому Союзу как главное свидетельство враждебной политики, которую Советский Союз проводил в отношении Германии (*«С заключением советско-югославского договора о дружбе, укрепившем тыл белградских заговорщиков, СССР присоединился к общему англо-югославо-греческому фронту, направленному против Германии»*).

6 апреля — это последний день, про который можно с уверенностью сказать, что в этот день советско-германские отношения были весьма напряженными и недружественными. Далее **внешняя** (подчеркнем это

слово тремя жирными чертами) канва событий резко меняется. Причем меняется в сугубо одностороннем порядке — Москва начинает демонстративно и навязчиво «дружить» с Берлином.

13 апреля 1941 г. произошло крупное событие мирового значения: в Москве был подписан Пакт о нейтралитете между СССР и Японией — соглашение, которое развязывало Сталину руки для действий на Западе. В этот же день случился и небольшой эпизод на московском вокзале, привлечший, однако, к себе пристальное внимание политиков и дипломатов всего мира. В отчете, который посол Германии в тот же день с пометкой «Срочно! Секретно!» отправил в Берлин, этот странный эпизод был описан так:

«...Явно неожиданно как для японцев, так и для русских вдруг появились Сталин и Молотов и в подчеркнуто дружеской манере приветствовали Мацуоку и японцев, которые там присутствовали, и пожелали им приятного путешествия. Затем Сталин громко спросил обо мне и, найдя меня, подошел, обнял меня за плечи и сказал: «Мы должны остаться друзьями, и Вы должны теперь всё для этого сделать!» Затем Сталин повернулся к исполняющему обязанности немецкого военного атташе полковнику Кребсу и, предварительно убедившись, что он немец, сказал ему: «Мы останемся друзьями с Вами в любом случае». Сталин, несомненно, приветствовал полковника Кребса и меня таким образом намеренно и тем самым сознательно привлек всеобщее внимание многочисленной публики, присутствовавшей там». [26]

Жаркие объятия у дверей вагона были вскоре дополнены и другими, столь же демонстративными действиями. В Москве были закрыты посольства и дипломатические представительства стран, разгромленных и оккупированных вермахтом. Не стало исключением и

посольство той самой Югославии, на договоре о дружбе с которой, как говорится, «еще не просохли чернила». С другой стороны, взаимоотношения с Великобританией дошли до такой точки замерзания, что английский посол С. Криппс 6 июня 1941 г. был отозван из Москвы в Лондон «для консультаций». В мае 1941 г. Советский Союз с молниеносной готовностью признал прогерманское правительство Ирака, пришедшее к власти путем военного переворота. В самом благожелательном по отношению к Германии духе решались все вопросы экономического сотрудничества. В меморандуме МИД Германии от 15 мая 1941 г. отмечалось:

«Переговоры с первым заместителем Народного комиссара внешней торговли СССР были проведены в весьма конструктивном духе... У меня создается впечатление, что мы могли бы предъявить Москве экономические требования, даже выходящие за рамки договора от 10 января 1941 года... В данное время объем сырья, обусловленный договором, доставляется русскими пунктуально, несмотря на то что это стоит им больших усилий; договоры, особенно в отношении зерна, выполняются замечательно...»
[27]

Престарелый граф Шуленбург был совершенно очарован объятиями гостеприимных московских хозяев (к слову говоря, в 1944 г. бывший посол Германии в СССР был казнен за участие в заговоре против Гитлера, так что его «наивная доверчивость» могла быть и не столь наивной, как кажется). 24 мая 1941 г. в очередном донесении в Берлин он пишет:

«... То, что эта внешняя политика прежде всего направлена на предотвращение столкновения с Германией, доказывается позицией, занятой советским правительством в последние недели (подчеркнуто мной. — М.С.), тоном советской прессы, которая рассматривает все события,

касающиеся Германии, в не вызывающей возражений форме, и соблюдением экономических соглашений...» [28]

5 мая 1941 г. Сталин назначил себя Председателем СНК, т.е. главой правительства СССР. Это событие удивило тогда всех — кроме, разумеется, граждан Страны Советов, которые горячо и единодушно одобрили очередное мудрое решение. Все остальные терялись в догадках. Позднее, осенью 1941 г., С. Криппс писал в своем докладе на имя министра иностранных дел Э. Идена:

«...в СССР начали происходить вещи, имевшие, очевидно, некоторые специальные цели. Вскоре после первоймайского парада был опубликован Указ о назначении Сталина на пост премьер-министра, что, несомненно, было актом громадного политического значения. Все утверждали, что за этим его шагом скрывается какая-то важная цель, но никто с уверенностью не знал, что это значило...» [29]

Тайна сия велика есть. Вряд ли надо объяснять, что и до 5 мая 1941 г. товарищ Сталин, будучи всего лишь одним из многих депутатов Верховного Совета СССР, обладал абсолютной полнотой власти. И до 5 мая 1941 г. товарищ Молотов, являясь номинальным Председателем СНК, согласовывал любой свой шаг, любое решение правительства с волей Сталина. Долгие годы Сталин управлял страной, не испытывая нужды в формальном оформлении своего фактического статуса единоличного диктатора. Что же изменилось в начале мая 41-го года?

10 мая 1941 г. в Комитете Оборона при СНК СССР был утвержден «Перечень вопросов, подлежащих рассмотрению на совещании» (кого с кем — не указано). Пункт 14 повестки дня звучит так: «*О дополнительных сметах расходов на период мобилизации и первый месяц войны*». [30] 12 мая 1941 г. подготовлен «Перечень во-

просов в ЦК ВКП(б)». Пункт 7: *«О работе ГВФ (Гражданский Воздушный флот) в военное время»*. [31]

Особого внимания заслуживает следующий документ. 4 июня 1941 г. нарком ВМФ Н. Кузнецов направляет заместителю Председателя СНК (т.е. заместителю Сталина) Н. Вознесенскому докладную записку № 1146. Гриф секретности документа: *«Совершенно секретно, особой важности»*. И это действительно документ особой важности для историка — в нем впервые рядом со словосочетанием «военное время» появляются абсолютно конкретные даты: *«Представляю при этом ведомость потребности Наркомата ВМФ по минно-торпедному вооружению на военное время с 1.07.41 по 1.01.43. Прошу Ваших указаний об увеличении выделенных количеств минно-торпедного вооружения, учитывая, что потребность в них на 2-е полугодие 1941 в/г составляет 50% от общей потребности на период до 1.01.43 г.»*. [32]

Как видим, нарком ВМФ планирует воевать уже в следующем месяце. Оперативный план этой большой морской войны уже составлен — в противном случае Н.Г. Кузнецов не мог бы прогнозировать конкретное распределение расхода минно-торпедного вооружения по каждому полугодию.

В мае (не ранее 15 мая, точная дата неизвестна) был составлен очередной вариант «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза». Майские «Соображения» — полностью повторяющие все предыдущие варианты по целям, задачам, направлениям главных ударов, срокам и рубежам — содержат и некоторый новый момент. А именно: *«Германия имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар»*. Во всех других известных вариантах плана стратегического развертывания подобной по смыслу фразы нет. Далее разработ-

чики плана настойчиво предлагают «ни в коем случае не давать инициативы действий *Германскому Командованию, упредить противника и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск*».

Исключительно важно подчеркнуть, что речь идет вовсе не о «большей агрессивности» майских «Соображений» — все предыдущие варианты также не предлагали ничего иного, кроме проведения крупномасштабной наступательной операции за пределами государственных границ СССР. Что же до намерения опередить противника и «ни в коем случае не давать ему инициативы действий», то оно является всего лишь элементарным требованием здравого смысла. Преимущество первого удара — слишком серьезная вещь, чтобы дарить ее противнику. Существенная новизна заключается в том, что в мае 41-го советское командование уже не столь уверено в том, что ему удастся это сделать, и поэтому просит Сталина незамедлительно провести все необходимые мероприятия, *«без которых невозможно нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле»*.

24 мая 1941 г. в кабинете Сталина состоялось много-часовое совещание, участниками которого, кроме самого Сталина, были:

- заместитель главы правительства и нарком иностранных дел Молотов,
- нарком обороны Тимошенко,
- начальник Генерального штаба Жуков,
- начальник Оперативного управления Генштаба Ватутин,
- начальник Главного управления ВВС Красной Армии Жигарев,

— командующие войсками пяти западных приграничных округов, члены Военных советов и командующие ВВС этих округов.

Других столь же представительных совещаний высшего военно-политического руководства СССР не было ни за несколько месяцев до 24 мая, ни после этой даты вплоть до начала войны.

Не менее примечательным является и перечень тех лиц, которых на Совещании 24 мая 1941 г. не было. Не были приглашены:

— председатель Комитета Обороны при СНК СССР маршал Ворошилов,

— заместители наркома обороны: маршалы Буденный, Кулик, Шапошников, генерал армии Мерецков,

— начальник Главного управления политической пропаганды РККА Запорожец,

— нарком ВМФ Н. Кузнецов,

— нарком внутренних дел Л. Берия,

— *секретари ЦК ВКП(б) Жданов и Маленков, курировавшие по партийной линии военные вопросы и входившие в состав Главного Военного Совета*

Вот, собственно, и весь «массив информации». Ничего большего неизвестно и по сей день. Ни советская, ни российская официальная историография не проронили ни слова о предмете обсуждения и принятых 24 мая решениях. Ничего не сообщили в своих мемуарах и немногие дожившие до смерти Сталина участники Совещания. Рассекреченные уже в начале 21-го века Особые Папки протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) за май 1941 г. (РГАСПИ, ф.17, оп. 162, д.34—35) также не содержат даже малейших упоминаний об этом Совещании. И лишь маршал Василевский в своей статье, пролежавшей в архивной тиши без малого 27 лет, вспоминает: «За несколько недель до нападения на нас фа-

шистской Германии, точной даты, к сожалению, назвать не могу, вся документация по окружным оперативным планам была передана Генштабом командованию и штабам соответствующих военных округов».

Какие выводы можем мы сделать на основании имеющихся обрывков информации? 24 мая 1941 г. состоялось Совещание высшего военно-политического руководства страны. Состав участников Совещания достаточно странный: отсутствуют маршалы, занимающие высокие и громкие по названию должности, зато присутствуют генерал-лейтенанты из округов. Если бы в кабинете у Сталина происходило обычное «дежурное мероприятие», что-нибудь вроде обсуждения итогов боевой подготовки войск и планов учений на летний период, то состав участников, скорее всего, был бы иным. Остается предположить, что память не подвела Василевского и именно в ходе Совещания 24 мая 1941 г. содержание сверхсекретных оперативных планов было доведено до сведения исполнителей, т.е. командования приграничных военных округов (будущих фронтов).

Если это так, то тогда становится совершенно понятным и подбор участников Совещания (только те, кто разрабатывал последний вариант оперативного плана войны и кому этот план предстояло выполнять), и строжайшая, непроницаемая завеса секретности, которая окружала (и окружает по сей день) все, что связано с тайной Совещания 24 мая.

Если наше предположение верно и на Совещании 24 мая 1941 г. утвержденный Сталиным план войны против Германии был доведен до сведения будущих командующих фронтами, то «диапазон возможных дат» начала операции сужается практически до двух месяцев: **от середины июля до конца августа 1941 г.**

Кратко поясним этот, достаточно очевидный, вывод. Если бы в мае 41-го вторжение в Европу планировали начать в 1942 (и уж тем более — в 1943) году, то 24 мая 1941 г. сверхсекретные оперативные планы не стали бы передавать командованию военных округов. Слишком рано. Опасно — резко увеличивается возможность утечки информации. Да и бессмысленно — до лета 1942 г. военно-политическая ситуация могла многократно измениться. И сам факт проведения Совещания 24 мая, и явно обозначившаяся с середины апреля политика показного «миролюбия» в отношениях с Германией, и официальное принятие Сталиным должности главы правительства СССР, и — самое главное — начавшаяся с конца мая скрытая мобилизация и крупномасштабная передислокация войск позволяют предположить, что **план Сталина № 3 предполагал начать вторжение в Европу уже летом 1941 года.**

Указать точную конкретную дату начала стратегического сосредоточения войск Красной Армии не представляется возможным. Красивая метафора, предложенная В. Суворовым («лев в саванне сначала долго и бесшумно подползает к своей жертве и только в последний момент, с оглушительным рычанием, бросается на нее в открытом прыжке»), как нельзя лучше описывает ситуацию мая — июня 1941 г. Стратегическое развертывание Красной Армии происходило в обстановке небывалой секретности, с нарушением многих «общепринятых» правил. *«Общий объем перевозок войсковых соединений составлял 939 железнодорожных эшелонов. Растянутость выдвижения войск и поздние сроки сосредоточения определялись мерами маскировки и сохранением режима работы железных дорог по мирному времени»,* — пишут авторы коллективного труда «1941 год — уроки и

выводы» (составлен большой группой военных историков СССР в 1992 г.).

Фраза о «растянутости выдвижения войск», да еще и с «сохранением режима работы железных дорог по мирному времени», заслуживает особого внимания. Для многомиллионных армий первой половины 20-го века железные дороги, поезда и паровозы стали важнейшим «родом войск», во многом предопределявшим исход главных сражений двух мировых войн. Соответственно все страны имели разработанные еще в мирное время планы перевода железнодорожного движения на режим «максимальных военных перевозок». Так, на этапе стратегического развертывания вермахта для вторжения в СССР железные дороги перешли на график максимальных военных перевозок с 23 мая. Режим военных перевозок в европейской части СССР вводился (12 сентября 1939 г.) даже на этапе стратегического развертывания Красной Армии перед войной с полуразрушенной вторжением вермахта Польшей. [33] Однако в июне 1941 г. ничего подобного сделано не было!

По расчетам, содержащимся в предвоенных планах советского командования, для осуществления перевозок по планам стратегического развертывания войск Красной Армии требовалось от 8 дней (для Северного фронта, т.е. Ленинградского ВО) до 30 дней (для Юго-Западного фронта, т.е. Киевского ОВО). Фактически же, в условиях сохранения режима работы железных дорог мирного времени, перегруппировка войск не форсировалась, а затягивалась. Затягивалось со вполне понятной, откровенно названной в 1992 г. группой советских историков целью — обеспечить максимально возможные «меры маскировки». Говоря еще проще — не вспугнуть «дичь» раньше времени.

Первыми начали выдвижение находящиеся в Забайкалье и Монголии соединения 16-й армии и 5-го мехкорпуса. 22 мая 1941 г. началась погрузка первых частей в эшелоны, которые, с учетом огромного расстояния и сохраняющегося графика работы железных дорог мирного времени, должны были прибыть на Украину, в район Бердичев — Проскуров — Шепетовка, в период с 17 июня по 10 июля. С 13 по 22 мая поступили распоряжения Генштаба о начале выдвижения к западной границе еще двух армий резерва Главного командования. 22-я армия выдвигалась в район Великие Луки — Витебск со сроком окончания сосредоточения 1—3 июля, 21-я армия сосредоточивалась в районе Чернигов — Гомель — Конотоп ко 2 июля. 29 мая принято решение о формировании 19-й армии и развертывании ее в районе Черкассы — Белая Церковь к 7 июля. Не ранее 13 июня принято решение о формировании на базе соединений Орловского и Московского ВО еще одной, 20-й армии, которая должна была сосредоточиться у Смоленска к 3—5 июля.

«Переброска войск была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в районах, намечаемых оперативными планами, с 1 июня по 10 июля 1941 г.». Уже за одну эту фразу авторов коллективной монографии «1941 год — уроки и выводы» следовало бы наградить медалью «За отвагу». Фактически эта фраза означает, что при разработке «оперативных планов», в частности при составлении графика развертывания, немецкое вторжение не предполагалось.

Логика и хронология тут очень простая. Войска, завершившие сосредоточение к 10 июля, закончат оперативное развертывание и изготовятся к бою не раньше 15—20 июля. В целях проведения стратегической **ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ** операции это будет уже безна-

дежно поздно (что и было беспощадно подтверждено на полях сражений лета 1941 г.). Наивно было бы ожидать, что Гитлер — если он решится напасть на СССР в 1941 году — станет тянуть с началом вторжения до второй половины июля. Как известно ныне, по первоначальному плану германского командования вторжение должно было начаться 15 мая, после окончательного просыхания грунтовых дорог европейской части СССР от весенней распутицы. Балканская кампания «смешала карты» Гитлера и привела к отсрочке нападения на СССР на целых пять недель (не секрет, что, по мнению многих военных специалистов — и не только из числа «битых гитлеровских генералов», — эта задержка фатальным образом отразилась на итогах кампании). Начинать же наступление во второй половине июля было бы полным безумием — даже при отсутствии всякого сопротивления со стороны Красной Армии немецкой пехоте (а это четыре пятых армии вторжения) предстояло брести к установленной в «плане Барбаросса» линии Архангельск — Астрахань по пояс в снегу...

«Завершение сосредоточения в районах, намечаемых оперативными планами» в первой декаде июля, означает готовность к началу стратегической НАСТУПАТЕЛЬНОЙ операции начиная с 15—20 июля. Это «нижняя граница» даты начала вторжения в Европу по сталинскому «плану № 3». Верхнюю границу также не сложно определить, исходя из оценки природно-климатических условий восточно-европейского ТВД.

Главный удар, как было уже отмечено выше, предстояло нанести в направлении Львов — Краков, с дальнейшим развитием наступления на Познань — Берлин или Прага — Вена. Плановая продолжительность решения «первой стратегической задачи» составляла 25—30 дней. Но не все на войне идет по плану, к тому

же за успешным решением «первой задачи» должен был последовать следующий, еще более глубокий удар. Но даже в Южной Польше, в Словакии и Венгрии в октябре — ноябре наступает осень, а затем и зима — сырая, слякотная, с дождями, туманами и мокрым снегом. Для действий авиации и моторизованных войск это значительно хуже «нормальной» русской зимы с крепкими морозами, которые превращают все дорожные направления в «дорогу с твердым покрытием» и сковывают озера и реки ледяным «мостом». Таким образом, **конец августа — начало сентября может считаться предельным сроком**, после которого начинать крупномасштабное наступление в Южной Польше и на Балканах было бы слишком рискованно.

Стоит сравнить хронологию стратегического развертывания Красной Армии с тем, как шла подготовка к вторжению по другую сторону будущего фронта. В декабре 1940 г. Гитлер сообщил своим генералам: *«Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операции»*. Это обещание («восемь недель») Гитлер выполнил — день начала операции (22 июня 1941 г.) был окончательно установлен и доведен до сведения Верховного командования вермахта 30 апреля, т.е. за 52 дня до начала операции. Отсчитав те же восемь недель от даты Совещания 24 мая, мы попадаем в 19 июля — вполне реалистичный срок завершения всех мероприятий по стратегическому развертыванию Красной Армии.

Стоит отметить, что в ЦАМО, в архивном фонде трофейных документов противника, хранится некая аналитическая записка (предназначенная, вероятно, для пропагандистских служб вермахта), в которой описываются причины, побудившие фюрера начать войну

против Советского Союза. Там, в частности, упомянут некий *«секретный материал, найденный в служебном помещении Красной Армии в Луцке»* (Западная Украина), в соответствии с которым начало боевых действий якобы предусматривалось 25 июля 1941 года. [34]

В качестве предполагаемого срока начала войны называли июль — август 1941 г. и многие из захваченных в плен командиров Красной Армии. Разумеется, круг лиц, допущенных к военной тайне такой важности, как точная дата внезапного нападения, был крайне ограничен, поэтому приведенные ниже показания могут служить лишь отражением общих настроений, «общего духа», который витал в Красной Армии летом 41-го года. [35]

Так, военврач Котляревский, призванный 30 мая 1941 г. на 45-дневные «учебные сборы» в медсанбат 147-й стрелковой дивизии, сообщил, что *«7 июня медицинскому персоналу доверительно сообщили, что по истечении 45 дней увольнения не последует, так как в ближайшее время будет война с Германией»*.

Капитан Краско, адъютант командира 661-го полка 200-й стрелковой дивизии, показал: *«Еще в мае 1941 г. среди офицеров высказывалось мнение о том, что война начнется после 1 июля»*.

По словам майора Коскова, командира 25-го полка 44-й стрелковой дивизии, *«судя по масштабу и интенсивности подготовки к войне, русские напали бы на Германию максимум через 2—3 недели»* (после 22 июня. — М.С.).

Полковник Гаевский, командир полка 29-й танковой дивизии (в документах 29 тд нет упоминаний о полковнике с такой фамилией. — М.С.) показал: *«Среди командиров много говорили о войне между Германией и Россией. Существовало мнение, что война начнется примерно 15 июля»*.

Майор Соловьев, начштаба 445-го полка 140-й стрелковой дивизии: *«В принципе конфликта с Германией ожидали после уборки урожая, примерно в конце августа — начале сентября. Поспешную передислокацию войск к западной границе можно объяснить тем, что срок нападения перенесли назад».*

Подполковник Ляпин, начальник оперативного отделения штаба 1-й мотострелковой дивизии, показал, что *«советское нападение ожидалось осенью 1941 г.».*

Генерал-майор Малышкин (перед войной — старший преподаватель, затем начальник курса в Академии Генерального штаба; начальник штаба 19-й армии Западного фронта, пленен 11 октября в Вяземском «котле»; один из главных сподвижников Власова, повешен 1 августа 1946 г.) заявил, что *«Россия напала бы в середине августа, используя около 350—360 дивизий».*

Показания, данные во вражеском плену, да еще и лицами, активно сотрудничавшими с оккупантами, вызывают понятные сомнения. Однако злополучный месяц август, как вероятный срок начала войны, всплывает в самых неожиданных документах.

В начале июня 1941 г. советскую военную базу на «арендованном» финляндском полуострове Ханко посетил с инспекцией командующий Ленинградского ВО генерал-лейтенант М.М. Попов. 15 июня М.М. Попов подписал доклад, направленный в Наркомат обороны СССР, в котором выразил обеспокоенность недостаточной, по его мнению, обороноспособностью базы в Ханко и высказал целый ряд конкретных предложений по ее укреплению. Заканчивался же доклад следующей фразой: *«Все эти мероприятия необходимо провести не позднее 1 августа 1941 г. (подчеркнуто мной. — М.С.)».*

[36]

17 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение *«призвать в армию 3700 политработников запаса для укомплектования среднего политсостава. Призывы произвести с 1 июля по 1 августа 1941 г.»* [37]

18 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает следующее решение: *«выдать наркомату обороны в июне из госрезервов 750 тыс. штук автомобильных шин с возвратом в УГМР [Управление государственных мобилизационных резервов] в сентябре. Разрешить Наркомрезинпрому прекратить с 18 июня отгрузку а/м шин всем потребителям, за исключением наркоматов и ведомств, указанных в Приложении 1, с переносом недогрузов на 4-й квартал».* [38]

В этом документе нет слова «август» — но есть четкое понимание того, что в июне — июле у Наркомата обороны возникнет экстренная, «пиковая» потребность в авторезине. Эту потребность решено покрыть с использованием чрезвычайных мер, образовавшуюся в запасах и снабжении гражданских ведомств «брешь» постепенно восполнить, начиная с сентября — октября. Можно с большой долей уверенности предположить, что экстренная потребность в авторезине была связана с запланированной на июль — август открытой мобилизацией, в рамках которой из народного хозяйства в Красную Армию предстояло передать порядка 240 тыс. автомобилей.

В архиве Коминтерна хранится интереснейшая коллекция документов — отчеты о проделанной работе (в большинстве случаев — подрывной) финских коммунистов, перешедших в сентябре 1941 г. линию фронта. Среди прочих лежит и доклад товарища Рейно В. Косунена «О работе парторганизаций в Хельсинки и Куопио». Заканчивается отчет следующим самокритичным замечанием:

«Мы, члены партии, не были на уровне международных событий в то время, когда началась новая война. За две недели до начала войны между Германией — Советским Союзом и Финляндией (так в тексте. — М.С.) я получил от руководства партии доклад об оценке положения, т.к. я должен был выехать в партийную командировку в Коркила.

Доклад содержал следующее:

1. Война продолжается и распространяется. Это не молниеносная война.

2. В положении Финляндии не ожидается изменений до осени (подчеркнуто мной. — М.С.), таким образом, война пока не ожидается.

Мы, значит, не готовились к войне раньше, чем осенью». [39]

Способность к самокритике украшает человека — но в данном случае товарищ Косунен несправедлив к себе и неназванным «членам партии». Партия эта управлялась не из Хельсинки, а из Москвы. Никаких других «оценок положения», кроме тех, что поступали от московского руководства, финские товарищи выработать не могли (да и не имели права). И если финские коммунисты готовились к войне, которая начнется «не раньше осени», то эту мысль им подсказали не случайно. Не случайно и то, что дата предполагаемого начала войны названа с некоторым запозданием — преднамеренная дезинформация рядовых исполнителей является важным и общепринятым приемом сокрытия подлинной информации...

* * *

Строго говоря, на этом краткий обзор трех планов Сталина можно считать завершенным. Подробная детализация и уточнение важных деталей станут возможны-

ми лишь с расширением источниковой базы. С другой стороны, самое важное доподлинно известно уже сейчас — ни один из этих планов так и не был реализован.

В июне 1941 г. фактически еще только-только начинавшееся стратегическое развертывание Вооруженных Сил СССР было прервано гитлеровским вторжением. Не завершившие от мобилизации войска, разбросанные на огромных пространствах, не успевшие построить ни запланированные наступательные, ни импровизированные оборонительные группировки, подверглись сокрушительному удару вермахта и фактически были разгромлены по частям. И лишь огромные размеры этих «частей», колоссальные людские ресурсы (во втором полугодии 1941 г. в Красную Армию было призвано 11 790 тыс. человек), циклопические горы оружия, накопленного в предвоенные годы, мощная, географически недоступная для немецкой авиации оборонная промышленность позволили избежать полного поражения.

Есть, однако, еще один вопрос, еще одна историческая проблема, без всякого преувеличения заслуживающая названия «тайна июня 41-го». Проблема заключается в том, что в последние мирные дни (ориентировочно с 13 по 22 июня 1941 г.) высшее военно-политическое руководство СССР совершало действия (или не менее удивительные бездействия), абсолютно неадекватные сложившейся обстановке. Или мы имеем дело с проявлением безумия, приступом временной невменяемости товарища Сталина (что, к слову говоря, вполне допустимо — история переполнена примерами безумных поступков сильных мира сего), или в те дни вступил в действие некий, пока еще никем толком не дешифрованный, «план Сталина № 4».

В чем конкретно состояли эти «неадекватные действия и бездействия»?

Для Гитлера момент перехода от стадии скрытного «подкрадывания» к последнему решительному рывку наступил 6—10 июня 1941 г. В эти дни началась погрузка в идущие на Восток железнодорожные эшелоны танковых и моторизованных дивизий вермахта (до этого момента у западных границ СССР накапливалась пехота, постепенно нарастающая концентрация которой не давала еще оснований для однозначных выводов о целях немецкого командования). 14—20 июня механизированные соединения прибывали на станции выгрузки в 100—150 км от границы и походными колоннами двигались в исходные для наступления районы.

Танковая дивизия вермахта — это в среднем 200 танков и более 2,5 тыс. колесных и гусеничных машин, транспортеров, тягачей и броневиков. Походная колонна танковой дивизии — это грохочущая, поднимающая пыль до неба «стальная лента» протяженностью в несколько десятков километров. Да и не одна дивизия шла к советским границам. Так, на узкой (примерно 35×35 км) полоске «Сувалкского выступа» (на стыке границ Восточной Пруссии, Литвы и Белоруссии) во второй декаде июня сгрудились четыре танковые (20-я, 7-я, 12-я, 19-я) и три моторизованные (14-я, 20-я, 18-я) дивизии вермахта. И это в дополнение к девяти пехотным (26, 6, 35, 5, 161, 28, 8, 256, 162).

В те же самые дни происходило широкомасштабное перебазирование авиагрупп люфтваффе на приграничные аэродромы. Так, две самые крупные истребительные эскадры (авиадивизии) 2-го Воздушного флота (JG 53 и JG 51) перелетели на аэродромы оккупированной Польши соответственно 12—14 и 13—15 июня 1941 г. На аэродромном узле Сувалки (и близлежащих полевых аэродромах) базировались четыре группы (полка) пикирующих «юнкерсов», пять истребительных авиагрупп

и две штурмовые (ZG) группы, оснащенные двухмоторными Me-110. Не заметить такую концентрацию сил противника в полосе 30—50 км от границы советская разведка не могла. Еще труднее было ошибиться в оценке задачи, которую поставило немецкое командование перед войсками, сосредотачиваемыми на узких пятачках, вдающихся в советскую территорию на стыке военных округов/фронтов.

По здравой логике, по основополагающим азам военной науки и в соответствии с многолетним практическим опытом в подобной ситуации военно-политическое руководство СССР должно было незамедлительно принять два взаимосвязанных решения: 1) начать полномасштабную мобилизацию (т.е. призвать плановое количество резервистов, изъять из народного хозяйства и передать в распоряжение армии сотни тысяч автомашин и десятки тысяч тракторов, разбронировать мобилизационные запасы военного имущества) и 2) начать операцию прикрытия мобилизации сосредоточения и развертывания.

Именно эти два решения и представляют собой конкретное практическое содержание того, что на обыденном языке называется «привести войска в состояние полной боевой готовности».

Однако ни того ни другого сделано не было.

Советский Союз, эта предельно милитаризированная тоталитарная империя, которая на протяжении многих лет готовилась к Большой войне с немыслимым для ее соседей размахом, оказалась единственным из числа участников Второй мировой войны (имея в виду крупные европейские государства, а не латиноамериканские банановые республики), который не провел полномасштабную мобилизацию Вооруженных Сил до начала боевых действий. Более того — открытая мо-

билизация в СССР была начата даже не в день начала войны, а на второй день — 23 июня 1941 г. Это абсолютно невозможная, невероятная ситуация. Такого не было нигде: Германия и Польша, Франция и Финляндия, Румыния, Италия и Бельгия — все эти страны начали мобилизацию за несколько дней, или даже за несколько недель до начала войны. Единственным исключением из правил оказался Советский Союз.

Указ Президиума Верховного Совета СССР гласил: *«Первым днем мобилизации считать 23 июня 1941 года»*. Объявление мобилизации с 23 июня есть действие настолько невероятное, что авторы многих исторических книг, без долгих рассуждений, датой начала мобилизации называют «естественное и понятное всем» 22 июня... Примечательная деталь — маршал Жуков, отчетливо понимающий всю абсурдность ситуации НЕ-объявления мобилизации в день начала войны, начинает выдумывать в своих мемуарах такую историю:

«...С. К. Тимошенко позвонил И. В. Сталину и просил разрешения приехать в Кремль, чтобы доложить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации и образовании Ставки Главного Командования, а также ряд других вопросов. И. В. Сталин ответил, что он занят на заседании Политбюро и может принять его только в 9 часов (странно, что ранним утром 22 июня могло быть более важным для пресловутого «Политбюро», нежели доклад руководства Вооруженных Сил? — М.С.) ...Короткий путь от наркомата до Кремля автомашины наркома и моя покрыли на предельно большой скорости. Нас встретил А. Н. Поскребышев и сразу проводил в кабинет И. В. Сталина...» [40]

Сколько времени могла занять эта поездка «на предельно большой скорости» от одного здания в центре Москвы до другого? Если бы свидетельство Жукова

было правдой, то Поскребышев открыл бы перед Тимошенко и Жуковым дверь в кабинет Хозяина примерно в 9 часов 20 минут. Больше 20 минут и не надо для того, чтобы доехать от дома к дому, предъявить документы охранникам и подняться бегом по лестнице. Увы, «Журнал посещений» молча, но твердо уличает Жукова во лжи: в кабинет Сталина и он, и маршал Тимошенко вошли в 14.00. В два часа пополудни. Машины якобы «мчались» пять часов...

Фактически совещание военных в кабинете Сталина началось в 14.00, и в 16.00 Тимошенко, Жуков, Кулик, Ватутин и Шапошников вышли из кабинета Сталина. И лишь после этого телеграмма об объявлении мобилизации была подписана наркомом обороны и сдана на Центральный телеграф Министерства связи в 16 ч 40 мин 22 июня 1941 г.

«Мобилизация — это война». Комплекс мобилизационных мероприятий настолько велик, что скрыть от противника начавшуюся мобилизацию не удастся (в случае же публичного объявления Указа Президиума ВС, о «скрытности» мобилизации и говорить-то не приходится). Объявление (или фактическое начало) мобилизации может подтолкнуть противника к началу военных действий. Такая угроза вполне реальна. Именно по этой причине во всех без исключения планах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР, равно как и в планах оперативного развертывания войск военных округов, было предусмотрено проведение на начальном этапе операции по прикрытию мобилизации и сосредоточения.

В период с 5 по 14 мая 1941 г. в округа была направлена Директива наркома обороны на разработку полноценных планов прикрытия, и эта работа была завершена в конце мая — начале июня 1941 г. Планы прикрытия

существовали, они были детализированы до уровня армий, корпусов и дивизий и хранились в штабах в знаменитых «красных пакетах». Дело оставалось за малым — планы прикрытия надо было достать из сейфа и ввести в действие.

И вот тут-то возникает большая проблема. В отличие от часового на посту (который не только имеет право, но и обязан принять решение на применение оружия самостоятельно, не дожидаясь никаких руководящих указаний сверху) ни один командир не имел права начать проведение операции прикрытия без прямого приказа вышестоящего начальника. На «вершине пирамиды», на уровне командования военных округов/фронтов планы прикрытия заканчивались следующей фразой: *«План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за подписью наркома обороны СССР, члена Главного Военного совета и начальника Генерального штаба следующего содержания: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 года».*

Вот эти четыре слова так и не были произнесены. Вместо короткой, заранее оговоренной фразы («ввести в действие план прикрытия») поздним вечером 21 июня 1941 г. Тимошенко и Жуков (а по сути дела — Сталин) отправили в округа целое сочинение, вошедшее в историю под названием «Директива №1». Вот ее полный текст:

«1. В течение 22 — 23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных

округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированы;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить».

Обсуждение и анализ смысла этого текста продолжается уже более полувека. Одни утверждают, что главное в Директиве — требование «не поддаваться на провокации». Другие резонно возражают, указывая на фразу «встретить возможный удар немцев». Третьи справедливо указывают на явную двусмысленность Директивы: как можно «встретить удар немцев», не проводя при этом «никаких других мероприятий», кроме рассредоточения и маскировки? Как можно привести в «полную боевую готовность» неотмобилизованные, не укомплектованные по штатам военного времени войска? Как в условиях жесточайшего дефицита времени командующие округов должны отличить «провокационные действия» от «внезапного удара немцев»?

Вплоть до самых последних минут мирного времени Москва так и не отдала прямой и ясный приказ о

введении в действие плана прикрытия. В показаниях командующего Западного фронта Д.Г. Павлова (протокол первого допроса от 7 июля 1941 г.) события ночи 22 июня описаны следующим образом:

«...В час ночи 22 июня с. г. по приказу народного комиссара обороны я был вызван в штаб фронта. Вместе со мной туда явились член Военного Совета корпусной комиссар Фоминых и начальник штаба фронта генерал-майор Климовских. Первый вопрос по телефону народный комиссар задал: «Ну, как у вас, спокойно?» Я ответил, что очень большое движение немецких войск наблюдается на правом фланге: по донесению командующего 3-й армией Кузнецова, в течение полутора суток в Сувалкский выступ шли непрерывно немецкие мотомехколонны. По его же донесению, на участке Августов — Сапоцкин во многих местах со стороны немцев снята проволока заграждения.

На мой доклад народный комиссар ответил: «Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации — позвоните». На этом разговор закончился...» Итак, в дополнение к сотням других донесений, которые поступали в Генеральный штаб Красной Армии, командующий войсками приграничного округа сообщает, что противник снял проволоку заграждений и к границе непрерывно идут колонны танков и мотопехоты. Связь между Минском и Москвой есть, и она устойчиво работает. Приказ наркома — не паниковать. При этом Тимошенко высказывает предположение о том, что утром 22 июня «может случиться что-то неприятное». Неужели такими словами маршал и нарком обороны обозначил возможное нападение 3-миллионной вражеской армии?

«...В 3 часа 30 мин. народный комиссар обороны позвонил ко мне по телефону снова и спросил — что нового? Я ему ответил, что сейчас нового ничего нет, связь с армиями у меня налажена и соответствующие указания командующим даны...» Еще раз отметим, что связь устойчиво работает, командующие в Москве, Минске, Гродно, Белостоке и Кобрине не спят; по другую сторону границы приказ о наступлении уже более 12 часов назад доведен до сведения трех миллионов солдат и офицеров вермахта (что должна была бы зафиксировать и советская военная разведка). Но нарком обороны упорно не желает произнести четыре заветных слова: «Ввести в действие план прикрытия».

Существует описание реакции Сталина на сообщение о немецком вторжении. Оно принадлежит свидетелю и главному участнику событий — маршалу Жукову. За много лет до написания своих печально-знаменитых мемуаров, 19 мая 1956 г., Г.К. Жуков составил и передал для утверждения Н.С. Хрущеву проект доклада на Пленуме ЦК КПСС. Пленум, на котором предполагалось дать жесткую оценку «культу личности», так и не состоялся, но текст произнесенной речи Жукова сохранился в архивной тиши до наших дней:

«...Мы с тов. С. К. Тимошенко просили разрешения дать войскам приказ о соответствующих ответных действиях. Сталин, тяжело дыша в телефонную трубку, в течение нескольких минут ничего не мог сказать, а на повторные вопросы ответил: «Это провокация немецких военных. Огня не открывать, чтобы не развязать более широких действий. Передайте Поскребышеву, чтобы он вызвал к 5 часам Берия, Молотова, Маленкова, на совещание прибыть Вам и Тимошенко».

Свою мысль о провокации немцев Сталин вновь подтвердил, когда он прибыл в ЦК. Сообщение о том, что

немецкие войска на ряде участков уже ворвались на нашу территорию, не убедило его в том, что противник начал настоящую и заранее подготовленную войну. До 6 часов 30 мин. он не давал разрешения на ответные действия и на открытие огня...» [41]

Это описание событий достаточно точно — и по хронологии, и по названным участникам совещания (правда, член Главного Военного совета Г. Маленков появился в кабинете Сталина лишь в 7.30). Следует отметить и то важное обстоятельство, что свой доклад на Пленуме товарищу Жукову предстояло произнести в присутствии живого участника событий — весной 1956 г. Молотов был еще членом ЦК. Есть серьезные основания поверить в правдоподобие данной версии, в соответствии с которой Сталин не просто расценил произошедшее как «провокацию немецких военных», но и прямо запретил ответные действия!

Странные и загадочные события последних предвоенных дней не могли не привлечь к себе внимание историков и журналистов. На эту тему написаны уже сотни статей и книг. Первой по хронологическому порядку была выдвинута потрясающая по своей абсурдности версия о том, что товарищ Сталин был не доверчивый, а супердоверчивый. Наивный и глупый. Воспитанница института благородных девиц, краснеющая при виде голых лошадей на улице, могла бы считаться «гением злодейства» по сравнению с этим простодушным дуррачком. Оказывается, Сталин любовно разглядывал подпись Риббентропа под Пактом о ненападении вместо того, чтобы привести войска в «состояние полной готовности»...

Затем эту версию несколько видоизменили и «усовершенствовали». Нет, Риббентропу наш тиран не поверил, он просто растерялся и впал в прострацию. Для

пушей важности был вызван израильский профессор Г. Городецкий (он, к слову говоря, не репатриант из бывшего СССР, а урожденный израильтянин), который в книге с восхитительным названием: «Роковой самообман. Сталин и нападение Германии» без тени иронии написал такое:

«...Сталин просто-напросто отказывался воспринимать сообщения разведки... Сталин явно растерялся, но отчаянно не хотел расставаться со своим заблуждением... Сталин, по-видимому, гнал прочь любую мысль о войне, он потерял инициативу и был практически парализован...»

Не многим уступали «иностранному консультанту» и местные кадры. Один товарищ написал дословно следующее: *«Ожидая в случае войны скорого поражения, а ддя себя лично — гибели, Сталин, вероятно, счел сопротивление бесполезным, оттого и не пытался ни грозить Гитлеру, ни изготовиться к бою вовремя...»*

Эта потрясающая по силе «рокового самообмана» версия (хотя в данном случае, скорее всего, надо говорить не о самообмане авторов, а о целенаправленном обмане окружающих) не смогла пережить первой же встречи с тем массивом документов и фактов, который открылся в первой половине 90-х годов. Сегодня уже не вызывает ни малейших сомнений то обстоятельство, что весной 41-го Сталин вовсе не был парализован, растерян и испуган до умопомрачения. Он не только не «гнал прочь любую мысль войне», а готовился к приближающемуся дню начала войны с предельным напряжением всех сил огромной страны. Начиная со второй декады июня в обстановке глубочайшей секретности начали осуществляться мероприятия, которые невозможно интерпретировать иначе как подготовку к войне. К войне, которая должна начаться не в каком-то «обозримом будущем», а в самые ближайшие дни и часы.

Наиболее значимым фактом является создание фронтовых управлений и вывод их на полевые командные пункты. В мирное время фронты в составе Красной Армии никогда не создавались (развернутый с конца 30-х годов Дальневосточный фронт может служить как раз примером «исключения, подтверждающего правило», — граница с оккупированным Японией Китаем непрерывно вспыхивала то большими, то малыми вооруженными конфликтами). И, напротив, фронтовые управления создавались перед каждым «освободительным походом» (11 сентября 1939 г. — за шесть дней до вторжения в Польшу, 7 января 1940 г. — после того как «триумфальный марш на Хельсинки» превратился в настоящую войну, 9 июня 1940 г. — за девятнадцать дней до оккупации Бессарабии и Северной Буковины). Формирование на базе войск округов действующих фронтов, вывод штабов фронтов из окружных центров (Риги, Минска, Киева, Одессы) на полевые командные пункты, начавшийся 19 июня 1941 г., — это непосредственная подготовка к близкой и неизбежной войне.

Не менее показательны и другие решения и действия советского командования, однозначно свидетельствующие о напряженной подготовке к боевым действиям, которые должны начаться в самые ближайшие дни. Вот, например, какие приказы и распоряжения отдавались командованием Прибалтийского Особого военного округа:

Приказ № 0052 от 15 июня 1941 г.

«...Установку противотанковых мин и проволочных заграждений перед передним краем укрепленной полосы готовить с таким расчетом, чтобы в течение трех часов минное поле было установлено... Проволочные заграждения начать устанавливать немедленно... С первого часа боевых действий (здесь и далее подчеркнуто мной. —

М.С.) организовать охранение своего тыла, а всех лиц, внушающих подозрение, немедленно задерживать и устанавливать быстро их личность... Самолеты на аэродромах рассредоточить и замаскировать в лесах, кустарниках, не допуская построения в линию, но сохраняя при этом полную готовность к вылету. Парки танковых частей и артиллерии рассредоточить, разместить в лесах, тщательно замаскировать, сохраняя при этом возможность в установленные сроки собраться по тревоге... Командующему армией, командиру корпуса и дивизии составить календарный план выполнения приказа, который полностью выполнить к 25 июня с. г.» [42]

Приказ № 00229 от 18 июня 1941 г.

«...Начальнику зоны противовоздушной обороны к исходу 19 июня 1941 г. привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа... К 1 июля 1941 г. закончить строительство командных пунктов, начиная от командира батареи до командира бригадного района (ПВО)... Не позднее утра 20.6.41 г. на фронтовой и армейские командные пункты выбросить команды с необходимым имуществом для организации на них узлов связи... Наметить и изготовить команды связистов, которые должны быть готовы к утру 20.6.41 г. по приказу командиров соединений взять под свой контроль утвержденные мною узлы связи... План разрушения мостов утвердить военным советам армий. Срок выполнения 21.6.41 г... Отобрать из частей округа (кроме механизированных и авиационных) все бензоцистерны и передать их по 50% в 3-й и 12-й механизированные корпуса. Срок выполнения 21.6.41 г.» [43]

В тот же день, 18 июня, командир упомянутого выше 12-го мехкорпуса генерал-майор Шестопалов отдал приказ № 0033. Приказ увенчан наивысшим грифом секретности («особой важности, совершенно секрет-

но»), что для документов корпусного уровня является большой редкостью. Начинается приказ № 0033 такими словами: *«С получением настоящего приказа привести в боевую готовность все части. Части приводить в боевую готовность в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять... С собой брать только необходимое для жизни и боя»*. Дальше идет указание начать в 23.00 18 июня выдвижение в районы сосредоточения, причем все конечные пункты маршрутов находятся в глухих лесах! [44]

Строго говоря, ничего удивительного в этих и других, подобных им, документах нет. Невероятным и почти необъяснимым является другое: буквально за 1—2 дня до фактического начала войны в войсках западных приграничных округов начали происходить события, которые трудно охарактеризовать иначе как преднамеренное снижение боевой готовности!

Факты подобного рода разбросаны главным образом по мемуарной литературе и поэтому могут вызвать определенное недоверие. И тем не менее нельзя более игнорировать многочисленные свидетельства участников событий. Есть многочисленные сообщения о случаях отмены ранее отданных приказов о повышении боевой готовности, о неожиданном объявлении выходных дней, об отзыве зенитной артиллерии приграничных частей на тыловые полигоны, о выводе личного состава укрепрайонов из дотов в тыловые казармы.

Заслуживает внимания и «большой театральный вечер», состоявшийся 21 июня 1941 г. Известно, что командование Западного ОВО провело вечер 21 июня в минском Доме офицеров, на сцене которого шла комедия «Свадьба в Малиновке». Все, кто писал об этом, громко возмущались «близорукой беспечностью» командующего округа. Однако даже самый беглый про-

смотр мемориальной литературы позволяет убедиться в том, что вечером 21 июня в «культпоход» отправился не один только генерал армии Павлов.

«...В субботу, 21 июня 1941 года, к нам, в авиагарнизон, из Минска прибыла бригада артистов во главе с известным белорусским композитором Любаном. Не так часто нас баловали своим вниманием деятели театрального искусства, поэтому Дом Красной Армии был переполнен...»

«...В субботу 21 июня сорок первого года в гарнизонном Доме Красной Армии, как и обычно, состоялся вечер. Приехал из округа красноармейский ансамбль песни и пляски. После концерта, по хлебосольной армейской традиции, мы с командиром корпуса генерал-лейтенантом Дмитрием Ивановичем Рябышевым пригласили участников ансамбля на ужин. Домой я вернулся лишь в третьем часу ночи...»

«...21 июня заместитель командира 98-го дальнебомбардировочного авиаполка по политчасти батальонный комиссар Василий Егорович Молодцов пригласил меня на аэродром Шаталово, где в местном Доме Красной Армии должен был состояться вечер художественной самодеятельности...»

«...Вечером 21 июня мы всей семьей были в театре. Вместе с нами в ложе находился начальник политотдела армии, тоже с семьей...»

Генерал армии С.П. Иванов (в первые дни войны — начальник оперативного отдела штаба 13-й армии Западного фронта) в своих мемуарах дает очень интересное объяснение таким действиям советского командования:

«...Сталин стремился самым состоянием и поведением войск приграничных округов дать понять Гитлеру, что у нас царит спокойствие, если не беспечность (странное, однако же, стремление для того, кто готовится к обороне. — М.С.). Причем делалось это, что называется, в

самом натуральном виде. Например, зенитные части находились на сборах... В итоге мы, вместо того чтобы умелыми дезинформационными действиями ввести агрессора в заблуждение относительно боевой готовности наших войск, реально снизили ее до крайне низкой степени...»

Загадочные события последних предвоенных дней можно, на мой взгляд, объяснить, связать в некую логическую цепочку в рамках следующей версии. Сразу же оговорюсь — прямых документальных подтверждений этой версии у меня нет (да и трудно поверить в то, что они когда-либо будут найдены). Тем не менее гипотеза эта заслуживает обсуждения хотя бы уже потому, что позволяет рационально объяснить многие из перечисленных выше, внешне противоречивых и невероятных, фактов.

Итак, предположим, что слово «провокация», которое на все лады повторяется и в мемуарах Жукова, и в приказах Сталина, появилось совсем не случайно. И нарком обороны Тимошенко совсем не случайно предупреждал командующего Западного фронта Д. Павлова о том, что *«сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите»*. Сталин, Тимошенко, Жуков абсолютно точно знали, что в воскресенье 22 июня 1941 г. *«нападение может начаться с провокационных действий»*. Знали потому, что они сами это нападение и эту провокацию подготовили.

Секретных планов Гитлера на столе у Сталина никогда не было, но фактическая передислокация немецких войск отслеживалась советской агентурной, авиационной и радиоразведкой достаточно подробно. На основе этой информации строились вполне реалистичные

оценки вероятных планов противника. В июне 1941 г. советская разведка зафиксировала начавшееся оперативное развертывание ударных группировок вермахта у границ СССР. Из этого факта были сделаны правильные выводы — Гитлер готовит вторжение, которое произойдет летом 1941 года. Воистину «роковая» ошибка была допущена лишь в определении того времени, которое потребует немецкому командованию для завершения сосредоточения войск и, соответственно, в установлении даты возможного начала вторжения.

Роковая ошибка Сталина вполне объяснима. 31 мая 1941 г. в очередном «Спецсообщении» военная разведка доложила Сталину, что у границ Советского Союза немцы сосредоточили 94 пехотные, 14 танковых и 13 моторизованных дивизий. Разведка доложила не совсем точно — фактически даже к 22 июня в составе трех Групп армий («Север», «Центр» и «Юг») у немцев было всего лишь 84 пехотные дивизии. Но дело не в этих мелких неточностях. Главное в том, что Сталин и высшее командование Красной Армии ожидали увидеть в составе группировки противника несравненно большее количество войск. Так, по уже многократно упомянутой выше Докладной записке от 11 марта 1941 г., для войны против СССР противник (одна только Германия, не считая ее возможных союзников) должен был выставить 165 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных дивизий. Причем на вооружении этих танковых дивизий предполагалось наличие 10 000 танков (фактически все 17 немецких дивизий к утру 22 июня имели на вооружении не более 3,5 тыс. танков и самоходных орудий — и это если считать «танком» легкие пулеметные танкетки Pz-I и созданные на их базе самоходки).

Из донесений разведки (не только не занижавшей, а даже завышавшей численность войск противника у

западной границы!) высшее военно-политическое руководство СССР, т.е. «коллективный Сталин», сделали абсолютно логичный вывод — сосредоточение ударной группировки вермахта пока еще не закончено; Сталин не мог поверить в то, что такими МАЛЫМИ СИЛАМИ Гитлер рискнет напасть на могучий Советский Союз. Сталин не мог поверить в то, что Гитлер оценивает «несокрушимую и легендарную» Красную Армию ниже, чем армию 40-миллионной Франции (для вторжения в которую немецкое командование выделило 136 дивизий). Сталин гордился своей логикой и рассуждал в данном случае вполне здраво — немцам потребуется еще несколько недель для завершения сосредоточения войск. А это означало, что у Красной Армии остается шанс начать войну сокрушительным внезапным ударом по противнику.

Сталин действительно «гнал от себя всякую мысль» — но не мысль о войне (ни о чем другом он уже и не думал), а о том, что Гитлер в самый последний момент сумеет опередить его. Поэтому после долгих и, можно предположить, мучительных раздумий, после многократных совещаний с военным руководством (в июне 41-го Жуков и Тимошенко были в кабинете Сталина семь раз: 3, 6, 7, 9, 11, 18, 21-го числа — причем в иные дни военные приходили к Сталину дважды, и обсуждение затягивалось на четыре часа) решено было еще раз изменить срок начала операции в сторону приближения. Вероятно, предполагалось начать боевые действия в последних числах июня 1941 г. В рамках этого плана (условно назовем его «план № 4») днем начала открытой мобилизации был установлен понедельник, 23 июня 1941 г.

Решение о начале открытой всеобщей мобилизации в понедельник было вполне логичным. В Советском Союзе центром жизни было рабочее место. Завод.

Именно там концентрировались «призывные контингенты», именно там утром 23 июня 1941 г. должны были состояться «стихийные митинги» трудящихся, на которых будет объявлен заранее подготовленный Указ Президиума ВС СССР об объявлении мобилизации. Именно потому, что текст Указа готовился заранее, в нем и не было ни малейших упоминаний о гитлеровском вторжении и фактически начавшейся войне.

Но товарищ Сталин был мудр, и он понимал, что одного только Указа Президиума будет мало. Особенно после того, как на протяжении двух лет сталинская пропаганда объясняла трудящимся, что призывать к *«войне за уничтожение гитлеризма, прикрываемой фальшивым флагом борьбы за демократию»* (речь В. Молотова на сессии Верховного Совета СССР от 31 октября 1939 г.), могут только враги народа, подлые наймиты англо-американских поджигателей войны. Разумеется, Сталин ни на секунду не усомнился в покорности воспитанного им народа, но одной покорности для такого дела, которое он замыслил, было недостаточно. Нужна была «ярость благородная», сжигающая сердца. Проще говоря, нужно было организовать и провести крупномасштабную кровавую провокацию.

В качестве конкретного содержания такой провокации была избрана инсценировка бомбового удара немецкой авиации по советскому городу (городам). Предшествующий дню начала мобилизации воскресный день 22 июня 1941 г. как нельзя лучше подходил для осуществления задуманного. Для получения максимально-возможного числа жертв среди мирного населения бомбардировка днем в воскресенье была оптимальным вариантом: теплый солнечный выходной день, люди отоспались после тяжелой трудовой недели и вышли на улицы, в сады и скверы, погулять с детьми... Техниче-

ские возможности для инсценировки были: еще в 40-м году в Германии были закуплены два бомбардировщика «Дорнье»-215, два «Юнкерса»-88 и пять многоцелевых Ме-110, не говоря уже о том, что на высоте в 5—6 км никто, кроме специалистов высшей квалификации, и не распознал бы силуэты самолетов.

У товарища Сталина были твердые представления о том, в каких именно формах должна проявляться «неизменно миролюбивая внешняя политика» Советского Союза. Эти представления он с неумолимой настойчивостью «терминатора» проводил в жизнь. Все должно было быть «правильно». Советский Союз не мог напасть на Финляндию. Красная Армия должна была пресечь провокации белофинской военщины, которая предательски обстреляла советскую территорию в районе поселка Майнила. В июне 41-го предстояло начать войну неизмеримо большего масштаба, соответственно, и очередная «предвоенная провокация» должна была быть гораздо более заметной и кровопролитной.

Чрезвычайно важно отметить, что событие, которое могло быть первой составной частью Большой Провокации, **состоялось в реальности. Это не гипотеза. Это факт.** 13 июня 1941 г. было составлено и 14 июня опубликовано знаменитое Сообщение ТАСС.

Да-да, то самое :

«... ТАСС заявляет, что, по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы... СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том,

что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными...»

Десятки лет историки всего мира удивляются, сокрушаются, возмущаются «роковым самообманом» товарища Сталина. Как он мог поверить в то, что коварный враг *«неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении»*, — с ритуальным заламыванием рук вопрошали тысячи журналистов и публицистов. Наверное, именно так дикарь из племени Мумбу-Юмбу разглядывает случайно попавшую ему в руки половинку от ножниц. «Что это? Шило? Какое-то неудобное, широкое... Ножик? Зачем тогда кольцо на ручке, да и заточен этот «ножик» как-то странно...» И только приложив вторую половинку и закрутив необходимый винтик посередине, мы получим ножницы — одно из выдающихся изобретений человечества.

Успокоительное Заявление ТАСС перестает казаться полным бредом, лишь только мы подумаем о том, что оно могло быть первым действием кровавого «спектакля». За этим, первым, этапом должен был неизбежно последовать второй: инсценировка бомбардировки немецкими самолетами советских городов. В ответ на миролюбивейшее заявление ТАСС — бомбы в солнечный воскресный день. Вероломное и подлое убийство мирных советских граждан. Трупы убитых женщин и детей на залитой кровью зелени парков и скверов. Белоснежный голубь мира — с одной стороны, черные вороны — с другой. И вот только после всего этого — всеобщая мобилизация. «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!»

Грубо? Излишне нарочито? Да, но именно такой «фасон и покрой» любил товарищ Сталин. Грубо, нелепо, неряшливо «сшитые» провокации. В ходе открытых «московских процессов» 36-го года обвиняемые при-

знавались в тайных встречах с давно умершими людьми, каковые «встречи» якобы происходили в давно снеженных гостиницах. Главой «народного правительства демократической Финляндии» был объявлен секретарь Исполкома Коминтерна, член ЦК ВКП(б) «господин Куусинен», безвылазно живущий в Москве с 1918 г. «Ювелирная точность бегемота», как назвал это А. Солженицын.

И ничего. Трудящиеся в ходе стихийных митингов горячо одобряли и всецело поддерживали...

Гипотеза о назначенной на 22 июня провокационной инсценировке не только соответствует общему стилю сталинских «освобождений», но и позволяет объяснить сразу несколько наиболее «необъяснимых» фактов кануна войны.

Прежде всего становятся понятными те действия по демонстрации благодушия и беспечности, которые происходили 20—21 июня. Для большего пропагандистского эффекта провокации бомбы должны были обрушиться на советский город в мирной, внешне совершенно спокойной обстановке. В боевых частях — выходной день. Командование наслаждается высоким театральным искусством, рядовые бегают комсомольские кроссы и соревнуются в волейбольном мастерстве. Мы мирные люди, а наш бронепоезд ржавеет на запасном пути... Кроме пропагандистского эффекта, понижения боеготовности и бесконечные заклинания «не поддаваться на провокации» имели и вполне практический смысл: провокационная бомбардировка должна была успешно состояться, и ни одного ответного выстрела по сопредельной территории не должно было прозвучать. В этом контексте становится понятным и совершенно «необъяснимый» факт демонтажа вооружения с самолетов 122-го истребительного авиаполка (полк находился

на аэродроме Новый Двор, в 17 км от границы в районе «Сувалкского выступа»), произведенного по приказу высшего командования Западного военного округа вечером 21 июня!

Становится понятным и неожиданное появление Мехлиса в сталинском кабинете вечером 21 и ранним утром 22 июня — начиная с 1924 года этот человек был рядом со Сталиным, выполняя роль особо доверенного порученца по тайным и грязным делам.

Наконец, становится психологически понятной реакция Сталина на сообщение о начале войны (а если быть совсем точным — на сообщение о начавшихся на рассвете 22 июня бомбовых ударах немецкой авиации). Сталин был потрясен, ошеломлен и едва не лишился дара речи — а как могло бы быть иначе? Он заказывал провокацию, а получил реальный удар в тот же самый день! Поверить в такое невероятное совпадение было невозможно. Такого не могло быть, потому что не могло быть никогда...

Сталин рассуждал абсолютно логично — и ошибся во всем. Но, как сказал по другому поводу и про другого человека (Льва Троцкого) сам Ленин, «это едва ли может быть поставлено ему в вину лично». Трудно было не ошибиться. Сталин не смог предугадать, предусмотреть, поверить в то, что его огромная, оснащенная лучшим в мире вооружением армия — это всего лишь вооруженная толпа будущих дезертиров и военнопленных. Даже в кошмарном сне не могла ему привидеться картина того, как тысячи танков и самолетов, десятки тысяч орудий, миллионы винтовок будут брошены на обочинах дорог панически бегущими толпами бывших красноармейцев...

Но не будем слишком строго судить товарища Сталина за эту ошибку. Ведь Вы, уважаемый читатель, даже

сегодня, даже «задним умом», даже после всего, что было рассекречено и опубликовано в последние годы, что было рассказано немногими дожившими до эпохи свободы слова и печати очевидцами событий, не хотите поверить и признать этот реально состоявшийся факт. Стоит ли удивляться тому, что Сталин не смог сделать столь ошеломляющий прогноз?

Марк Твен как-то сказал: «Правда удивительнее вымысла, потому что вымысел должен держаться в пределах вероятного, а правда — нет». Изложенная выше версия событий июня 41-го достаточно невероятна для того, чтобы в конечном итоге оказаться правдой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Красная Звезда. 2001. 10 апреля.

² Новый мир. 1994. №12.

³ Правда Виктора Суворова: Новые доказательства. М., 2008.

⁴ СССР—Германия: 1939—1941 гг.: Сборник документов. Вильнюс, 1989. Т. 2. С. 18.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Российский Государственный Военный Архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 19. Д. 70. Л. 18—19.

⁷ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-8418. Оп. 24. Д. 2. Л. 41.

⁸ Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 195. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 150. Л. 2.

¹⁰ РГВА. Ф. 29. Оп. 56. Д. 89. Л. 1—19.

¹¹ Там же. Д. 92. Л. 1-34.

¹² Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 547. Л. 378.

- ¹³ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. Л. 1—37.
- ¹⁴ Там же. Л. 197—244.
- ¹⁵ Там же. Д. 242. Л. 84—90.
- ¹⁶ Там же. Д. 239. Л. 245—277.
- ¹⁷ Там же. Д. 241. Л. 1—16.
- ¹⁸ Там же. Д. 237. Л. 48—64.
- ¹⁹ Там же. Д. 237. Л. 1—15.
- ²⁰ *Бобылев П.Н.* Репетиция катастрофы // Военно-исторический журнал. 1993. №7, 8.
- ²¹ Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 5—8.
- ²² ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 241. Л. 15—16.
- ²³ Там же. Л. 17—18.
- ²⁴ Там же. Л. 27об.
- ²⁵ СССР—Германия, 1939—1941 гг.: Сборник... С. 156.
- ²⁶ Там же. С. 157.
- ²⁷ Там же. С. 163—164.
- ²⁸ Там же. С. 165.
- ²⁹ Полный текст доклада С. Криппса размещен на официальном сайте Службы внешней разведки РФ: <http://svr.gov.ru/material/pribaltica2.htm>
- ³⁰ ГАРФ. Ф. Р-8418. Оп. 25. Д. 683. Л. 227.
- ³¹ Там же. Д. 83. Л. 253.
- ³² Там же. Д. 481. Л. 32—33.
- ³³ *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. М., 2000. С. 110.
- ³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп.12462. Д. 596. Л. 65.
- ³⁵ *Гофман И.* Сталинская война на уничтожение: Планирование, осуществление, документы. М., 2006. С. 84—85.
- ³⁶ РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 189. Л. 59.
- ³⁷ Российский Государственный Архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 36. Л. 10.
- ³⁸ Там же. Л. 11.
- ³⁹ Там же. Ф. 516. Оп. 2. Д. 1544. Л. 49.
- ⁴⁰ *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 2002. Т. 1. С. 268.

Три плана товарища Сталина

---

⁴¹ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 2. Оп. 1. Д. 188. Л. 4—30. Цит. по: *Сойма В.М.* Запрещенный Сталин. М., 2005.

⁴² Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. М., 1953. № 34. С. 11—12.

⁴³ Там же. С. 22—25.

⁴⁴ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. М., 1952. № 33. С. 23—24.

БАБИЙ БУНТ В ИВАНОВО

Это произошло в конце октября 1941 года в Иваново — знаменитом «городе невест» и крупном центре текстильной промышленности СССР. Разумеется, об этом событии не сообщалось в газетах. Предельно скупые в те страшные дни октября 41-го года сводки Совинформбюро монотонно и глухо сообщали о «напряженных боях на Можайском, Малоярославецком и Калининском направлениях». Ничего не писалось про «ивановский бунт» и в последующие шесть десятилетий. Да и сегодня, после того как бывший архив ЦК КПСС (ныне РГАСПИ, фонд 17, опись 88, дело 45) раскрыл одну из своих тайн, мы не можем достоверно сказать — насколько уникальными (или, напротив, типичными) были эти события.

Осенью 1941 года, после эвакуации управления Наркомата текстильной промышленности из Москвы в Иваново, этот город окончательно превратился в «текстильную столицу страны». Вот только с женихами стало совсем худо: мужчины в городе остались (как становится очевидно из тех документов, что будут приведены ниже) только среди начальства, простых мужиков почти поголовно забрали в армию.

В начале сентября (документ не позволяет установить точную дату) инструктор Козлов и ответственный организатор оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б) Сидоров

направили в Москву докладную записку «О положении на текстильных предприятиях Ивановской области». Положение было весьма тревожным, проще говоря — предзабастовочным:

«... В последнее время имели место волынки отдельных групп рабочих, самовольно бросавших работу до окончания рабочего дня. Такие факты имели место на трех фабриках Вичугского района... на двух фабриках Фурмановского района... и на некоторых других предприятиях Ивановской области (многоочиями заменен длинный перечень крупных фабрик с числом работающих от 7 до 12 тысяч человек. — М.С.). Рабочие высказывают резкое недовольство, а иногда и антисоветские настроения. Обычные разговоры на фабриках, передаваемые друг другу, о том, что на той или иной фабрике забастовали и им увеличили норму хлеба до килограмма.

На собрании рабочих фабрики им. Ногина работница Кулакова заявила: «Гитлер хлеб-то ведь не силой взял, ему мы сами давали, а сейчас нам не дают, ему, что ли, берегут?» Работница Лобова высказала следующее: «Ходим голодные, работать нет мочи. Начальство получает в закрытом магазине, им жить можно». Пом. мастера Соболев и мастер Киселев (это единственные две мужские фамилии, все остальные «волынщики» — женщины) заявили: «Если нас возьмут в армию, мы покажем коммунистам, как нас морить голодом». Работница прядильной фабрики комбината «Большевик» заявила коммунистке Агаповой: «Сохрани Бог от победы советской власти, а вас, коммунистов, всех перевешают».

Констатируя факты столь «нездоровых настроений», а также и некоторые причины, такие настроения порождающие («в столовых непролазная грязь, в большинстве столовых нет бачков и кружек... качество обедов крайне низкое, меню в большинстве состоит из пустых щей (вода

с капустой без лука, без всякой приправы) и ячневой каши, сваренной на воде без всяких жиров»), Козлов и Сидоров ограничились следующими предложениями:

«Ввести в обкоме и горкоме секретарей по снабжению... заменить слабых секретарей парторганизаций... руководство агитколлективами поручить ответственным работникам обкома и горкома... направить в помощь обкому партии группу квалифицированных лекторов и докладчиков...»

Успела ли «группа квалифицированных лекторов» прибыть в Иваново, успели ли они объяснить голодным ткачихам, почему в рабочей столовой «непролазная грязь, а начальство получает в закрытом магазине», — неизвестно. Зато доподлинно известно другое: 2 октября немецкие войска начали крупномасштабное наступление, и неделю спустя более 60 советских дивизий были окружены в двух гигантских котлах — у Вязьмы и Брянска; еще через неделю последние очаги организованного сопротивления окруженных были подавлены, 16 октября в Москве началась массовая паника, грабежи магазинов и беспорядочное бегство населения на восток по всем доступным дорогам. Одним словом — началось именно то, что предшествовало падению Минска, Смоленска, Пскова, Орла, Харькова... Казалось, еще немного — и в этом трагическом списке появится и город Москва.

В ситуации, когда прорыв немцев к Волге, Ярославлю и Нижнему Новгороду представлялся вполне реальным, было принято решение об эвакуации предприятий Иваново. И вот тут-то начался бунт.

«Ивановский обком ВКП(б) в дополнение к сообщениям по телефону считает необходимым более подробно информировать ЦК ВКП(б) о фактах антисоветских выступлений. Беспорядки имели место в г. Иваново на Ме-

ланжевом комбинате, на фабриках им. Дзержинского, им. Балашова и в известной степени на фабрике «Красная Звезда», а также в г. Приволжске на Яковлевском льнокомбинате.

Наиболее характерными являются события на Меланжевом комбинате. Никакой разъяснительной работы среди рабочих по вопросам эвакуации проведено не было. В результате 18 октября рабочие, придя в 6 часов утра на работу, увидели в цехах часть разобранного оборудования... Начался шум и выкрики: «Оборудование увезут, а нас оставят без работы. Не дадим разбирать и увозить оборудование»... Чтобы избежать дальнейшей неорганизованности и беспорядка, было объявлено о созыве собрания рабочих. Собрание началось в 14 часов. На него прибыли секретарь горкома т. Таратынов, секретарь обкома т. Лукоянов, секретарь Кировского райкома т. Веселов, директор комбината т. Частухин (стоит обратить внимание на то, что здесь и далее все начальники — мужчины). Станкообходчица, член партии Бутенева взяла слово и в своем выступлении заявила: «Уж если вы жалуете станки, так надо сначала вывезти семьи. Вывозить оборудование не дадим». Группа активных участников беспорядков начала разбивать ящики с оборудованием топорами и молотками.

Утром 19 октября события на комбинате начали принимать более острый характер. Около 9 часов утра та же группа ткачих снова начала разбивать ящики с оборудованием. Попытки противодействия, предпринятые руководителями комбината, ни к чему не привели. Многие работницы стали бросать работу. Примерно 150 человек ворвались в кабинет заведующего прядильной фабрикой Растригина, который от них убежал и спрятался в сортировке под брезентом. Сбежал домой и заведующий ткацкой фабрикой Николаев, испугавшийся угроз убить его за грубость с рабочими.

На комбинат прибыли секретари обкома т.т. Пальцев, Капранов, Энодин, Лукоянов, начальник облуправления НКВД т. Блинов. На дворе комбината собралось более 1000 рабочих, главным образом женщины. Выступивший здесь секретарь обкома т. Пальцев сообщил о прекращении **демонтажа оборудования** (подчеркнуто мной. — М.С.) и отдал распоряжение приступить к сборке уже разобранных станков. Многие из присутствующих встретили это заявление одобрительно... Часть рабочих приступила к работе в ночную смену, а 20 октября заработал весь комбинат.

Начало демонтажа оборудования было использовано для провоцирования беспорядков на фабрике им. Дзержинского и на Дмитриевской мануфактуре им. Балашова... 19 октября секретарь партбюро фабрики им. Дзержинского Филиппов стал разъяснять работницам, зачем проводится эвакуация оборудования, но одна из работниц крикнула: «Пусть оборудование останется на месте, а если и придет Гитлер, мы у него будем работать». Тогда Филиппов заявил: «Мы Гитлеру ничего не оставим, уничтожим своими руками, взорвем фабрику». Это заявление было немедленно подхвачено провокаторами. Начались крики и суматоха. Группа невыявленных лиц стала вооружаться бобинами и деталями от машин и бросилась избивать Филиппова и секретаря партцехбюро Грабочкину...

Подстрекаемые провокаторами ткачихи выставляли такие требования: «Не поедем на трудовой фронт! Прибавьте к обеду 100 граммов хлеба! Дайте бесплатно мануфактуры!» Партийный актив, работники райкома и горкома ВКП(б) разъясняли работницам неправильность распускаемых провокаторами слухов. В ответ на это из толпы раздавались выкрики: «Не слушайте их, они сами ничего не знают, они обманывают нас уже 23 года. Сами

эвакуировали свои семьи, а нас посылают на трудовой фронт».

Беспорядки в г. Приволжске были вызваны решением мобилизовать 4000 человек для сооружения оборонительного пояса в районе г. Иваново. На фабриках льнокомбината безо всякой разъяснительной работы стали составлять списки мобилизованных, включая в них подростков 16 лет, стариков и многодетных матерей, чем было вызвано недовольство рабочих... Утром 20 октября группа работниц Рогачевской фабрики бросила работу и вышла на фабричный двор. Руководители фабрики растерялись, секретарь партбюро Васильев убежал от работниц со двора в прядильный отдел... Группа в 200—300 человек пошла по улицам города на Яковлевскую и Васильевскую фабрики, чтобы вывести на улицу и рабочих этих предприятий. В толпе раздавались выкрики: «Не пойдем на трудовой фронт!», а группа провокаторов и враждебных личностей выбросила даже лозунг: «Долой советскую власть, да здравствует батюшка Гитлер!»

Что дальше? А ничего. Дальнейшее — молчание, как говаривал принц датский Гамлет. Пошумев-покричав, толпы измученных, голодных женщин разошлись по домам. Где-то в тот же день, где-то — на второй или третий. И не ждали они никакого «батюшку Гитлера», а просто лопнуло в какой-то момент даже их бесконечное, всему миру известное, терпение русской бабы. Устали они от 10-часового рабочего дня, от постоянного вранья сытых мужиков-начальников, от изматывающего, неизбежного страха за ушедших на фронт мужей, от плача голодных и раздетых детей. Но и даже в своей «ярости отчаянья» не пошли ивановские ткачихи дальше требования «100 граммов хлеба к обеду» и гарантированного права каждый день в 6 часов утра (это если

повезет, и в ночную смену не поставят) приходиться в грохочущий, пыльный цех ткацкой фабрики. Пошумели бабоньки, сорвали свое зло на попавшем под горячую руку секретаре партбюро т. Филиппове — и разошлись.

Но не всем дали так просто разойтись по домам. Вылезла власть из-под «брзента в сортировке», оправилась от первого испуга и взялась за свое привычное дело — карать.

«Областным управлением НКВД предпринимаются соответствующие меры к изоляции антисоветских элементов... Военный трибунал уже рассмотрел дела группы активных участников беспорядков на Меланжевом комбинате и осудил С., Е., С., Г., Я. на 10 лет лишения свободы каждую с поражением в правах на 5 лет, а Д. приговорил к высшей мере наказания — расстрелу. Органами суда и прокуратуры усилено также преследование за распространение провокационных слухов...»

Ну и последнее. Вы, конечно, спросите — что же сделали с секретарем обкома товарищем Пальцевым, который сорвал выполнение постановления ГКО об эвакуации фабрики? Ничего с ним не сделали, более того — именно он, товарищ Пальцев, и пишет весь вышеприведенный доклад в ЦК ВКП(б). И это понятно и где-то даже правильно. Не станки ведь были нужны ответственным товарищам, а покорность работниц, к этим станкам прилагающихся. Каковую покорность тов. Пальцев и обеспечил, ловко сбив волну бунта обещанием прекратить демонтаж оборудования...

ДВЕ БЛОКАДЫ

Самый производительный и самый дешевый вид транспорта — водный (морской, речной). Так было и так будет всегда. С древнейших времен «моря соединяли разъединенные ими страны», а крупные города вырастали в устьях рек. Значительно хуже и дороже транспорт наземный (железнодорожный и автомобильный). Авиацию же и «видом транспорта» назвать — рука не поднимается. По сравнению с ТТХ убогого деревянного баркаса лучший транспортный самолет смотрится летающим анекдотом. У баркаса вес перевозимого груза в 5—10 раз больше веса самого баркаса, а очень хороший самолет (вместе с потребным для его полета топливом) весит в три раза больше, чем перевозимый груз. Про энергозатраты (а следовательно, и себестоимость перевозки) вообще говорить страшно. Самый знаменитый транспортный самолет эпохи поршневой авиации («Дуглас» DC-3, он же С-47, он же, в советской лицензионной версии, Ли-2) с помощью двух прожорливых авиадвигателей по 1000 л/с каждый поднимал в воздух 2 тонны груза. С двумя экономичными низкооборотными дизелями такой же мощности танкер «Волгонепфть» везет 4620 тонн. И не так уж медленно везет — 20 км/час с грузом. Каждый час, днем и ночью, в дождь и туман, без обеденного перерыва и 12-часового отдыха экипажа. Даже с учетом 15-кратной разницы в скорости, танкер в 150 раз лучше «Дугласа» по показателю «тонно-

километр в час», а следовательно, более (за счет экономичности дизеля) чем в 150 раз выгоднее по показателю топливной эффективности, а уж с учетом разницы в стоимости солярки и высокооктанового авиабензина...

Причем все это не случайно, а связано с некоторыми фундаментальными физическими законами, отменить которые никогда не удастся. Хуже авиационного транспорта только ракетно-космический, где вес полезной нагрузки в 1% от общего стартового веса может считаться великолепным результатом.

На этом необходимый технический ликбез заканчивается, и мы переходим к истории.

1. Блокада Берлина

Современный (1999 г. р.) и рекомендованный для средних школ «Словарь по новейшей истории» под ред. А.А. Кредер дает следующее описание этого события:

«(1948—1949), блокада Западного Берлина (американского, английского и французского секторов города), предпринятая властями советской зоны оккупации Германии в ответ на начало сепаратной денежной реформы в западной части Германии. Это решение было принято западными странами вопреки сопротивлению СССР и формально нарушало принцип совместного управления Германией, утвержденный на Потсдамской Конференции. Блокада свелась к прекращению наземной связи Западного Берлина с оккупационными зонами союзников. Однако западные страны не отказались от проведения денежной реформы и не ушли из города. Для снабжения Западного Берлина ими был создан воздушный мост; советские войска не препятствовали пролету самолетов над Восточной Германией. Когда ежедневные поставки грузов по воздушному мосту достигли 13 тыс. т, блокада стала бесполезной. На

дальнейшую конфронтацию с союзниками Сталин не пошел. Блокада длилась почти 11 месяцев. Это было первое проявление открытой конфронтации СССР с западными странами».

Что самое главное в этом тексте? Хотя он великолепен от первого до последнего слова, я все же обращаю ваше особое внимание вот на этот перл: *«Блокада свелась к прекращению наземной связи»*. В русском языке слово «свелась» используется для обозначения чего-то неожиданно мелкого, слабого и недостойного («дискуссия свелась к пустой перебранке», «перестройка свелась к косметическому ремонту по цене капитального» и т.п.). Видимо, господин Кредер и те, кто рекомендовал его «Словарь» школьникам, единодушны во мнении о том, что «прекращение наземной связи» — это так, мелкая неприятность. Вот если бы Сталин накрыл Берлин пуленепробиваемым колпаком — тады ой...

Вторая мировая война закончилась полной капитуляцией Германии. Армии победителей встретились на Эльбе, но товарищ Сталин «нажал», и союзники отошли на 50—200 км на запад от Эльбы. Территория бывшей Германии была разделена на четыре зоны оккупации, но так как империалисты США, Англия и Франция действовали заодно, то принято говорить о двух зонах — «восточной» и «западной». На территории «восточной зоны» — причем на расстоянии в 250 км от ближайшей точки «западной» зоны — оказался город Берлин. Берлин взяла штурмом Красная Армия, но в 45 году Сталин согласился с разделом города на четыре (фактически — на две) зоны. В скобках отметим, что три «западные» зоны Берлина были по площади примерно равны одной советской.

В феврале 1948 г. коммунисты захватили власть в Чехословакии, в советской зоне оккупации Германии полным ходом шли «глубокие социально-политические преобразования», и Сталин решил, что «буржуазный гнойник» на теле будущей социалистической Германии ему не нужен.

12 июня 1948 г. «из-за ремонтных работ» было прекращено автомобильное сообщение с Западным Берлином, 21 июня остановлен речной транспорт и, наконец, 24 июня введен режим полной транспортной блокады. Для полноты эффекта советские оккупационные власти отключили все силовые электрокабели, ведущие в Западный Берлин. В качестве предлога для обоснования таких действий была названа денежная реформа, проведенная союзниками в «западной зоне» оккупации Германии. Гитлер, скажем прямо, до такой наглости не доходил. Он не пытался объяснить свое вторжение в СССР тем, что на советских денежных банкнотах изображен Ульянов-Ленин вместо Хорста Весселя...

Так началась блокада, которая продлилась 11 месяцев. Никакой город не проживет 11 месяцев без снабжения извне, но Берлин 1948 года был городом особенным. Этот город несколько лет бомбили, причем очень сильно (так, например, 3 февраля 1945 г. авиация союзников сбросила на Берлин 2,25 килотонн бомб), а затем окончательно разрушили в ходе ожесточенных уличных боев. Жители снабжались продовольствием «по карточкам», запасов у населения не было, все, что горит, — сгорело (и этим Берлин сильно отличался от Ленинграда, жители которого могли хотя бы топить «буржуйки» собственной мебелью и книгами). Город был обречен Сталиным на голодную смерть — или на еще одну капитуляцию.

Германия, как государство, на тот момент не суще-

ствовала, но именно по этой причине союзная оккупационная администрация несла юридическую ответственность за обеспечение минимальных жизненных условий для немецкого населения. Кроме того, в Западном Берлине находилось порядка 6,5 тыс. англо-американских военных (не считая гражданские службы). Президент Трумэн оказался перед необходимостью принять решение. Причем быстро.

Как известно каждому образованному россиянину, ненавистная Америка вынашивала адские планы нанесения ядерного удара по СССР. Если это правда, то в таком случае в июне 48-го можно было начинать. Все необходимые условия были в наличии: абсолютная монополия на ядерное оружие, несколько десятков готовых атомных бомб, дальний высотный бомбардировщик В-29, способный с авиабаз в Западной Германии долететь до Москвы и Ленинграда, и повод. Очевидный, бесспорный *causes belli* — блокада безоружного города была несомненным актом войны, а то, что Сталин эту войну не объявил, только усугубляло ситуацию. Однако Трумэн отверг настойчивые предложения своих военных советников и не дал санкцию ни на ядерный удар по СССР, ни на проведение наземной операции сухопутных войск по деблокированию Берлина.

Как известно каждому образованному россиянину, если ненавистные «пиндосы» сделали что-то хорошее (или не сделали чего-то плохого), то уж, конечно, не из гуманистических побуждений. В данном конкретном случае именно так все и было. Дело вовсе не в том, что Трумэну стало жалко мирных жителей Москвы и Ленинграда, вовсе нет — он отказался от ядерной бомбардировки по причине своей феерической... Стоп. Не знаю, можно ли такое говорить про президентов (даже чужой страны и давно усопших), поэтому ограничусь

цитатой. Выступая в июне 1948 г. в штате Орегон, президент Трумэн сказал: *«Я очень сблизился с Джо Сталиным, и мне нравится старина Джо! Он честный парень. Но Джо является пленником Политбюро. Он не может делать то, что хочет. Он заключает договоры, и, если бы он мог, он бы, конечно, выполнял их; но люди, руководящие правительством, очень четко говорят ему, что он не может их выполнять».*

На основании столь глубокого анализа советской политической системы Трумэн решил не огорчать измученного нарзаном «старину Джо» и приказал организовать «воздушный мост» с Берлином.

Ничего подобного никто никогда не делал. Более того, никто даже не обсуждал возможность снабжения по воздуху города с населением в 2 млн человек. В годы войны были прецеденты снабжения «воздушным мостом» окруженных группировок: в случае с «демянским котлом» у немцев это получилось, в Сталинграде — не получилось. Но снабжать по воздуху продовольствием и топливом целый город? Дальше будет много цифр. Я прошу обратить на них самое пристальное внимание.

Американцы начали с **1000 тонн** грузов в день. К концу июня довели грузопоток до **4400 тонн в день**. В экстренном порядке, с привлечением всех имеющихся ресурсов, построили в Западном Берлине еще два аэродрома (!) в дополнение к двум имеющимся. К осени грузопоток составил **5620 тонн в день**. Каждые 2—3 минуты на один из аэродромов Западного Берлина прилетал огромный 4-моторный транспортник. «Старина Джо» с изумлением наблюдал за этим аэрошоу и ждал зимы — Берлин должен был замерзнуть без топлива и подачи электроэнергии извне. Тогда американцы начали возить самолетами... уголь! **1 421 119 тонн** (почти полтора миллиона тонн угля) было доставлено в блокированный

город. Перевезли даже разобранную на самые мелкие агрегаты тепловую электростанцию. Абсолютный рекорд был поставлен 16 апреля 1949 года: 1400 самолетовылетов, **13 тыс. тонн** груза. Самолет в минуту.

12 мая 1949 г. товарищ Сталин в очередной раз подтвердил неизменно миролюбивый курс советской внешней политики. Блокада была снята, но американцы решили перестраховаться, и «воздушный мост» работал еще до сентября — таким образом накапливались запасы продовольствия на следующую зиму. В общей сложности было выполнено 278 228 вылетов, доставлено 2,32 млн тонн грузов (в среднем 8,3 тонны одним рейсом). Ежедневно в Берлин в среднем доставлялось порядка **2700 т продовольствия** (не считая уголь и все прочее). В ходе операции погиб 31 американский и 41 британский лётчик — чудовищное перенапряжение сказалось и на людях, и на технике.

«Старина Джо» не потратил на всю эту историю ни копейки. Американцам «воздушный мост» обошелся в 2 миллиарда долларов (в современных ценах). Да, репутация Советского Союза немного подмокла, но Сталина это едва ли интересовало — он уже давно перестал тешить себя иллюзиями...

2. Блокада Ленинграда

Ленинград находится не на острове. И даже не на полуострове, соединенном с материком крошечной перемычкой (как Севастополь в Крыму). С запада от Ленинграда — вода, Финский залив. В 40 км к востоку от Дворцовой площади — вода, Ладожское озеро. Два огромных водоема соединены тонкой «ниткой» реки Нева. У впадения Невы в Финский залив Петр построил столицу своей империи, а в том месте, где Нева выходит

из Ладожского озера, — крепость Шлиссельбург (ныне Петрокрепость). А вот с юга и севера от Ленинграда — необъятные просторы суши.

Покончив с этой простейшей (но почему-то всеми забытой) географией, переходим к трагической истории 41-го года. О политике (т.е. о причинах, побудивших мирную социал-демократическую Финляндию вступить в войну «на одной стороне баррикад» с фашистской Германией) — ни слова, только ход военных действий.

В последних числах августа на Карельском перешейке финские войска вышли на линию, примерно совпадающую с советско-финской границей 1939 года. Фронт стабилизировался, и на этом «фронте» было тихо вплоть до 9 июня 1944 года; никаких попыток продвинуться дальше к Ленинграду финны не предпринимали. Даже в самой ближней (западной) части перешейка линия соприкосновения советских и финских войск находилась на расстоянии 30 км к северу от Ленинграда; на восточном же фланге в руках Красной Армии остался участок побережья Ладожского озера в 60 км по прямой (не считая естественные извивы береговой линии).

Немцы наступали с юго-запада и перерезали одну за другой железные дороги, ведущие к Ленинграду. 29 августа была занята станция Мга, последняя по счету на пути противника к Ладожскому озеру. 8 сентября немцы заняли Шлиссельбург; таким образом, Ленинград был отрезан от «Большой земли» с юга. До января 1943 г. фронт стабилизировался по линии реки Нева; впрочем, о стабильности говорить трудно — на проклятом «невском пятачке» шли ожесточенные бои, в которых, по современным данным, погибло 50 тыс. бойцов Красной Армии и 10 тыс. немцев.

С юга — немцы, в 30—60 км к северу от города —

финны, на западе — Финский залив, который Краснознаменный Балтийский флот отдал противнику без боя. Но есть же еще одна, четвертая, сторона света — восток. На востоке было более 60 км свободного от противника берега Ладожского озера. Если проложить маршрут транспортных караванов по кратчайшему расстоянию (через т.н. «шлиссельбургскую губу»), то до «Большой земли» (портовый поселок Кобона) было не более 30 км водного пространства. Если же идти в Новую Ладугу (город и порт у впадения реки Волхов в Ладожское озеро), то наберутся все 100 км. В любом случае даже самая тихоходная «посудина», ползущая с черепашьей скоростью в 5 узлов, могла дойти от западного, «ленинградского», берега Ладожского озера до Новой Ладуги за 11—12 часов (т.е. в течение одной осенней ночи, тьма которой лучше любой ПВО защищала движущееся судно от вражеской авиации). Если это называется «блокада», то тогда надо признать, что Англия и Япония в условиях гораздо худшей «блокады» провоевали всю войну. И по сей день живут, причем припеваючи.

Дальнейшее обсуждение событий и вызванные этим обсуждением вопросы имеют смысл лишь в рамках представления о том, что советское руководство и лично «эффективный менеджер» стремились к тому, чтобы обеспечить выживание жителей Ленинграда. Стремись по меньшей мере с той же настойчивостью, с которой американцы и англичане спасали от голодной смерти жителей чужого (а еще совсем недавно — вражеского) для них города. Вне этого допущения и спорить-то не о чем...

Уместно ли такое допущение? Соответствует ли оно исторической правде? Бог весть. Академик Лихачев, человек заслуженный и всеми уважаемый, да к тому же

и переживший блокаду лично, в своих воспоминаниях пишет: *«А между тем из Ленинграда ускоренно вывозилось продовольствие и не делалось никаких попыток его рассредоточить, как это сделали англичане в Лондоне. Немцы готовились к блокаде города, а мы — к его сдаче немцам. Эвакуация продовольствия из Ленинграда прекратилась только тогда, когда немцы перерезали все железные дороги»*. Никаких документальных подтверждений того, что продовольствие из обреченного города вывозилось (а не завозилось), Лихачев не приводит, впрочем, мемуары и не претендуют на роль научного исследования.

В научном исследовании (Д. В. Павлов. «Ленинград в блокаде». — М.: Воениздат, 1958 г.), да еще и изданном в самые что ни на есть советские времена, читаем: *«Главное управление сахарной промышленности, находившееся в Москве, прислало в середине сентября 1941 года телеграмму ленинградской конторе «Сахаросбыта» с требованием отгрузить несколько вагонов сахару из Ленинграда в Вологду, хотя с 8 сентября Ленинград был уже блокирован»*. Автор приводит этот факт в качестве курьезного примера *«несвоевременной осведомленности людей»*. Я же предлагаю обратить внимание на направление предписанного перемещения высококалорийного продукта. А если бы немцы не перерезали дороги — так бы и вывезли сахар в Вологду? И только ли сахар?

Предположение о том, что из предблокадного Ленинграда вывозились продукты, кажется абсурдным и кощунственным — но лишь на первый и к тому же изрядно затуманенный общеобязательной патетикой взгляд. По здравому размышлению, речь идет лишь о частном случае выполнения общего указания товарища Сталина: *«Не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам*

для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться». Заметьте — про эвакуацию населения с территорий, на которых не должно быть оставлено «ни килограмма хлеба», не сказано ничего. Вот если бы Гитлер и солдаты вермахта были людоедами в самом прямом смысле слова — тогда бы старина Джо, возможно, распорядился «угонять всех жителей в тыл». А так — только скот.

Тем не менее, руководствуясь незыблемым принципом презумпции невиновности (по-русски это звучит «не пойман — не вор»), будем в дальнейшем изложении исходить из того, что «партия и правительство, Ставка, ГКО и лично тов. Сталин делали все возможное для спасения Ленинграда». А поскольку спасти всех, как известно, не удалось, то вполне оправданным будет вопрос: почему?

О блокаде Ленинграда в целом, о проблемах транспорта и снабжения в частности написано очень много. Есть целые монографии, посвященные «транспортной составляющей» ленинградской трагедии. Цифр и фактов — море. И чем больше знакомишься с ними, тем менее понятной становится ситуация. Цифры противоречат друг другу даже в мелочах (впрочем, для жителей блокадного города это были совсем не «мелочи»).

Например, в одном абзаце читаем следующее:

«С 20 ноября 1941 г. ленинградцам стали выдавать самую низкую норму хлеба за все время блокады — 250 г по рабочей карточке и 125 г по служащей, детской и иждивенческой».

Если учесть, что рабочие карточки в ноябре—декабре 1941 г. получала только третья часть населения, то мизерность этих норм станет еще более очевидной. Теперь

для снабжения 2,5 млн жителей Ленинграда расходовалось ежедневно всего 510 т муки». Несколькими строками выше указана и рецептура, по которой готовили этот страшный блокадный хлеб: «Хлеб выпекался из смеси: пищевой целлюлозы—10%, хлопкового жмыха—10%, обойной пыли — 2%, мучной сметки и вытряски из мешков — 2%, кукурузной муки — 3%, ржаной муки — 73%. Хлебозаводы перевели на формовую выпечку хлеба, припек довели до 68%».

Был бы я учителем, я бы из этого сделал задание для школьного учебника по арифметике — тут и проценты, и пропорции, и обратные дроби, и повод впервые задуматься о своей сытой жизни... Но мои читатели — люди взрослые, поэтому, не утруждая их работой с калькулятором, приведу сразу же готовый ответ. На изготовление одного килограмма такого «хлеба» расходуются всего лишь 430 грамм муки. Соответственно, «для снабжения 2,5 млн жителей Ленинграда» по указанным выше нормам требовалось всего лишь 179 т муки. А расходовалось ежедневно — 510 тонн.

Это арифметика. Это не философия, не политология, не дискуссия «о сложном и во многом неоднозначном периоде нашей истории...». Это — простая арифметика. При расходе в 510 тонн муки паек можно было увеличить почти в три раза. Так из чего же были сделаны эти «сто двадцать пять блокадных грамм с огнем и кровью пополам?» И где, простите, сотни тонн муки?

Не будем, однако, придирааться к частностям — впереди нас ждут гораздо более странные факты. Но прежде чем перейти к вполне официальной статистике, сделаем еще один «дилетантский» расчет. Посчитаем, сколько муки необходимо для того, чтобы дать каждому из 2,5 млн жителей (в сентябре 1941 года в Ленинграде было выдано 2544 тыс. хлебных карточек) по 800 грамм

отличного (совсем не похожего на ту жуткую массу из жмыха с опилками, которую в декабре 41-го получали ленинградцы) хлеба. 800 грамм хлеба в день — это самый большой, рабочий паек на «Большой земле». О голоде, тем паче о голодной смерти, при таком пайке говорить уже не приходится. Принимая типовой для выпечки ржаного хлеба «припек», равный 33%, мы получаем очень «круглую» и легко запоминающуюся цифру в **1500 тонн**.

Если в этом расчете и есть погрешности, то не слишком большие. Так, за время работы ледовой «дороги жизни» в Ленинград поступало в среднем по 1920 тонн продовольствия в день. При этом удалось с 11 февраля 1942 г. повысить нормы снабжения до уровня: 800 грамм для солдат на фронте, 600 — в тыловых частях, 500 — для рабочих, 400 — для служащих, 300 — для детей и неработающих; хлеб стали печь из муки почти без примесей «условно-съедобных» компонентов; с середины февраля населению стали выдавать настоящее мясо, натуральные жиры, сухофрукты. Более того, при таком грузопотоке удалось даже накопить серьезные запасы продовольствия (по оценкам разных авторов — на срок от 18 до 60 дней). В Берлин, как было выше отмечено, доставляли в среднем 2700 тонн продовольствия в день, при таком грузопотоке о голоде не было и речи.

Доставить по воздуху 1500 тонн — задача колоссальной сложности. Но у водного транспорта совершенно другие измерения. Совсем небольшая (меньше мне в современном справочнике найти не удалось) речная баржа («проект Р-137») имеет грузоподъемность 1500 тонн (общее водоизмещение — 1953 тонны). Речная баржа «проект Р-165» при длине 91,6 м и ширине 15,7 м имеет грузоподъемность 2670 тонн. Одна такая баржа может обеспечить суточную потребность в продовольствии

миллионного города. Да, в начале 40-х годов речной (озерный) флот СССР таких судов не имел, но и имеющиеся были не слишком малы. Так, в соответствии с постановлением ГКО от 30 августа 1941 г. наркоматам военно-морского и речного флотов предлагалось выделить для снабжения Ленинграда 25 буксиров и 75 озерных барж грузоподъемностью по 1 тыс. тонн каждая. Фактически использованные в навигацию 1941 г. баржи имели в среднем грузоподъемность (не водоизмещение, а именно грузоподъемность) порядка 400—700 тонн. Хуже того, из-за проблем с причалами, погрузкой и буксировкой по штормовой Ладоге их реальная загрузка снижалась до 300—500 тонн.

Все это обилие цифр сводится к простому выводу: 5—6 самых скромных барж в сутки снимали все проблемы с обеспечением Ленинграда продовольствием по обычным (т.е. весьма скромным) нормам военного времени. Еще 3—4 баржи могли обеспечить доставку необходимого количества горючего и боеприпасов для фронта (именно в такой пропорции — 785 тыс. т продовольствия и 495 тыс. т горючего, боеприпасов и вооружения — сложился общий грузопоток в Ленинград за все время блокады, с сентября 1941-го по март 1943). Вот и все, что требовалось для «транспортного прорыва» блокады.

А теперь переходим от расчетов к фактам.

Водными перевозками в бассейне Невы, Свири и Ладожского озера ведала организации под названием «Северо-Западное речное пароходство» (СЗРП). В 1940 г. только через Ленинградский речной порт СЗРП перевезло 3,4 млн тонн грузов. Даже если забыть о том, что бывает зима, это дает 9300 тонн в день! Фактически, с учетом реальной продолжительности нави-

гации на Неве, эту цифру можно смело увеличить раза в полтора. К началу 1941 г. в составе СЗРП находилось **323 буксира и 960 несамоходных судов общей грузоподъемностью 420 тыс. тонн.** Даже один процент (!) от такой грузоподъемности составляет 4200 тонн. Не кажется ли вам, господа, что после таких цифр слово «блокада» рядом со словом «Ленинград» надо писать в кавычках?

Началась война — и с баржами на Неве стало происходить точно то же самое, что и с танками, самолетами, пушками, циклопическими запасами боеприпасов... Они стали таять, исчезать в тумане...

«Большое число судов было передано в ведение военных органов и ушло из Ленинграда на восток (?) с населением (?) и эвакуантами. Вернуть эти последние суда, а также пополнить плавучие средства СЗРП путем перевода судов из других водных бассейнов было невозможно... В результате к началу блокады Ленинграда СЗРП имело на Ладожском озере и на Волхове всего 5 озерных и 72 речных буксира, 29 озерных и около 100 речных барж». С каким таким «населением» ушли суда на восток — понять невозможно, массовой эвакуации населения из Ленинграда, к сожалению, проведено не было; и что уже совсем непонятно — где находился этот далекий «восток», если с него было «невозможно вернуть» уплывшие суда? Впрочем, даже с учетом всех этих странностей, в составе СЗРП осталось 129 барж и 77 буксиров. Казалось бы, какие проблемы?

Проблемы известные, точнее говоря, проблема одна — внезапность. Внезапно выяснилось, что:

«По своему состоянию суда, особенно несамоходные, были малопригодны для плавания по Ладоге. Поэтому для перевозок были выделены только 43 деревянные сухогрузные, 4 металлические и 2 деревянные нефтеналивные баржи. При этом из выделенных судов более 20 сухогрузных

барж из-за своей ветхости не могли плавать по озеру в осенний период...»

Итак, огромный речной (озерный) флот скукожился до 29 пригодных для плавания по Ладоге барж. Это очень мало — в сравнении с потенциальными возможностями СЗРП, но в сравнении с потребным количеством «тоннажа», необходимого для снабжения Ленинграда, — более чем достаточно. Такое количество плавсредств теоретически позволяло не только обеспечить текущие потребности города, но и создать многомесечные запасы продовольствия. Почему же в городе возник жуткий, смертный голод?

«Военная прокуратура Ладужской военной флотилии (да, кроме гражданского СЗРП была еще военная флотилия. — М.С.) и комиссар Управления тыла фронта Н.И. Жмакин, проверившие 22 октября работу Осиновецкого порта (основной порт на западном, «ленинградском» берегу Ладужского озера. — М.С.), констатировали, что между Осиновцом и Новой Ладогой курсирует ограниченное количество барж и что разгружаются они очень долго. Так, баржи № 512 и № 768 с боеприпасами прибыли в Осиневец 13 октября, а были разгружены только 17 октября; баржа № 367 с бензином прибыла 17 октября, а разгружена 21 октября... Все эти трудности и недочеты приводили к тому, что оборачиваемость барж вместо 4 суток составляла 6—12 суток...»

Можете не сомневаться — перечисление объективных трудностей, вследствие которых переход на 100 км и обратно занимал 12 суток, а «через две недели после начала перевозок в эксплуатации осталось только 9 озерных и 13 речных барж», занимает не один десяток страниц. И причалы были не оборудованы, и маяков на маршруте не хватало, и уголь для буксиров не завезли, и противник всячески противодействовал... Так ведь на то и

война, что с противником. За первые шесть дней высадки союзников в Нормандии (июнь 1944 г.) на французский берег было выгружено 104 тыс. тонн снаряжения. **17 300 тонн в день.** Эти тонны выгружались не в порту и не на пустом необорудованном пляже, а на очень даже оборудованном берегу. Несколько лет немцы оборудовали этот берег всеми мыслимыми видами заграждений так, чтобы к нему не могла подойти даже легкая плоскодонная десантная лодка, не говоря уже о тяжелом морском судне...

Всего за 58 дней навигации (с 10 сентября по 7 ноября 1941 г.) в блокадный Ленинград было доставлено 58 873 тонны различных грузов, в том числе 45 тыс. т продовольствия, главным образом зерна и муки. На затонувших по разным причинам, включая удары авиации противника, судах было потеряно 2,8 тыс. т грузов (4,8 % от общего грузопотока). Потери достаточно умеренные, но это не должно нас удивлять, принимая во внимание как мизерность сил немецкой авиации, оставленной под Ленинградом после переброски основных сил люфтваффе на московское направление, так и состав Осиновецкого и Свирьского бригадных районов ПВО (по числу зенитных орудий и прожекторов они превосходили ПВО нефтепромыслов Плоешти или крупнейшего порта Констанца в Румынии).

Что касается продовольствия, то по Ладоге в город доставлялось чуть меньше 800 тонн, т.е. фактически две-три недогруженные баржи в день. Понятно, что потенциальные возможности огромного речного флота были использованы исключительно плохо. Непонятно другое — с точки зрения неопровержимой арифметики даже 800 тонн продовольствия в сутки позволяли выдавать населению гораздо больше, нежели 125 грамм суррогатного хлеба...

Как бы то ни было, именно ситуация первых месяцев «блокады» предопределила гибель сотен тысяч ленинградцев. Именно тогда погибла основная масса людей, а здоровье многих выживших было необратимо подорвано — вот почему «хронология смерти» сдвинута относительно статистики грузопотока. В декабре 41-го, когда нормы выдачи хлеба снизились до минимума, умерло 53 тыс. человек, в январе — 120 тысяч, и даже в феврале 42-го, когда паек стал уже значительно больше и калорийнее, умерло более 80 тыс. человек (такова документальная статистика, в газетных публикациях «к юбилею» цифры, как вы знаете, гораздо большие — мы ведь «мерилом работы считаем усталость», а «вклад в победу» измеряем числом собственных потерь).

Во время «второй навигации» (1942 г.) средний грузопоток увеличился до 3732 тонн в день, в том числе 1863 тонн продовольствия (не считая живого скота). При этом удалось не только довести продуктовый паек до общего по стране уровня, но и доставить в город 290 тыс. человек воинского пополнения — 20 полных дивизий по предвоенному штату! Всего же за полтора года «блокады» всеми видами транспорта в Ленинград было доставлено 1,3 млн тонн разных грузов (а также 28 тыс. голов живого скота). Много ли это? Все познается в сравнении. Это всего 8% от общего объема перевозок речным транспортом СССР за годы войны. Это почти в два раза меньше того, что американцы самолетами (!!!) доставили за значительно меньший срок в Западный Берлин.

«НАША ВЛАДА БУДЕ СТРАШНОЮ...»

Версия первая. Советская-традиционная.

Подлые изменники, наймиты германского фашизма, они еще задолго до начала гитлеровской агрессии против СССР со всеми потрохами продались немецким спецслужбам. В немецкой форме, с немецким оружием в руках боевики ОУН пришли на Украину. Пожары и кровь, зверские расправы с советскими и партийными активистами, семьями командиров Красной Армии — вот вехи, которыми отмечен путь преступлений украинских националистов. В то же время, пытаясь ввести в заблуждение широкие народные массы, оуновцы разыграли «спектакль» с провозглашением 30 июня 1941 г. в оккупированном Львове так называемого «правительства суверенной Украины» — таким неуклюжим приемом прислужники фашизма хотели изобразить себя в качестве равноправных «союзников» Германии. Для большего правдоподобия устроители «спектакля» даже инсценировали арест Бандеры, Стецко, ряда других деятелей львовского «правительства», как якобы нарушивших волю своих немецких хозяев. На самом же деле все это было лишь дешевой клоунадой — якобы «ушедшие в подполье» бандеровцы активных боевых действий против немецких оккупантов не предпринимали и даже не планировали.

Борьбу против захватчиков поднял сам украинский народ, возглавляемый подпольными партийными ор-

ганизациями; с каждым днем росло и ширилось партизанское движение, взлетали на воздух немецкие эшелоны, в лесах Волыни и Житомирщины возникли целые «партизанские районы». В этой ситуации, выполняя очередной приказ своих немецких хозяев, украинские националисты разыграли новый подлый трюк — они заявили о создании так называемой «Украинской повстанческой армии» (УПА), которая якобы будет бороться против немецко-фашистских оккупантов. Таким образом лидеры ОУН надеялись отвлечь трудящихся Украины от реального сопротивления оккупантам и даже более того — направить вооруженные отряды УПА против советских партизан. С весны 1944 г., после того как победоносная Красная Армия начала освобождение Правобережной Украины, последние маски были сброшены, и оуновские главари открыто повернули оружие против советских воинов-освободителей.

Банды УПА обстреливали колонны Красной Армии, минировали мосты и дороги, пытались атаковать отдельные подразделения советских войск. И даже после окончания войны укрывшиеся в лесах и горах банды националистов пытались помешать восстановлению мирной жизни, терроризировали население, убивали врачей и учителей, мешали объединению крестьян в колхозы. Однако советская власть, проявив беспримерную гуманность, пять раз объявляла амнистию, предлагая тем, кого обманом или угрозами загнали в бандеровские отряды, выйти из леса, сложить оружие и приступить к созидательному труду. Большая часть боевиков УПА (порядка 80 тыс. человек) воспользовалась возможностью прекратить бессмысленное сопротивление; в бандах остались лишь те, кто был повинен в тягчайших преступлениях и не мог рассчитывать на

снисхождение. Органы правопорядка при поддержке «истребительных отрядов» из числа местного населения успешно уничтожили бандитов.

Версия вторая, перестроечная-демократическая.

Ярчайшей страницей в истории сопротивления народов СССР сталинской диктатуре стала борьба Украинской повстанческой армии. В августе 1943 года на освобожденной бойцами УПА территории Западной Украины состоялся 3-й Чрезвычайный Съезд ОУН, на котором была принята программа движения под лозунгом: «Воля народам! Воля людині!» («Свобода народам! Свобода человеку!»). В июле 1944 г. был сформирован Украинский Главный Освободительный Совет (УГВР — по первым буквам соответствующих слов украинского языка). УГВР, выполняя роль «подпольного правительства» Украины, провозгласил следующие цели и принципы: равенство всех народов, населяющих Украину; построение в независимом украинском государстве свободного от эксплуатации человека человеком общества, основанного на общественной собственности на основные средства производства; свободу совести, слова, печати и собраний; революционное переустройство СССР в русле создания независимых государств для всех поработанных сталинской тиранией народов.

Под руководством УГВР Украинская повстанческая армия повела самоотверженную борьбу против карательных войск НКВД. Не дать сталинской диктатуре закрепиться на западно-украинских землях, не допустить закабаления крестьян в колхозном рабстве, воспрепятствовать созданию враждебных украинскому народу молодежных и культурных организаций, уничтожить агентуру оккупантов — таковы были цели этой борьбы,

в ходе которой бойцы УПА и подпольщики в городах проявили беспримерное мужество и героизм. Ни постоянная угроза гибели, ни тяготы многолетней жизни в лесах и «схронах», ни пытки в подвалах НКВД не смогли сломить волю героев. Нигде и никогда сталинский режим не сталкивался с такими упорным вооруженным сопротивлением, и он ответил на него жесточайшим массовым террором. Горели села, десятки тысяч мирных жителей были убиты и замучены, сотни тысяч высланы в Сибирь. Желая скомпрометировать бойцов УПА в глазах населения, чекисты создали специальные отряды головорезов — так называемые «спецбоевики НКВД». Укомплектованные последним сбродом, эти банды патологических садистов и насильников, действуя под видом и от имени структур вооруженного подполья, зверски расправлялись с мирными крестьянами. В конечном итоге огромная военная машина сталинской империи раздавила горстку смельчаков, но «безумство храбрых», проявленное бойцами и командирами УПА, нашло сегодня свое высшее оправдание в создании независимой, демократической Украины.

Версия третья. Новейшая суверенная.

На протяжении веков сменявшие друг друга орды захватчиков делили между собой землю Украины, грабили ее богатства, терзали и растлевали душу украинского народа. Насилием и обманом чужеземцы пытались заставить украинцев забыть родной язык, лишиться их веры в свои силы, приучить смотреть на самих себя, как на второсортных «хохлов», «малороссов». В тяжелейший для судеб Украины час, после трагической гибели УНР и оккупации украинских земель Польшей и советской Россией, лучшие представители украинского народа создали Организацию Украинских Националистов. На-

ция, ее интересы, ее будущее — вот та единственная путеводная звезда, которая вела их на тернистом пути борьбы и самоотвержения. Украинский национализм создавал новый тип человека с железным, негибким характером, готового в любой момент пожертвовать собой и другими ради великой цели — Украинской Соборной Независимой державы. С твердостью и прозорливостью истинных вождей народа лидеры ОУН отбросили блестящую мишуру разлагающей либеральной болтовни о «правах человека» и «демократических свободах». Только силой, только огнем и мечом строятся и рушатся государства, и не вина украинского народа в том, что ему выпало на долю создавать свою державу в 20-м веке, веке мещанского лицемерия и засилья ханжеской морали.

Разорванная на части многочисленными противниками, Украина нуждалась в сильном союзнике, и руководители ОУН твердо и последовательно взяли курс на сотрудничество с новой, динамичной европейской силой — гитлеровской Германией. У союзников была общая цель — воссоздание своего (германского и украинского) государства в его справедливых этнических границах, и общий враг — загнивающая Польша и агрессивный, нацеленный на безостановочную экспансию Советский Союз. С огромным политическим мастерством лидеры украинских националистов использовали ситуацию ожесточенной схватки мировых держав для достижения своей неизменной цели — освобождения Украины от многовекового московского ига. Поддерживая в тактическом плане Германию, они старались в максимально возможной степени переложить на немецкую армию тяжесть борьбы со сталинской империей, сберегая тем самым жизненные силы украинского народа для последнего решительного боя. Трагическое

стечение обстоятельств сделало невозможной реализацию этого замысла, но и перед лицом неизбежного поражения лидеры украинских националистов проявили нестигаемую твердость духа. Они воевали на своей, не чужой земле; они вели на смерть тысячи своих соратников, они требовали полной самоотдачи от малодушных обывателей, но и сами без минутного колебания отдавали за отчизну свою кровь и жизнь. Слава Украине! Героям слава!

Самое невероятное — это то, что в известной степени все вышеизложенное (за исключением митинговой риторики) недалеко от истины (да и сам текст составлен из вполне аутентичных цитат). Найдется ли в истории 20-го века еще один, столь же многоликий, феномен? Найдется ли еще одна политическая организация, которая бы совершила столь невероятный «дрейф» от тоталитаризма к декларируемому демократизму и обратно?

С чего следует начать краткий обзор истории бандеровского движения? С географии.

«Далеко от Украинского края, проехавши Польшу, минув и многолюдный Лемберг (Львов. — М.С.), идут рядыми высоковерхие горы... Там и вера не та, и речь не та». Так писал известный путинский пропагандист, доктор коммунистических наук, великодержавный шовинист и украинофоб (я ничего не упустил из стандартного перечня ярлыков?) Н.В. Гоголь. Именно такой («и вера не та, и речь не та»), далекой от украинского края, казалась в 19 веке Галичина.

Восточная (украинская) Галиция, т.е. территория восточных предгорий Карпат с городами Львов, Самбор, Стрый, Галич, Станислав (ныне Ивано-Франковск), Коломыя, Тернополь, Збараж, Броды, никогда, ни

одного дня, не была частью Российской империи. Расцвет Галицко-Волынского княжества в середине 13 века был подорван нашествием Батыея; после этого удара княжество просуществовало еще целый век (став на короткое время первым и единственным восточнославянским королевством), но к концу 14 века его земли были окончательно разделены между Великим княжеством Литовским (к нему отошла Волынь) и Польшей, в состав которой вошла Галичина. Столица края — город Львов — с течением времени превратился в один из важнейших экономических и культурных центров Польши, в 1661 г. был учрежден Львовский университет. После первого раздела Речи Посполитой (1772 г.) и вплоть до Первой мировой войны Галичина была составной частью огромной многонациональной империи Габсбургов (т.н. «Австро-Венгрии»).

Географическая, историческая и административно-государственная удаленность Галичины от «центральной», Приднепровской, Украины усугублялась и различием в вероисповедании. Многовековая кровопролитная борьба православия и католицизма привела к возникновению и закреплению в Галичине «грекокатолической» (униатской) церкви. Проблема, разумеется, не в том, что галицийского и, к примеру, волынского или житомирского крестьянина разделяли противоречия в догматике двух конфессий (едва ли безграмотные крестьяне могли разобраться в этом хитросплетении). Все было гораздо проще — и жестче. Православная украинская дивчина и галичанский хлопец из униатской семьи не могли обвенчаться в одном храме, не могли совместно крестить народившихся в браке детей. Более того, с течением времени в Галичине сложилась весьма необычная (если не уникальная) традиция определения национальности в семье. Вот как об этом пишет украинский историк Виктор Полищук:

«В Галичині, з причини пануючого (господствующего) там серед українців греко-католицького (уніатського) віровизнання, догматичної організаційно підпорядкованого (подчиненного) Римсько-католицькій Церкві, членами якої були переважно (преимущественно) поляки й галицькі українці, дійсні шлюби (венчание, бракосочетание) могли відбуватися то в одній, то в другій церкві, тобто (т.е.) в церкві римсько-латинського, або ж східного (восточного, т.е. уніатського) обряду... В такій сім'ї сини (мальчики, сыновья), коли йдеться (если речь идет) про віровизнання, а навіть (и даже) національність, ішли по батькові, а дочки по матері. Склалися на перший погляд дивовижні сім'ї, в яких одні діти були римсько-католиками і поляками, а інші греко-католиками й українцями...»

Понятно, что такая традиция, с одной стороны, вела к взаимной ассимиляции поляков и украинцев, с другой — усугубляла разрыв между уніатської Галичиною і православним центром і востоком України. Длинная череда поколений, родившихся і состарившихся в Речи Посполитой, с неизбежностью вела к насыщению языка галицийских украинцев полонизмами і германизмами до такой степени, что житель Восточной Украины не всегда мог понять галичанина. В любом случае Тарас Бульба едва ли признал в галицийских уніатах «своих» — скорее наоборот, сказал бы что-то вроде: *«Перенимают черт знает какие бусурманские обычаи, гнушаются языком своим; свой со своим не хочет говорить...»* Да и страшно подумать, чем бы в реальности могла закончиться встреча запорожских казаков с семьей Степана Бандеры, отец которого был уніатским священником, а мать — дочерью священника (*«Дыбом стал бы ныне волос от тех страшных знаков свирепства полудикого века, которые пронесли везде запорожцы. Избитые младенцы, обрезанные груди у женщин, содранная кожа с ног по коле-*

на у выпущенных на свободу, — словом, крупною монетою оплачивали козаки прежние долги...»).

Вхождение Галичины в состав империи Габсбургов привело к значительным изменениям в социальном статусе галицийских украинцев. Империя в рамках традиционной политики «разделяй и властвуй» вела искусную линию поддержки слабых в их противостоянии с сильными. Доставшиеся Австро-Венгрии земли представляли собой польско-еврейские города в окружении украино-польских сел. Именно в такой пропорции. Так, согласно энциклопедии Брокгауза и Эфрона, в конце 19 века население Львова состояло из 67 тыс. поляков, 36 тыс. евреев, 21 тыс. украинцев. А поскольку в любую эпоху власть, деньги и знания находились в городе, а город был польский, а потом еврейский и уже совсем чуть-чуть украинский, то австрийские власти сочли целесообразным поддерживать украинцев, используя их как противовес полякам.

Во Львове и Вене издавались украинские газеты, печатались книги на украинском языке, открывались украинские национальные школы (а в 20 веке — и украинские университеты). В последней четверти 19-го века во Львове существовало множество украинских национально-культурных, молодежных, просветительских организаций; действовала (правда, на «общественных началах», без властных полномочий) Украинская Народная Рада. В атмосфере национального возрождения, в «карпатском Пьемонте», как тогда называли Львов, у галичан формировалось весьма своеобразное отношение к восточным украинцам — как к «бедным (во всех смыслах этого слова) родственникам», угнетенным и даже не понимающим всю меру своего угнетения.

С началом мировой войны львовская Народная Рада призвала украинцев Австро-Венгрии встать в первые

ряды борцов против Российской империи, «угнетающей единокровных братьев-украинцев». На базе молодежных военно-спортивных обществ был создан так называемый «легион Сичовых стрельцов», ставший одной из наиболее боеспособных частей австрийской армии. Русскую императорскую армию в Карпатах встречали отнюдь не цветами. Российские власти в долгу не остались, и из Галичины были депортированы десятки тысяч украинских активистов, представителей интеллигенции и униатского духовенства (правда, до Сибири эти эшелоны так и не доехали — в России началась революция...).

Едва ли простым совпадением является тот факт, что книга Д. Донцова «Национализм» была впервые издана на Галичине (в г. Жовква) в типографии грекокатолического монашеского братства, что учредительный съезд Организации Украинских Националистов (ОУН) состоялся в Вене, а первым руководителем организации стал полковник Сичовых стрельцов Евгений Коновалец, а большая часть руководителей движения (С. Бандера, А. Мельник, Я. Стецько, Р. Шухевич, Д. Клячкивский, В. Кук, И. Гриньох, М. Матвиейко) родились на Галичине, и так называемый «Акт восстановления независимости Украины» от 30 июня 1941 г. был провозглашен во Львове, и первая (она же единственная) украинская дивизия ваффен-СС формировалась во Львове и получила название «Галиция»...

В скобках заметим, что любое обсуждение тезиса о том, что оуновский национализм был скорее галичанским, нежели общеукраинским феноменом, приводит нынешних апологетов бандеровщины в неопишущую ярость. Еще бы, ведь вся их «аргументация» строится на том, что «бандеровцы — это и есть украинский народ», а «народ всегда прав, потому что право имеет»,

и «отношение к Бандере и ОУН является лакмусовой бумажкой, выявляющей украинофобов и имперских шовинистов». В русле таких представлений в последние 10—15 лет были произведены тщательнейшие «раскопки», долженствующие выявить хотя бы малейшие следы бандеровского движения на востоке Украины (дело дошло аж до такой *бессоромной брехни*, как утверждение об ОУНовском происхождении краснодонской «Молодой Гвардии»).

В результате националисты высекали себя больнее, чем гоголевская унтер-офицерская вдова: ничего похожего на существование сколь-нибудь активного бандеровского подполья к востоку от Днепра найти так и не удалось; среди установленных 254 имен руководителей ОУН, УПА, УГВР лишь 63 человека не были уроженцами Галичины (да и те занимали третьестепенные должности). Впрочем, самым объективным и показательным «исследованием» стали результаты первого тура президентских выборов в Украине 2010 г. За Тягнибока, кандидата от национал-экстремистов, открыто воспевающих бандеровщину, проголосовало аж... 1,4% избирателей. Даже во Львове (!!!) Тягнибок набрал всего лишь 5,35% голосов, уступив «пророссийскому» Януковичу (5,67%). Максимальный уровень поддержки был отмечен в Бродовском районе Львовской области — 9,8%. В центральных же и восточных областях Украины за Тягнибока проголосовало исчезающе малое число избирателей, что и сформировало конечный, весьма плачевный для националистов, результат. И это, заметим, в обстановке затяжного политического и экономического кризиса, при остановившихся заводах, падающей гривне, массовой безработице, параличе власти — то есть в идеальной для развития экстремистских движений «питательной среде»...

Вернемся, однако, к истории. Две империи (Российская и Австро-Венгерская) не выдержали напряжения многолетней мировой войны и рухнули; на их обломках немедленно началась ожесточенная кровопролитная борьба «всех против всех». Для украинского народа результаты этой войны стали, без преувеличения, трагическими. Созданная в Галичине ЗУНР (западно-украинская народная республика) была разгромлена армией возродившейся Польши; в центральной Украине левыми националистами (т.н. «петлюровцами») была провозглашена УНР (Украинская народная республика), армия которой терпела одно за другим поражения от Красной Армии советской России. В этой ситуации в апреле 1920 г. Петлюра и Пилсудский заключили соглашение о создании «польско-украинской конфедерации», при этом граница между Польшей и Украиной была проведена по реке Збруч (т.е. Галичина и Волынь переходили в состав Польши). Как известно, в Москве план создания польско-украинской конфедерации «не одобрили». В мае 1920 г. началась советско-польская война, в ходе которой Красная Армия сначала гнала поляков от Киева до Варшавы, затем сама в беспорядке бежала от Варшавы до Минска. В конце концов 18 марта 1921 г. в Риге был подписан мирный договор между Польшей и... отнюдь не Советским Союзом (которого на тот момент не было вовсе), а двумя формальными противниками Польши — советской Россией и советской Украиной. По условиям Рижского договора граница между Польшей и Украиной также была проведена по реке Збруч; таким образом, включение Волыни и Галичины (то, что позднее получило название «Западная Украина») в состав воссозданной Польши было подтверждено подписями двух (петлюровского и советского) украинских правительств.

К востоку от Збруча появилась «суверенная» советская Украина, вскорости включенная в состав СССР. Политические игры с партийно-коммунистической «украинизацией» 20-х годов быстро закончились («игроки», равно как и их политические оппоненты и союзники были почти поголовно расстреляны в эпоху Большого Террора), и на советскую Украину обрушились все бедствия, все «казни египетские» сталинской тирании, включая рукотворный голод 32—33 гг., жертвами которого стали миллионы украинцев. На Волыни и в Галичине, т.е. в «польской Украине», складывалась значительно более сложная и неоднозначная ситуация.

Об обязательстве предоставить украинцам права широкой автономии власти 2-й Речи Посполитой быстро забыли; с другой стороны, формально-юридически все национальные меньшинства в Польше (т.е. прежде всего украинцы и евреи) обладали равным с поляками правами, украинцы были и в составе депутатов Сейма (парламента), и в органах местной власти, и в офицерском составе польской армии. В то же время проводилась вполне осознанная политика «полонизации» — сокращалось число украинских школ, закрывались украинские газеты и издательства. На Волынь из центральной Польши переселяли т.н. «осадников», которым отдавали лучшие земли (по версии современных украинских историков — с целью изменить национальный состав населения в пользу поляков; по версии же польских авторов, имело место всего лишь возвращение поляков на земли отцов и дедов, конфискованные царским правительством после поражения польского восстания 1863 года). Наконец, самое большое напряжение создавали незафиксированные ни в одном своде законов, но, увы, ставшие «именем нарицательным», польская спесь и польский гонор. Нетрудно догадаться, как раз-

горелись эти недостойные чувства в новообретенном польском государстве, которое спешило «взять реванш» за два столетия поражений и национального унижения.

В целом приходится констатировать, что руководство 2-й Речи Посполитой (приведшее страну прямоком к катастрофе сентября 1939 г.) вело национальную политику самым глупым образом, какой только можно придумать: польский национальный гнет был достаточно силен для того, чтобы его нельзя было не заметить, но совершенно недостаточен для того, чтобы (по примеру товарища Сталина) задавить всякую возможность сопротивления. Что и возымело свои, вполне предсказуемые, последствия.

Горечь поражения особенно остро переживалась украинцами Галичины, которым из привилегированного (в условиях бывшей Австро-Венгрии) меньшинства пришлось превратиться в объект неприкрытого давления со стороны польских властей. Руководители и активисты разгромленной ЗУНР переместились в весьма близкую (в Вену и Прагу) эмиграцию, и уже в сентябре 1920 году возникает «Украинская военная организация» (УВО), во главе которой стал полковник легиона Сичовых стрелцов Евген Коновалец (внук униатского священника). Название организации вполне откровенно говорило о предполагаемых методах борьбы за восстановление украинской государственности. Впрочем, в начале 20-х годов резко негативное отношение к либерально-демократическим идеям стало общеевропейской (а не только западно-украинской) тенденцией. Под влиянием «новостей с Востока» (т.е. из сталинского СССР) быстро теряли былой авторитет и столь распространенные ранее лево-социалистические взгляды. Образовавшийся вакуум требовал заполнения. Для галичанских экстремистов ядром идейной консолидации стал «интегральный национализм» Дмитрия Донцова.

Этот человек родился в Мелитополе, в русской семье, рано осиротел, жил и учился в Петрограде, Вене, Львове, Берлине, был лично знаком с Петлюрой, работал в прогерманском правительстве гетмана Скоропадского в Киеве. Он пришел в мир как Митька Шелкоперов, но поскольку заниматься публицистикой с такой фамилией решительно невозможно, будущий кумир украинских националистов взял себе псевдоним «Донцов». Первые «антимоскальские» статьи были опубликованы им еще в 1913 г., а в 1926 г. вышел в свет фундаментальный труд Д. Донцова «Национализм». На этой книге было воспитано два поколения украинских националистов (а на излете президентства Ющенко изучение «Национализма» Донцова даже включили в вузовские программы).

Интеграл — это объединение, соединение, суммирование. В данном случае это слово было, по сути дела, «калькой», синоним того же понятия («связка», «пучок»), которое в итальянском языке легло в основу термина «фашизм» (с работами Муссолини Д. Донцов был не просто знаком, но и перевел «Dottrina del Fascismo» на украинский язык): Донцов связал воедино две, на первый взгляд, не очевидно связанные вещи. Во-первых, идущие еще из 19 века ницшеанские идеи, культ «сильной личности», для которой не существует ни закона, ни морали. Этот посыл мог быть истолкован и как оправдание крайнего эгоизма и гедонизма, но Донцов соединяет его с идеей Нации, превращаемой в абсолютную ценность. Нация выше человека, выше партий, выше классов, при этом воля нации реализуется через активные действия охваченного фанатическим порывом меньшинства, освободившегося от «мещанских ограничений» морали и права. Эти положения Донцов декларировал предельно жестко и с удивительной откровенностью:

«Національний фанатизм, це зброя (оружие) сильних народів, якою dokonуються (вершатся) великі вчинки (деяння)... Фанатик визнає (признає) свою правду за об'явлену (єдинственно верную), загальну (всеобщую), яка має бути (должна быть) прийнята іншими. Звідси (отсюда) його агресивність і нетерпимість до інших поглядів (взглядів)... Будьте напасниками і здобувцями (агрессорами и захватчиками), поки не зможете бути володарями і посідачами (власителями и владельцами). Воля життя є однозначна з жадобою панування... Суть життя — це посідати і панувати (владеть и господствовать); суть — боротьба за перевагу (превосходство), за зріст (рост) і поширення, за могутність, бо жага могутності, це власне жага життя (ібо жажда могутності и являється, по суті дела, жаждой жизни)... Людський рід, хоч і отарна (стадной) порода, все ж таки завжди був і тепер лишається (всегда был и теперь остается) ще хижацькою (хищной) породою... Закон природи є право сили, експансія — не тільки самоутвердження власної (своей) волі до життя, а й заперечення її (отрицание, неприятие её) в інших... Воля життя і воля влади (стремление к власти) перемінюються в волю війни... Воля війни між націями вічна. Вічна є війна... Природа та історія не знають рас агресивних і неагресивних, лише (а тільки) раси сильні і слабкі. Раси сильні — визволяються, коли вони підбиті (ослабли), і розширюються коштом (за счет) слабших, коли є вільні...»

И так далее. На сотнях страниц идет бесконечная вариация на тему: «Человек человеку — волк», причем этот тезис перенесен на уровень межгосударственных и межнациональных отношений и возведен в ранг Абсолютной Истины. Без тени смущения Донцов называет в качестве основных «вимог чинного націоналізму» (требуваний активного, действенного национализ-

ма) *«романтизм, догматизм, ілюзіонізм, фанатизм і «аморальність»*. Да, слово «аморальность» поставлено им в кавычки, но, как видно хотя бы из приведенных выше высказываний, кавычками Донцов хотел лишь усилить выражение своего презрения к «слабакам», которые ищут себе жалкое утешение в нормах общепринятой морали.

Идеи Донцова легли в воспаленное сознание галичанских националистов, как патроны в обойму. Да, кстати, при вступлении в ОУН новообращенный приносил клятву верности, положив руку не на Евангелие, не на распятие, не на Устав организации, не на Конституцию будущей суверенной Украины, не на горсть родной земли, а на... револьвер! В январе — феврале 1929 г. в Вене состоялся учредительный Съезд (1-й Великий Сбор, ряд авторов использует термин «1-й Конгресс»), на котором была создана Организация украинских националистов (ОУН). Во главе ОУН стал все тот же Евгений Коновалец (УВО еще некоторое время просуществовала в неофициальном статусе «вооруженного крыла» движения). В обращении Съезда к украинскому народу, в частности, было сказано:

«...Повне усунення (полное устранение, изгнание) всіх займанців (захватчиков) з українських земель, що наступить в бігу національної революції, відкриє можливості для широкого розвитку Української Нації в межах власної держави (в границях собственного государства)... У своїй зовнішньо-політичній чинності (внешнеполитической деятельности) Українська Держава стремітиме до осягнення меж (установлення границ), що охоплюють (которые охватывают) всі українські етнографічні терени... Лиш національна диктатура, витворена в ході національної революції, зможе забезпечити внутрішню силу Української Нації...»

Для того чтобы по достоинству оценить, что именно пообещали будущие творцы «национальной диктатуры», каких «займанців» вознамерились они «полностью устранить с украинской земли», следует принять во внимание, что под «украинскими этнографическими землями» лидеры ОУН понимали не только всю без изъятия территорию сегодняшней Украины (с Крымом, Одессой и Донбассом), но и Перемышль, Холм, часть Люблинского воеводства в Польше, Брест и Пинск в Белоруссии, Курск, Воронеж, Таганрог, Ставрополь, Краснодар в России. В некоторых официальных заявлениях границы описывались совсем просто: «от Дуная и Карпат до Каспия».

Слово «диктатура» также было использовано не для красоты речи. В п.16 Постановления Великого Сбора читаем: «*Організація Українських Націоналістів побудована на засадах (построена на принципах) всеукраїнства, надпартійності і монократизму*». Все три сводятся к одному, и на современном политическом языке это называется «тоталитаризм». Один из главных на тот момент идеологов ОУН (к слову говоря, сын униатского священника) С. Ленкавский составил текст «Декалога», в котором в форме «десяти заповедей», обращенных к участнику движения, в яркой и доступной форме были сформулированы основные принципы и задачи. Прежде всего провозглашалось: «*Здобудеш Українську Державу, або загинеш у боротьбі за неї*». Пунктом (грех и назвать-то такое «заповедью») седьмым стояло: «*Не завагаєшся виконати найбільший злочин, якщо цього вимагатиме добро Справи* (не остановишься перед совершением наитягчайшего преступления, если того требуют интересы Дела)». Пункт восьмой: «*Ненавистю і підступом прийматимеш ворогів Твоєї Нації* (ненавистью и вероломством одолеешь врагов твоей нации)».

Была установлена и форма «большого националистического приветствия» — правая рука с открытой ладонью, поднятая вверх. Обращение: «Слава Украине!», ответ: «Слава вождю!» (много позднее, после гибели Коновальца и раскола организации на мельниковцев и бандеровцев, бандеровцы, которые не признавали Мельника в качестве «вождя», ввели в качестве ответа «Героям слава»). В августе 1939 г., когда возник вопрос о том, что немцы, разгромив Польшу, может быть, разрешат ОУНовцам создать на ее обломках какую-то «мини-Украину», Мельник и Сцыборский экстренно составили текст Конституции будущей державы. Начиналась она так: «Украина является суверенной, авторитарной, тоталитарной, профессионально-сословной державой». Во главе «суверенной тоталитарной» Украины должен был стоять назначаемый пожизненно Вождь Нации, имеющий право созывать и распускать правительство и парламент, причем в своих действиях Вождь несет ответственность только «перед Богом, историей и собственной совестью».

Есть такая хорошая поговорка: «Если птица ходит, как утка, плавает, как утка, и крикает, как утка, то это — утка». Как же должна называться организация, которая пропагандирует культ силы, открыто воспекает агрессию, экспансию, межнациональную вражду и войну? Не имея к тому ни малейших полномочий, начинает вещать от имени «всей нации»? Готовится к насильственному захвату власти? Обещает установить диктатуру неменяемого «вождя» и провести тотальные этнические чистки? Не существует ли некий общеизвестный термин, которым принято обозначать подобные организации и движения? Молчат нынешние апологеты бандеровщины, молчат и не дают ответа. Или, напротив, истошно вопят, демонстрируя возмущение оскорблен-

ной невинности — совсем как воспитанницы пансиона благородных девиц, которым показали голую лошадь. А иные идут еще дальше, пускаются «во все тяжкие», начинают фальсифицировать документы — в результате в конце 60-х годов, в среде канадской украинской эмиграции, сочиняют «новый декалог», в котором вместо откровенно «хижацького» пункта семь («совершишь наитягчайшее преступление») появляется вполне вегетарианское «выполнишь наиопаснейшее задание»...

Отдадим должное галичанским фашистам — они своего идейного «родства» не стеснялись, соратниками и единомышленниками не брезговали. Еще в 1923 году в издаваемом УВО журнале «Литературно-научный вестник» Д. Донцов публикует статью под названием «Чи ми фашисти?», в которой всецело одобряет «політичний і морально-психологічний дух» этой новой (на тот момент) общеевропейской заразы. В формате литературного приложения к «Вестнику» («Книгозбірня Вісника») была выпущена серия брошюр, рассказывающих о боевом пути лидеров европейского фашизма. Вот некоторые названия: «Муссоліні — людина і чин», «А. Гітлер», «Вогнистий хрест — полковник ля Рок» (это про несостоявшегося французского «фюрера»), «Франко — вождь еспенців».

В предисловии к брошюре про Муссолини Донцов пишет: *«Своїм чином (действием, порывом) очистив він народ від розкладаючих (разлагающих) сил інтернаціональності і рідної колтунерії, а Італію з країни-провінції зробив нацією, без якої не сміє нічого важного статися на нашій континенті, а подекуди й поза ним...»*

Упомянутый выше Мыкола Сцыборский в 1935 г. написал большую книгу «Нациократия», где был 4-й раздел под названием «Фашизм». На этих страницах просто гремит торжественный гимн фашизму:

«Фашизм та інші націоналістичні рухи (движення) відкрили забутий світ великих ідей; в основу своєї чинності (деятельности) вони поклали здорові принципи авторитарності проведу (руководства) нації, гієрархії, обов'язку (долга) й дисципліни. На цих ідеях і принципах оперта їх велика місія лікарів хворої епохи... Диктатура є тим творчим, мобілізуючим і виховуючим (воспитывающим) фактором, що пориває за собою більшість (увлекает за собой большинство) і твердою рукою скеровує її (руководит им) до розбудови (построения) духових і реальних цінностей. Не признавати цього можуть лише сліпці, або озлоблені прихильники (приверженцы) старих, збанкrotованих талмудів...»

Правды ради надо отметить, что в какой-то момент Сциборский вспоминает про свою любимую «незалежність» и уточняет: *«Український націоналізм, признаючи за фашизмом велику історичну заслугу, і дійсно (действительно) наближаючись до нього своїм ідеологічним змістом (содержанием), є водночас рухом наскрізь оригінальним (является в то же время движением насквозь оригинальним) і ні від кого незалежним. Він орієнтується лише на завдання власної (задачи своей) нації...»*

К сказанному остается лишь добавить, что в апреле 1941 г. на 2-м Великом Сборе (Съезде) бандеровской ОУН в качестве символа движения был принят чернокрасный флаг (у германских нацистов — черная свастика в белом круге на фоне красного знамени), а после т.н. «восстановления независимости» (30 июня 1941 г.) самозванное «правительство» Я. Стецько 4 июля 1941 г. разослало приветствия Адольфу Гитлеру, Герману Герингу, Иоахиму Риббентропу, Бенито Муссолини, Франциско Франко и Анте Павеличу (главарь хорватских усташей). Весь «фашистский интернационал» в сборе, никого не забыли...

Стоило ли в рамках небольшой статьи уделять столь много места и времени обсуждению идеологии и фразеологии галичанского фашизма? Не лучше ли было сразу же начинать рассказ о «боях-пожарищах»? Убежден, что без хотя бы минимального знакомства с историей создания и идеологией ОУН невозможно понять всю дальнейшую эволюцию украинского национализма. В частности — по достоинству оценить тот ошеломляющий, небывалый «поворот на 180 градусов», произошедший на рубеже 43—44 годов. Организация, построенная на идеях «вождизма», террора, тоталитарной диктатуры и национальной вражды, декларирует вдруг принцип равенства всех граждан Украины без различия национальности и вероисповедания, да еще и дополняет его *розкладаючими* лозунгами личной свободы, свободы совести, слова, печати и собраний. Что это с ними случилось? Был ли искренним этот, едва ли не единственный в истории, молниеносный поворот от проклятий и глумления над идеалами свободы и демократии к их прославлению?

Зная предысторию бандеровского движения, памятуя об его исходных идеологических основах, мы без труда находим ответ на эти вопросы. Ответ предельно прост — для бандеровских лидеров понятия «искренний» не существовало вовсе. С тем же успехом можно было обратиться к дальтонику с вопросом о том, какие обои ему больше нравятся: нежно-розовые или небесно-голубые... Какая «искренность» могла быть у людей, воспитанных в духе «фанатизма, догматизма, иллюзионизма и аморальности»? Трудно ли было им произнести «полезные» слова, если 15 лет назад они уже дали клятву совершить в «интересах дела» *найбільший злочин* и сокрушать своих врагов «ненавистью и вероломством»?

Ну, а те, кому такой вывод кажется необоснованным (или даже оскорбительным по отношению к «борцам против сталинской тирании»), пусть ответят на два простых вопроса. Сменились ли после 3-го Чрезвычайного Сбора (август 1943 г.) лидеры движения? Осудили ли они свои прежние взгляды, программы и действия? Или замечательный лозунг «Свобода народам! Свобода человеку!» выдвинули те самые деятели, которые чуть раньше приняли программу *«повнего усунення всіх займанців з українських земель»*, да так здорово преуспели в осуществлении этого самого усунення, что были залиты кровью невинных жертв не по локоть даже, а по самую макушку? И, наконец, самый главный критерий — черт с ними, со словами и программами, изменились ли вслед за словами дела бандеровцев?

Вот теперь самое время обратиться к истории дел. Про деятельность ОУН в 30-е годы (постоянное провоцирование польских властей с целью «поддержания масс в состоянии революционного кипения», разорванные и втоптаные в грязь польские флаги, избияния польских учителей, выстрелы из-за угла, «экспроприации», теракты против польских чиновников, постоянный поиск и убийства «изменников» среди своих, убийства «пособников польских оккупантов» из числа здравомыслящих украинских интеллигентов) написано немало, все интересующиеся без труда найдут соответствующую литературу. В самом кратком изложении напомним, что реакция польских властей была вполне предсказуемой: тысячи украинцев были арестованы, сотни крестьянских хат сожжены в ходе «зачисток», проводившихся польской жандармерией в украинских селах во время т.н. «пацификации» («замирения») 1930 года (правда, по версии польских историков, «па-

цификация» была вызвана волной массовых поджогов польских крестьянских хозяйств). Вершиной «достижений» боевиков ОУН стало убийство 15 июня 1934 г. министра внутренних дел Перацкого.

Как видим, убийство Перацкого и убийство Кирова произошли в одном и том же году. Вполне сопоставимым был административный «вес» этих чиновников. Схожими были даже обстоятельства убийства (Перацкий безо всякой охраны приехал на обед в варшавском ресторане, когда к нему подошел террорист Мацейко и трижды выстрелил в министра из пистолета). Совершенно различными были последствия. В сталинском СССР в тот же (не на следующий!) день, 1 декабря 1934 г., было принято Постановление ЦИК «Об особом порядке ведения дел о террористических актах». Срок ведения дела сокращался до 10 дней, суд рассматривал обвинение без участия сторон (прокурора и адвоката), приговор к расстрелу обжалованию не подлежал и немедленно приводился в исполнение. Фактически это была чуть прикрытая фиговым листком законности «лицензия на отстрел».

В панской Польше дело об убийстве министра внутренних дел рассматривалось в открытом судебном процессе, который растянулся на 56 дней, превратился в грандиозное политическое шоу и привлек внимание «всей прогрессивной общественности». В результате ни один из 12 подсудимых (сам Мацейко благополучно бежал за границу и мирно прожил в Аргентине до 1966 года) — в их числе были Степан Бандера (25 лет) и Мыкола Лебедь (24 года) — не был казнен; все они получили длительные сроки теремного заключения, Бандера и Лебедь были приговорены к пожизненному заключению.

Чешская полиция (до того весьма снисходительно

относившаяся к нахождению структур ОУН на ее территории) арестовала в Праге одного из крупных функционеров движения, Емельяна Сенька, у которого был изъят архив ОУН, содержащий учетные дела 2000 активистов и финансовые документы организации; все это было передано в распоряжение польских властей (по другой, менее распространенной версии, польская полиция захватила архив ОУН с помощью внедренного в организацию осведомителя, а история про «чешскую полицию» была вымышлена в целях дезинформации). Сразу же после убийства Перацкого в местечке Береза-Картузска (Брестская область современной Белоруссии) был создан концлагерь, в который без суда и следствия, простым решением административных властей направляли на 3-месячное «перевоспитание» посредством побоев и изощренных издевательств активистов ОУН и подпольной компартии Западной Украины; всего до начала германо-польской войны через этот концлагерь прошло более 3 тыс. человек. В 1938 г. в Роттердаме был убит (как считается, агентом НКВД Судоплатовым) Евгений Коновалец. В целом руководящим структурам и боевому активу ОУН был нанесен серьезный удар, и организация имела немалые шансы навсегда исчезнуть во мраке истории.

Начавшаяся 1 сентября 1939 г. война перевернула все. Польша, против которой украинские националисты вели многолетнюю борьбу, исчезла с политической карты мира за один месяц. Из полуразрушенной немецкими бомбами тюрьмы в Бресте бежал (ушел) С. Бандера и его «подельники». Галичина и Волынь были оккупированы советскими войсками и торжественно присоединены к «братской семье советских народов» — так галичане впервые в истории оказались в составе государства со столицей в Москве. В сравнении с методами, при

помощи которых органы НКВД приводили Западную Украину к «общесоюзному знаменателю», репрессии бывших польских властей могли показаться нестрогим выговором в детском саду...

В ОУН начался острый внутренний кризис. После гибели Коновальца на роль «вождя» был назначен Андрей Мельник — давний соратник и близкий друг Коновальца (их жены были родными сестрами). Возможно, на принятие решения повлияла и позиция главы униатской церкви (польского графа по происхождению) митрополита Шептицкого — фигуры в Галичине чрезвычайно влиятельной (Мельник не просто был знаком с Шептицким, но и одно время работал управляющим в его имении). Вышедшие на свободу «молодые герои» не согласились с тем, что «старые функционеры», прохладившиеся в сытой и безопасной эмиграции, оказались во главе движения. Как это всегда бывает в подобных организациях (т.е. подпольных военизированных структурах, принципиально отвергающих демократические методы управления и согласования интересов), конфликт вылился в раскол со взаимными обвинениями в «предательстве идеалов» и «провокаторстве». В феврале 1940 г. сторонники Бандеры провозгласили создание новой, «революционной» партии. К началу 1941 года бандеровская ОУН(б) и мельниковская ОУН(м) существовали фактически как две отдельные, конкурирующие и во многом враждебные друг другу экстремистские организации.

Вооруженное подполье требует денег, и немалых. В отличие от современных афганских талибов или бирманских «маоистов», ОУНуновцы не могли финансировать свою деятельность за счет продажи героина и мака-сырца. В таких обстоятельствах сотрудничество со спецслужбами иностранных государств, враждебных

Польше, было вполне естественным и предсказуемым. В межвоенный период главным финансовым спонсором галичанских фашистов была Литва (что, в частности, было подтверждено и документами «архива Сенька»), а сам Е. Коновалец до конца своей жизни имел литовское гражданство, что и позволяло ему беспрепятственно перемещаться по Европе.

Контакты со спецслужбами Германии (сначала — веймарской демократической, затем — гитлеровской) начались еще в 1923 г. и были весьма «плодотворными» — в немецких разведшколах было подготовлено несколько сотен боевиков, а суммарный объем финансовой помощи (с 1923 по 1938 год) некоторые авторы оценивают в 5 млн марок. С другой стороны, после убийства Перацкого немецкая полиция по первому же требованию польских властей арестовала и депортировала в Польшу М. Лебеда, арестовала и заключила в немецкую тюрьму еще одного активиста ОУН, тесно связанного с германскими спецслужбами, Рико Ярого (уроженец Австрии, немец по отцу и венгр по материнской линии).

На этапе подготовки к советско-германской войне (насколько можно судить по документам ОУН и мемуарам его активистов, в неизбежности скорой войны между партнерами по пакту Молотова — Риббентропа никто даже не сомневался) сотрудничество между всеми группировками украинских националистов и немецкими спецслужбами резко активизировалось. Значительно возросло и финансирование — за один только 1940 год обе фракции (ОУН(м) и ОУН(б)) получили более 5 млн марок. В тренировочных лагерях абвера (военная разведка) на территории Германии и Австрии были подготовлены два разведывательно-диверсионных батальона (иногда их называют «легионы»), укомплектованные

активистами бандеровской ОУН. Батальоны, получившие название «Роланд» и «Нахтигаль» (соловей), были организационно подчинены немецкой военной разведке (а вовсе не СС, как иногда ошибочно пишут), обмундированы в стандартную форму вермахта, но с двумя особыми эмблемами: *жовто-блакитной* нашивкой на рукаве и «трезубом Владимира» на кокарде.

С точки зрения митинговой риторики факт получения немецких денег, да еще и службы в немецких диверсионных частях, исключительно «ценен». Неудивительно, что советская пропаганда эти обстоятельства усиленно педалировала, а апологеты бандеровщины — столь же усиленно и неуклюже маскировали. Я же не считаю уместным придавать этим частностям решающее значение — не они определили «лицо», цели и задачи галичанских фашистов. Ульянов (Ленин), скорее всего, получал немецкие деньги, но сводить грандиозное явление большевистской революции в России к «проискам немецких агентов» просто смешно. Да и всенародно-любимый Штирлиц носил немецкую форму (да еще какую — черную форму СС, а не скромную серо-зеленую гимнастерку вермахта, которую носил Шухевич), разъезжал по Берлину в немецкой машине и зарплату в кассе РСХА получал отнюдь не в рублях...

Очень бы хотелось современным политическим наследникам бандеровщины представить своих кумиров в роли эдаких «штирлицев», которые ловко обманули беспечных немцев, втерлись в доверие, а на самом-то деле... Но, увы и ах — даже под электронным микроскопом невозможно обнаружить хотя бы одну песчинку, которую бойцы «Нахтигалья» всыпали в мотор немецкого танка, да и разведывательных донесений, направленных ОУНовскими «юстасами» в лондонский (вашингтонский, московский) «Центр», в природе не существует,

зато существуют пухлые тома документов, свидетельствующих о разведывательной (в интересах Германии, разумеется) деятельности бандеровского подполья на территории Польши и СССР. Поэтому, вдохновляясь предписанным Д. Донцовым принципом «иллюзионизма», они пошли другим путем: оказывается, бандеровцы не обманывали немцев, а, напротив, сами были ими подло обмануты; оказывается, лидеры ОУН надеялись на то, что замена советских «оккупантов» на немецких осчастливит украинский народ, но обманулись в своих лучших чувствах...

Мне эти рассуждения всегда казались чем-то непостижимым. Ведь не в Новой же Зеландии находились в 1940—1941 гг. бандеровские лидеры, а на территории оккупированной немцами Польши; «новый порядок», который устанавливали гитлеровцы в поработанной Европе, видели они с самого близкого расстояния. И ничего не увидели? Ничего не поняли? Ни о чем не догадались? Впрочем, на все эти вопросы есть вполне конкретный ответ. Его дал самый авторитетный знаток истории бандеровского движения — сам Степан Бандера. В июле 1948 г. в Западной Германии отдельной брошюрой была опубликована его статья под названием *«Слово до українських націоналістів-революціонерів за кордоном»*. В ней прямым текстом, безо всяких экивоков сказано:

«З весною 1941 року, напередодні вибуху німецько-радянської війни стали очевидними гітлерівські плани супроти України: ...запрягти до свого імперіялістичного воза, а потім зробити з України терен колонізації, господарської (хозяйственной, экономической) експлуатації і джерело (источник) невольничої робочої сили». И чуть далее: *«Було ясно, що гітлерівська Німеччина не думає позитивно ставитися до справи (до дела) державної самостійності України»*.

Согласитесь, такой текст отлично смотрелся бы и на первой полосе газеты «Правда». Но, разумеется, с одним необходимым дополнением — надо же поставить на место те слова, которые я коварно скрыл от читателя, заменив их троеточием. А слова эти вот какие: «*підманути туманними кличами й обіцянками*». Вот, оказывается, в чем дело! *Підманули* проклятые, *с ума с розума свели* наивного и доверчивого Бандеру; так затуманили ему голову, что он приказал своим соратникам с оружием в руках поддержать колонизаторов, которые (что уже весной 1941 года стало для Бандеры очевидным!) намеревались превратить Украину в «зону эксплуатации и источник подневольной рабочей силы».

Все понятно, одно непонятно — чем? Чем, какими именно «*обіцянками*» ввели немцы Бандеру в такой соблазн? Что и, главное, кому они обещали? К настоящему времени опубликованы многотомные сборники документов бандеровского движения, написаны десятки пухлых монографий, защищены сотни диссертаций, опубликованы многие тысячи статей — и хоть бы одна бумажка, один обрывок чьих-то воспоминаний с ответом на простой и наиочевиднейший вопрос: «Что хорошего обещали сделать немцы для украинского народа?»

Именно так — для украинского народа, а не для самозванных «*вождей*» *хижсацкой породы*, охваченных необузданным желанием *посідати і панувати* (владеть и господствовать). Прозвучали ли с немецкой стороны хотя бы обещания — обещания построить на Украине (за немецкий счет, разумеется) еще парочку ДнепроГЭСов и «Запорожсталей», наладить производство дешевых «Фольксвагенов» на бывшем танковом заводе в Харькове, выстроить 100 млн квадратных метров благоустроенного жилья (примерно столько было построено после

войны в советской Украине), предоставлять ежегодно 10.000 стипендий для обучения украинской молодежи в университетах Германии (думаю, что не меньшее число украинцев ежегодно получали высшее образование в советских вузах)... Молчат апологеты бандеровщины, не дают ответа.

Затянувшуюся неловкую паузу позвольте заполнить анекдотом, старым еврейским анекдотом. Прибегает маленькая девочка со двора в дом, вся в слезах, и кричит:

— Мама, мама, там... на улице... злые мальчишки кошечку мучают!

— Ах, они негодники! Не плачь, доченька, я их сейчас прогоню.

— Да, мама, прогони, прогони их скорей! Я сама хочу её муууучить...

Уместна ли столь оскорбительная аналогия между намерениями «доброй» девочки из анекдота и планами вполне, к несчастью, реальных лидеров ОУН? В поиске ответа на этот вопрос вернемся к истории реальных событий.

«Зігнано (согнано) було людей, мабуть, більше сотні — української інтелігенції. Кажу «зігнано» тому, що це був перший день вступу німців до Львова. У місті лунали постріли, здалека чувся гуркіт гармат (в городе звучала перестрелка, издалека слышался грохот пушек). Люди побоювались виходити на вулицю, а ті, що виходили, не відривались далеко від дому. Серед присутніх (присутствующих) чимало було (немало было) греко-католицьких священиків, зібраних зусиллями бандерівського капелана отця Івана Гриньоха. Представником митрополита був коадьютор Йосиф Сліпий, який поводив себе тут чи не як протектор тих, хто скликав цю нараду (собрание). Вя-

вилось, що це непроста нарада. Оголошено було, що всі ми пристуні (присутствующие) являємо собою «народні збори», які мають проголосити утвердження української держави і затвердити «уряд» (правительство), сформований за вказівками Степана Бандери якимось (яким-то) Ярославом Стецьком...

Слово взяв голова «уряду» (глава правительства) Ярослав Стецько — миршавенький (невзрачный) чоловічок, який, не вмючи себе тримати на людях (не умеющий держать себя на людях), тремтячим (дрожущим) голосом зачитав Акт проголошення «державної соборної самостійної України» і проголосив, так би мовити (так сказать), декларативну заяву «уряду». З того, що оголошував і говорив цей миршавий чоловічок, який іменував себе головою «уряду», запам'ятались дві особливості: неперевершена (непревзойденная) хвалебність німецькому фюреру і його непереможному (непобедимому) воїнству, і погрози, страшні погрози всім, хто виявляє непокору «урядові» «української держави», який, говорив Стецько, «буде діяти в єдності з Великонімеччиною фюрера».

«Політику ми будемо робити без сантиментів, — намагаючись взяти застрашливий тон, цілком серйозно провістив (объявил) миршавий чоловічок. Ми винищимо всіх, без винятку, хто ставатиме нам на перешкоді (уничтожим всех без исключения, кто будет нам вредить). Керівниками (руководителями) всіх галузей (сторон) життя будуть українці і тільки українці, а не ворогичужинці: москалі, поляки, євреї. Наша влада (власть) буде політичною і воєнною диктатурою ОУН, диктатурою, для ворогів страшною і навблаганною (неумолимою)...»

Так в своїх послевоєнних воспоминаннях доктор богословия Гавриил Костельник описує те саме событие, которое бандеровцы и их политические наследники считают величайшим достижением — про-

возглашение Акта восстановления украинской государственности от 30 июня 1941 г. Но, быть может, память подвела отца Гавриила, и никаких восхвалений в адрес «фюрера» Великой Германии и его «непобедимого войска» в тот день не прозвучало? Может быть, как пишут иные, потерявшие остатки всякого стыда авторы, «с первых дней гитлеровской оккупации ОУН, руководимая С. Бандерой, повела против них активную подпольную борьбу»?

Обратимся к документам, к той самой «Декларации правления украинской державы», которую *треттячим голосом* зачитал *миршавий чоловічок*. Там, в частности, было сказано:

«Нова Українська Держава, базуючись на повній суверенності своєї влади, стає добровільною в рамці нового ладу (порядка) Європи, який творить вождь німецької Армії й німецького народу Адольф Гітлер. Ми мали змогу доконтати (имели возможность осуществить) акту відновлення нашої державности саме завдяки (именно благодаря) побідам Славної Німецької Армії, яка під проводом (руководством) свого великого вождя вийшла на боротьбу за цей новий лад. Виходячи з цієї основи, пов'язуючи дальше до міждержавного акту з 1918 р. (здесь авторы Декларации ссылаются на Брестский мирный договор 1918 г., одним из участников которого была Украина), до почувань (чувств) найглибшої приязні, які має український загаль (общество) у відношенні до Німецької Армії та світоглядних (мировоззренческих) і ідеологічних заложень Українського Революційного націоналізму, Нова Українська Держава і її Влада стають у процес будівництва (построения) нового ладу в Європі і цілому світі...»

С неприличной поспешностью поделив портфели в «правительстве» несуществующего государства и заявив о готовности принять участие в построении фа-

шистского «нового порядка» во всей Европе (и даже в *цілом світі*), бандеровцы не озаботились восстановлением минимального порядка в охваченном массовым безумием городе. Львов переживал в июне 41-го страшные дни. 23—25 июня в городе шли настоящие уличные бои между частями отступающей Красной Армии и вооруженными отрядами украинских националистов. Уходя из города, палачи НКВД уничтожили во львовских тюрьмах (судя по отчету начальника тюремного управления НКВД Украины капитана госбезопасности А.Ф. Филиппова от 12 июля 1941 г.) 2464 заключенных. В весьма сдержанном (количество жертв в нем было даже значительно занижено), для нужд пропаганды отнюдь не предназначенном, немецком документе (донесение штаба 49-го горнострелкового корпуса в штаб 17-й армии от 12.00 01.07.41 г.) эта «эвакуация по 1-й категории» была описана так:

«После вступления немецких войск 30.6.41 во Львов в трех тюрьмах города были обнаружены несколько сот трупов мужчин и женщин, которые были убиты в течение последних дней. Так, в подвалах военной тюрьмы Львова только в одной камере были обнаружены около 120 трупов мужчин и женщин, сложенных друг на друга... В камерах тюрьмы ГПУ также находится много убитых, точное количество которых не могло быть установлено, так как вход в эти камеры замурован. Как показал осмотр обнаруженных трупов, убийству предшествовали сильные пытки и истязания. На всех частях тела трупов имеются тяжелые ранения от ударов и уколов. У некоторых трупов были раздавлены и переломаны пальцы рук и ног...»

Выражаясь «высоким штилем», вошедшим 30 июня во Львов бандеровским активистам следовало бы с молитвой и надлежащими воинскими почестями проводить в последний путь своих замученных соратников.

Выражаясь предельно цинично и грубо, следовало незамедлительно, во избежание вспышки эпидемий, захоронить тысячи разлагающихся на 30-градусной жаре трупов (из рассказов очевидцев известно, что над городом висел страшный трупный смрад, а в районе тюрем находится без противогоза было просто невозможно). Вместо это Стецко и К°, охваченные восхваляемой Д. Донцовым *жадобою панування*, поспешили согнать сотню ничего не понимающих, почти случайных людей и объявить себя «урядом».

Сразу же после занятия Львова немецкими войсками (в рядах которых был и батальон «Нахтигаль» под командованием Романа Шухевича) в городе начались массовые убийства евреев и представителей польской интеллигенции. Слово «погром» в данном случае будет едва ли уместным. *«Ці страшні події не були справою диких, паяних солдатів. Я відніс враження (вынес впечатление), що все діялося в організований спосіб, все докладно діялося, як в машині»,* — пишет один из очевидцев событий. Вопрос об участии/неучастии в этом преступлении батальона «Нахтигаль» и его командира многие десятки лет остается предметом ожесточенных, непримиримых споров. Не отвлекаясь на них (желающие могут ознакомиться с обширной литературой по этому вопросу) и признавая, что убедительных доказательств причастности Шухевича к массовым убийствам во Львове предъявлено не было, следует отметить, что даже самые благосклонные к бандеровцам авторы не смогли найти и каких-либо следов того, что «уряд Стецька» хотя бы попытался прекратить зверские бессудные убийства. Ничего подобного — мысль о том, что вожденная *влада* сопряжена с ответственностью за жизнь подданных, была им столь же чужда, как и бежавшим из города коммунистам.

Несмотря на бесконечные славословия и заверения в преданности, несмотря на плакаты и листовки с лозунгом «Heil Hitler! Слава Гитлерови!», расклеенные бандеровцами по всему городу, немцы были крайне возмущены фактом самовольного, не согласованного с Берлином создания «правительства». Свою позицию они выразили предельно ясно: «Мы не позволим, чтобы на территории, занятой ценою крови немецких солдат, появлялись самозванные «правительства». На мой взгляд, позиция вполне логичная. С другой стороны, нет никаких оснований преувеличивать значение и, главное, последствия возникшего конфликта. Несмотря на позднейшие усилия бандеровских пропагандистов «притянуть за уши» события сентября 41-го к 30 июня, никаких «зверских репрессий» со стороны немецких властей в ответ на самоуправство Стецко и К° не последовало.

9 июля Стецко был арестован и доставлен во львовское гестапо, где его (как он сам пишет в своих послевоенных воспоминаниях) не били и не пытали, а «принесли на ужин какао с хлебом», после чего отвезли в Краков и оттуда — в Берлин, в распоряжение полковника абвера Е. Штольце. Там Стецко «воссоединился» с Бандерой, также доставленным под конвоем из Кракова в Берлин. В течение нескольких дней сотрудники абвера словами, безо всякого рукоприкладства, объясняли лидерам ОУН(б), что место лакея — в лакейской. 15 июля их в целостности и невредимости освободили, но с обязательством не покидать Берлин. Скажем прямо — несравненно более жестоким способом обошлись с собачонкой Муму, которая своим невинным лаем нарушила покой капризной и жестокой барыни... Бандеровцы урок поняли и начали засыпать немцев покаянными письмами.

14 августа они написали очередной «меморандум»,

который по стилю своему напоминает задание из школьного учебника грамматики, в котором ребенок должен освоить правила спряжения глагола *«співпрацювати»* (сотрудничать):

«Для ОУН співпраця з Німеччиною не була справою порожніх слів (слов); співпрацю здійснено протягом років (в течение многих лет) великими і тяжкими жертвами. ОУН сама повела боротьбу за державну незалежність України на шлях (по пути) співпраці з Німеччиною; за це вона сама несе повну відповідальність перед українською історією. ОУН і надалі (и далее) намагатиметься працювати на відбудову Української держави шляхом співпраці з Німеччиною... ОУН захищає (отстаивает) свою концепцію визволення України та відновлення Української держави у співпраці з Німеччиною, у відвертій та щирій (в открытой и искренней) співпраці... Німеччина повинна бути зацікавлена (должна быть заинтересована) в тому, щоб співпрацювати з ідейними, динамічними українськими силами, котрі спричинилися (пришли к) до цієї співпраці з ідейних, політичних і патріотичних причин...»

Особенно старался Стецко, который чувствовал себя главным виновником. Не ограничившись «меморандумом», он решил сообщить немцам свое жизненное кредо в просторном тексте под названием *«Мій життєпис»*. То была не обычная, канцелярская автобиография, а приторно-льстивая «клятва верности» фашистским идеям:

«...В політичній площині стою на становищі (на позиции) монопартійного й авторитарного устрою України; в соціальній площині — національного солідаризму, що стоїть близько до націонал-соціалістичної програми... Стою на становищі винищення (уничтоження) жидів і доцільності (целесообразности) перенести на Україну німецькі методи екстермінації жидівства... Я вва-

жаю (признаю), що в теперішній світовій (мировій) війні вирішується на давні часи доля України, і свідомий того (осознаю то), що лише через перемогу (победу) Німеччини можлива є відбудова (строительство, создание) Суверенної і Соборної Української держави... Стоїмо на становищі повної, яка тільки буде необхідна (необходима) для Німеччини, господарської підтримки (экономической поддержки) всіма можливими заходами (всеми возможными способами) з боку України, бо тут іде про спільний успіх (ибо тут речь идет про общий успех), чи то неуспіх. Тим більше, що величезні жертви, які поносить німецька армія в боротьбі з Москвою, ми свідомі (и мы это осознаем), мусять знайти рекопензату (должны получить компенсацию) для німецького народу. Суверенна Соборна Українська держава цю рекопензату дасть і є зобов'язана дати...»

В то время как в далеком Берлине Стецко обещал «компенсировать» украинским хлебом, углем, сталью и всеми прочими *можливими заходами* военные расходы Германии, связанные с оккупацией Украины, во Львове и далее на восток кипела вполне реальная *співпраця*. Разгон самозваного «уряда Стецька» нисколько этому не помешал. 12 июля, в то самое время, когда Бандера и Стецко были вызваны «на ковер» в Берлин, Микола Лебедь (глава бандеровской Службы Безопасности и с августа 1941 г. руководитель «Краевой Экзекутивы ОУН(б) на Западно-украинских землях», т.е. фактический заместитель Бандеры на Украине) встретился во Львове с Теодором Оберлендером (профессор экономики, видный деятель нацистской партии, с началом мировой войны — сотрудник абвера, выполнявший роль германского «политкомиссара» при украинских националистах). В отчете об этой встрече Оберлендер пишет: «Я обещал Лебедю дальнейшую поддержку и подчеркнул,

что ранее проводившаяся им работа высоко оценивается начальником полиции безопасности и СД во Львове... Господин Лебедь заверил меня в том, что он охотно предоставляет себя в наше распоряжение в интересах совместной борьбы против большевизма и еврейства».

Так называемые «походные группы» ОУН (общей численностью более 4 тыс. человек) двигались следом за наступающими немецкими войсками и разжигали пламя «национальной революции» в каждом занятом городе и селе, т.е. по заранее составленным местными активистами спискам хватали (слово «арестовать» тут будет неуместным) и убивали реальных и потенциальных противников «нового порядка», создавали структуры местного управления, подбирали кадры будущих бургомистров и старост, организовывали «вспомогательную полицию» (Hilfspolizei, или, как прозвали их в народе, «полицай»). На улицах украинских городов исправно развешивались призывы: *«Ляхів, жидів, комуністів знищуй без милосердя, не жалій ворогів Української Національної Революції!»*

1 августа 1941 г. немецкие оккупанты нанесли сокрушительный (и оскорбительный к тому же) удар по амбициям украинских националистов — их родная Галичина была возвращена в Польшу, т.е. официально включена в состав «Генерал-губернаторства» (в ознаменование этого события на бумажных оккупационных «злотых» появились даже изображения львовских замков и костелов). Месяцем позже обширные районы юга Украины в междуречье Днестра и Южного Буга (т.е. часть Одесской, Винницкой и Николаевской областей) вместе с Северной Буковиной были переданы в распоряжение Румынии. В созданный 20 августа 1941 г. «рейхскомиссариат Украина» была включена лишь часть Правобережья (территория к востоку от Днепра считалась

тыловым районом действующей армии и подчинялась военной администрации). Теперь уже даже слепому стало видно — как относятся в Берлине к планам создания «независимой соборной Украины от Карпат до Каспия», однако *співпраця* бандеровцев с гитлеровскими захватчиками успешно продолжалась до 15 сентября 41-го года.

Разрыв был вызван все той же безудержной *жадобою панування*, терзавшей душу бандеровцев. Воплощая в жизнь заветы Д. Донцова («*експансія — не тільки самоутвердження власної (своей) волі до життя, а й заперечення її (неприятие её) в інших*»), они начали систематический отстрел своих соратников-конкурентов из группировки А. Мельника. Минимальные цифры, которые называют в своих исследованиях специалисты, — это десятки активистов ОУН(м), убитых бандеровскими боевиками летом 41-го года (есть и гораздо более высокие оценки масштаба террора). Немецкая армия успешно продвигалась к Киеву, фронт Красной Армии трещал и рушился, победа над «москалями» казалась близкой и неизбежной, и в такой ситуации бандеровцы не хотели делиться с давно уже надоевшими им «мельниковцами» даже малым клочком шкуры русского медведя.

30 августа 1941 г. в Житомире были убиты Емельян Сеняк и Мыкола Сцыборский — известные и очень влиятельные ветераны ОУН, входившие в «ближний круг» А. Мельника. На этом теракте мера терпения немцев переполнилась. И не то чтобы убитые были им дороги как память о потраченных на ОУН(м) миллионах марок, но этим актом произвола бандеровцы — вероятно, сами того не желая, — нарушили важнейший принцип, на котором держались и держатся любые диктатуры. Иван Грозный, помнится, сформулировал его так: «А миловать своих холопей мы вольны, и казнить их

вольны же мы». Пять веков спустя Герман Геринг, спуская с лестницы сотрудников гестапо, пришедших арестовать кого-то из не вполне «арийских» офицеров штаба люфтваффе, выразил ту же мысль словами: «У себя в штабе я решаю, кто тут еврей, а кто — нет».

Посягнув на право Хозяина единолично казнить и миловать, бандеровцы окончательно укрепили немцев во мнении, которое еще год назад высказал в своей докладной записке полковник абвера Э. Штольце: *«Если Мельник — спокойный интеллигентный чиновник, то Бандера — карьерист, фанатик и бандит»*. Поскольку у немцев были очень серьезные намерения насчет эксплуатации сырьевых, людских и промышленных ресурсов Украины, а для этого на оккупированной территории должен был быть установлен настоящий немецкий «орднунг», то и удивляться тому, что они сделали выбор в пользу «спокойного чиновника», не приходится.

Правды ради надо отметить, что все тот же Штольце, доживший до скамьи подсудимых Нюрнбергского процесса, дал показания, из которых следует, что убийство Сенька и Сцыборского не было единственной причиной возмущения немцев: *«Аресту послужил тот факт, что, получив в 1940 г. от абвера большую сумму денег для финансирования оуновского подполья и организации разведывательной деятельности против СССР, он (Бандера) пытался присвоить их и перевел в один из швейцарских банков»*. Впрочем, история эта темная — деньги Бандера вроде бы вернул, а Штольце в Нюрнберге, возможно, клеветал на лидера ОУН, выгораживая себя.

Как бы то ни было, но 13 сентября 1941 г. сам начальник Имперского управления безопасности (РСХА) обергруппенфюрер СС Гейдрих издал приказ «Мероприятия против группы Бандеры». Подчиненным Гейдриха было поручено:

«Арестовать всех играющих какую-либо роль в движении Бандеры руководителей по подозрению в содействии убийству представителей движения Мельника. Чтобы обеспечить полный успех, провести аресты в пределах государства, в генерал-губернаторстве и в районе операций одновременно, а именно в понедельник 15 сентября 1941 года утром. Прежде всего должны быть арестованы (далее идет список из 39 фамилий, включая С. Бандеру, Я. Стецко, М. Лебеда)... Тех приверженцев Бандеры, которые здесь не упомянуты, но о которых в процессе следствия выяснится, что они занимали важные посты в движении Бандеры, также арестовывать. Имена и данные о личности каждого арестованного прошу без промедления сообщить мне, указав, какую роль они играли в движении Бандеры и принимали ли непосредственное участие в убийстве приверженцев Мельника... Для расследования убийств представителей движения Мельника создается комиссия, которая будет находиться во Львове... О поступающем и касающемся убийства материале комиссию тотчас же ставить в известность...»

Хорошо отлаженная машина репрессий лязгнула и заработала с присущей ей энергией. В течение 2—3 дней было арестовано порядка 500 человек, несколько десятков расстреляли сразу же после задержания. Бандера, Стецко, Ленкавский, Ребет, Стахив и многие другие руководители ОУН(б) были отправлены в концлагерь Заксенхаузен; тот самый, печально знаменитый «лагерь смерти», над воротами которого красовалась издевательская надпись «Работа делает свободным».

Если для советских пропагандистов вся история Бандеры и бандеровщины сводилась к немецким деньгам в кассе ОУН и немецкой форме на бойцах батальона «Нахтигаль», то для апологетов украинского национализма любимой темой является «Бандера в Заксенхаузе-

не». Еще бы, «нужны ли дополнительные доказательства того, что ОУН беззаветно боролась против немецких оккупантов, если руководители организации томились в фашистском концлагере!»

Нужны. Прежде всего потому, что, принимая во внимание известную жестокость немецкого оккупационного режима, очень странной выглядит ситуация, когда арестованные «вожди вооруженного сопротивления» не гибнут в пыточном подвале или на виселице, а долго «томятся в застенках», после чего выходят на свободу в целостности и сохранности, не потеряв ни одного волоска на голове. Во-вторых, репрессии и сопротивление далеко не всегда связаны между собой — особенно в условиях тоталитарной диктатуры. На территории Украины (с учетом ее западной, бывшей польской, части) гитлеровские фашисты уничтожили 1,5 млн евреев, включая стариков и грудных младенцев, заведомо не представлявших малейшей угрозы для оккупационного режима. И тем не менее их репрессировали, и не просто репрессировали, а убили. В годы Большого Террора 1937—1938 гг. на Украине от рук другой, красной диктатуры, погибли сотни тысяч человек, абсолютное большинство которых ни о какой борьбе против сталинской тирании и не помышляло. Наконец, самое время вспомнить — в каком именно Заксенхаузене томился Бандера?

Арестованные ОУНовцы были помещены в специальном отделении «Целленбау», в котором содержались ВИП-персоны со всей Европы. Бандеровцы оказались в одной компании с бывшим канцлером Австрии Шушнинггом, сыном маршала Италии Бадольо, сыном Сталина Яковом Джугашвили, лидером германской компартии Эрнстом Тельманом, бывшими премьер-министрами Франции Полем Рейно и Эдуардом Деладье, министром обороны Латвии генералом Дамбити-

сом и пр. Скажем честно, в мирной жизни к политикам такого уровня Бандеру не пустили бы и на порог. Заключенные находились под защитой международного Красного Креста, получали письма и посылки, могли иметь небольшие суммы наличных денег, свободно перемещаться по лагерю, встречаться друг с другом. Ни о какой работе в шахтах и каменоломнях не могло быть и речи. Фактически, они находились на положении интернированных, а отнюдь не узников «лагеря смерти».

Разумеется, у себя дома и на свободе еще лучше, но как бы то ни было, в октябре 1944 г. лидеры ОУН (к тому времени там уже находились и «мельниковцы» во главе с самим Андреем Мельником!) вышли из «Целленбау» в добром здравии. Бандера после освобождения был удостоен личной встречи с рейхсфюрером СС Гимлером (правда, ряд авторов отрицают этот факт, сообщая что все ограничилось приемом у бригаденфюрера СС Бергера), после чего все (и Бандера, и Мельник, и извлеченный из нафталина гетман Скоропадский) отправились на конспиративную дачу гестапо, где приступили к формированию очередного «украинского национального комитета»...

Вернемся, однако, к событиям осени 1941 года. Что происходило с ОУН(б) после ареста ее руководителей? Националистические историографы дают на это единодушный ответ: «Организации ушла в подполье». Допустим, но в таком случае надо признать, что это было самое удивительное подполье в истории. Ни взорванных мостов, ни пущенных под откос поездов, ни дерзких нападений на счету этого «подполья» не обнаруживается — поверить трудно, что им руководили те самые люди, которые в начале 30-х годов своими терактами держали в нервном напряжении всю Галичину. При этом сформированная с непосредственным участием

ОУН и укомплектованная в значительной степени бандеровскими активистами «вспомогательная (вспомогательная по отношению к немецкими оккупационным властям!) полиция» продолжала лютовать на оккупированной территории Украины; исправно сотрудничала с оккупантами и местная администрация городов и сел, созданная «походными группами» ОУН. Где и когда была еще в истории ситуация, когда одна половина организации «борется в подполье», а другая — служит в полиции и зверски расправляется с реальными подпольщиками и партизанами?

В начале октября 1941 г. ОУН(б) под руководством М. Лебеда провела (на оккупированной, заметьте, территории!) свою Первую Конференцию. Как утверждают современные украинские историки: *«На ней были четко сформулированы политические цели и подчеркивалась необходимость публиковать материалы, которые бы воспитывали население в духе политической сознательности, раскрывали немецкие планы эксплуатации и колонизации Украины. Эту пропаганду рассматривали как подготовительный этап для активной борьбы»*. К этому остается добавить, что кроме «воспитания в духе сознательности» конференция поставила задачу активнее привлекать *свидомую* (сознательную) молодежь к службе в «полицах». Наверное, для того, чтобы она на собственном примере «раскрыла немецкие планы эксплуатации и колонизации Украины».

Шел месяц за месяцем, началась и закончилась зима 41—42 гг., немцы дошли до стен Москвы и были от нее отброшены, в мировую войну вступили США, захлебнулась в крови Ржевская наступательная операция Красной Армии, а бандеровские «подпольщики» все еще собирались с силами. В апреле 1942 г. ОУН(б) провела Вторую Конференцию — с аналогичными в плане

«активной борьбы» результатами. *«В своей деятельности подпольные организации ОУН упор делали на пропаганду идей самостоятельности Украины... Действий, которые бы наносили немцам серьезный экономический или военный ущерб, подполье ОУН не осуществляло».* Уже «теплее». Осталось только уточнить — а были ли действия, которые нанесли немцам хотя бы несерьезный военный ущерб? Да и могли ли они быть, если — как признают даже самые горячие сторонники бандеровщины — Микола Лебедь *«більше шукав (искал) ворогів серед оточення (своего окружения), ніж організовував опір німцям... Він не хотів чути (слышать не хотел) про організацію партизанських загонів (отрядов) — як писав у одному зверненні (обращение) «Не можна розпорошувати (распылять) сили на партизанку».*

В июне 1942 г. руководство ОУН(б) выпустило специальную листовку, в которой украинцев призывали не поддаваться на «советско-польскую диверсию», т.е. не оказывать никакой поддержки партизанам. Тот же призыв (приказ) был повторен в конце года в листовке под названием «Партизаны и наше отношение к ним» (хранящийся в украинском госархиве документ прошел два перевода — с украинского на немецкий и с немецкого на русский, поэтому о дословной точности текста говорить нельзя). В ней, в частности, было сказано: *«Мы враждебно относимся к партизанам и поэтому уничтожаем их. Наше время еще не пришло. Оно должно застать нас объединенными под знаменами ОУН (т.е. под мудрым руководством авторов листовки. — М.С.)... Наша цель — не партизанская борьба, а национальная освободительная революция украинских масс...»*

Если кто и вел в тот момент реальную вооруженную борьбу, так это будущий «командир Армии Непокоренных», будущий глава «Генерального секретариата» УГВР Роман Шухевич.

13 августа 1941 г. батальон «Нахтигаль» был снят с фронта и 27 августа возвращен в Германию, в учебно-тренировочный лагерь в г. Нойхаммер. Туда же вскоре прибыл с юга Украины и батальон «Роланд». Обе части («дружины украинских националистов», как их еще называют в исторической литературе) были расформированы, а личный состав (включая командиров) был 21 октября 1941 г. обращен на формирование вполне стандартного, на этот раз — уже безо всяких *жовто-блакитных* нашивок на рукаве, батальона охранной полиции («шуцманшафтсбатальон»). Командиром батальона был назначен Е. Побигущий, Р. Шухевич стал командиром одной из рот в звании гауптмана (капитана) вермахта.

В течение нескольких месяцев батальон проходил боевую подготовку, после чего в конце марта 1942 прибыл в Белоруссию, где был оперативно подчинен 201-й охранной дивизии. Вплоть до декабря 1942 г. батальон вел боевые действия по охране тылового района 3-й танковой армии вермахта совместно с карательными частями СС под общим руководством известного военного преступника, обергруппенфюрера СС фон Бах-Зелевски. Стоит отметить, что действие происходило в районе Лепель — Витебск, т.е. в той части Белоруссии, которую даже самые ярые националисты не рискуют занести в разряд «этнических украинских земель». Что же делали «борцы за самостийную Украину» в лесах Белоруссии? «Охраняли мосты», — отвечают, потупив очи долу, нынешние адвокаты галичанских фашистов. Увы, это мнение не совпадает с тем, что пишет в своих мемуарах («*Мозаїка моїх споминів*») сам Побигущий: «*Безумовно, що були часті бої проти партизан, перешукування лісів (прочесывание лесов), напади на їх місця постою... Курінь (батальон) виконав (выполнял) добре своє завдан-*

ня, як це говорив фон Бах, ствердивши, що з усіх 9 куренів, що охороняли середнє запілля Східного (оперативный тыл Восточного) фронту, — наш курінь виконав найкраще завдання...»

Коль скоро найти в событиях 41—42 гг. следы антифашистского сопротивления бандеровского подполья не удастся (а очень хочется!), то сегодняшние пропагандисты украинского национализма решили воспользоваться наработанным опытом пропагандистов советских (*«где мерилом работы считают усталость»*).

Как известно, одним из краеугольных камней советской мифологии войны является представление о том, что «вклад в разгром врага» измеряется не потерями противника, а собственными жертвами. Соответственно, для обоснования тезиса о «подпольной борьбе ОУН против гитлеровских оккупантов» нужно найти арестованных (а еще лучше — расстрелянных) националистов. Как верно заметил К. Панкивский (в годы войны — глава коллаборационистского Украинского Краевого комитета во Львове), *«кожен бажає (желает) показати, яким то він був завжди противником німців та ворогом Гітлера, як то він ніколи не мав ніяких зв'язків із німцями. А навпаки, (более того) яка була його роля у спротиві проти німців, як то його переслідували і в'язнили (держали в тюрмах), та як то він чудом пережив роки німецької окупації...»*.

Знакомьтесь, вот один из «противников німців та ворогов Гітлера», который лишь «чудом пережив роки німецької окупації». Орест Сидорович Масикевич родился 9 августа 1911 г. на Буковине; поэт, музыкант, журналист. Как пишет про него аспирантка Черновицкого университета (фамилию называть не буду, девушка молодая, бог даст — выучится), *«в конце июня 1941 г. Орест Масикевич с группой студентов-патриотов прибывает в*

г. Николаев. Не заботясь о своей безопасности, эта группа организовывает пропагандистские антинемецкие акции. На одной из таких акций Орест заявил: «Немцы пришли для того, чтобы сделать из нашей Украины немецкую колонию. Но это им не удастся, они проиграют войну!».

Ох... Если бы будущий кандидат исторических наук открыл какой-нибудь учебник истории, то без труда обнаружил бы, что не только в конце июня, но даже и в конце июля 41-го о том, что «враг будет разбит, победа будет за нами», в Николаеве можно было кричать совершенно невозбранно — город был занят немцами только 16 августа. Впрочем, стоит ли корить юную аспирантку, если в рекомендованной Министерством просвещения и науки Украины в качестве учебного пособия для студентов вузов книге «История ОУН-УПА. События, факты, документы, комментарии» читаем: «*Бургомистром Николаева был избран поэт Орест Масикевич. Активная украинизация раздражала фашистов, которые прибегли к репрессивным мерам. Масикевича арестовали и приговорили к расстрелу. Многие его соратники тоже заплатили жизнью*».

Группа «студентов-патриотов», во главе которой Масикевич прибыл в Николаев, — это «походная группа» ОУН(м), получившая название «ПУМА» по первым буквам фамилий командиров: лейтенанта абвера Пулюя и сотника «буковинского куреня» Масикевича. 23 августа немецкий военный комендант назначил (разумеется, ни о каких «выборах» не могло быть и речи) Масикевича бургомистром г. Николаев. В этой должности он пробыл ровно четыре месяца, за которые успел подписать три сотни приказов и распоряжений, многие из которых заканчивались словами «подлежит расстрелу».

Работа у бургомистра кипела и спорилась, еврейское население было поголовно уничтожено, в ноя-

бре первые 8 тыс. «остарбайтеров» были направлены на принудительную работу в Германию. В приказе по «Министерству восточных территорий» А. Розенберга Масикевич был отмечен как «самый молодой и самый перспективный бургомистр рейхскомиссариата «Украина». И вдруг 24 декабря Масикевича арестовывает гестапо. В тот же день были арестованы бургомистры Житомира и Киева. За что? Как установили Владимир Гинда и Сергей Гаврилов (материалы статьи которого использованы здесь) — за безудержное взяточничество. Продавалось все: ордера на «освободившиеся» после ареста хозяев квартиры, освобождения от угона на работу в Германию, сведения о грядущих облавах на рынках города, рейхсмарки... Немцы же пытались установить на оккупированной территории «орднунг», а не базар по распродаже того, что они уже считали «собственностью рейха».

Впрочем, ничего страшного с Масикевичем не произошло. Вместо расстрела его уже через несколько месяцев освободили из тюрьмы (не пустила ли коррупция свои щупальца и туда?). После того Масикевич уехал в Бухарест, где его в октябре 1945 г. нашла длинная рука советского правосудия. Отсидев «десятку от звонка до звонка», бывший бургомистр вернулся в Румынию, где мирно дожил до 1980 г. Писал стихи, переводил на румынский язык И. Франко и П. Тычину...

Эта, вполне трагифарсовая, история дает наглядный пример того, как лепятся новые мифы. Да, действительно, ОУН (как бандеровская, так и мельниковская) имела самое прямое отношение к формированию подконтрольной немцам местной администрации и вспомогательной полиции на Украине. Десятки тысяч пособников оккупантов совершили тягчайшие преступления, однако при любом упоминании о них апологеты

бандеровщины делают квадратные от возмущения глаза: «Как вы смеете! Какое отношение имеет героическая ОУН к презренным «полицаям?» Но лишь только среди тысячи коллаборантов обнаружится один, репрессированный немцами, как его немедленно зачисляют в мартиролог «подпольщиков ОУН, погибших в борьбе против нацистов».

Разумеется, я вовсе не призываю мазать всех одним дегтем. Не всякий бургомистр или сельский староста, арестованный немцами, стал жертвой собственного мздоимства. На той страшной войне возникали самые запутанные ситуации. Кого-то принудили к «двойной игре» настоящие подпольщики, принудили угрозой смерти и расправы с семьей — да, время было такое, и с «семьей изменника Родины» никто не церемонился. Кого-то преднамеренно дискредитировали в глазах немцев — это могли сделать или конкуренты, желающие занять «хлебное место», или советские подпольщики. Наконец, были — и отнюдь не в единичном числе — случаи искреннего раскаяния, искреннего нежелания и далее оставаться в роли соучастника злодеяний оккупантов. Люди, которые в свое время поверили агитации главарей националистов, оказались в трагической ситуации выбора между эшафотом и бесчестьем. Те, кто выбрал эшафот, несомненно, заслуживают благодарной памяти потомков, но при чем же здесь Бандера и Мельник?

Закончился 1942 год, начался 1943; на южном фланге Восточного фронта немецкие войска дошли до Волги и почти захватили нефтеносные месторождения Баку и Грозного, в Северной Африке почти разгромили англичан и продвигались к Суэцу; затем выяснилось, что на войне «почти» не считается — окруженная под Сталинградом стотысячная группировка вермахта была

полностью разгромлена, из аналогичной «мышеловки» на Северном Кавказе немцы едва вырвались, причем с огромными потерями, африканский корпус Роммеля капитулировал. На севере войска Красной Армии прорвали многомесячную блокаду Ленинграда и восстановили сухопутную связь с городом, на юге — развивая сталинградский успех, перешли в наступление и в феврале — марте заняли Воронеж, Харьков и Белгород. Удержать два последних пункта не удалось, но общий перелом обстановки на Восточном фронте стал уже свершившимся фактом. К весне 43-го года все здравомыслящие люди — кто с радостью и надеждой, кто со страхом и отчаянием — поняли, что в войне против коалиции трех великих держав Германию ждет неминуемое поражение.

Серьезные изменения назревали и на западе Украины. В 41—42 гг. сколь-нибудь заметного партизанского движения там не было вовсе; немногочисленные диверсионные отряды НКВД, забрасываемые с воздуха на парашютах или проникавшие на Волынь через безбрежный лесной массив белорусского Полесья, незамедлительно уничтожались, чаще всего — при активном содействии местного населения. Однако за 1,5—2 года оккупации украинский крестьянин потерял последние иллюзии по поводу немецкого «нового порядка», что незамедлительно отразилось и на военно-политической ситуации. Примечательно, что этот «перелом в сознании» констатируют (причем едва ли не в одних и тех же словах) по обе стороны фронта.

Так, глава «рейхскомиссариата Украина» Эрих Кох в марте 1943 г. докладывал в Берлин: *«Население полтора года послушно работало под немецким руководством и никогда не могло поверить в возвращение большевиков. Само собой разумеется, что из-за положения на фронте и*

подобных обстоятельств (имеется в виду рейд партизанского соединения под командованием М. Наумова. — М.С.) сильно выросло пассивное сопротивление населения. Вследствие военных событий деятельность банд усилилась везде и даже распространилась на безлесные южные области». А в докладной записке секретаря ЦК компартии Украины Д. Коротченко от 22 июля 1943 года читаем: «Настроение населения оккупированной территории по сравнению с 1941—1942 гг. коренным образом изменилось. Раньше часть населения рассуждала: «Нам все равно, какая будет власть. Немцы тоже люди, приспособимся и выживем». Теперь, после двух лет фашистского рабства, все население, за исключением отъявленных врагов советской власти, ждет скорейшего возвращения Красной Армии».

Для понимания хода дальнейших событий важно отметить, что ситуации на Галичине и Волыни (двух частях того, что в отечественной литературе принято объединять под общим названием «Западная Украина») существенно различалась. К различиям в истории, традиции, вероисповедании (униатская Галичина и православная Волынь) добавился и очень заметный «субъективный фактор».

Галичина, как выше уже отмечалось, была включена немцами в состав «Генерал-губернаторства» (т.е. оккупированной Польши). Генерал-губернатор Г. Франк и глава «дистрикта Галиция» О. Вехтер проводили там традиционную для бывшей Австро-Венгрии политику поддержки украинцев в противовес полякам; кроме того, сам Вехтер был склонен проводить достаточно гибкую линию в стиле «и волки сыты, и овцы целы». В этом его всецело поддерживали местные украинские коллаборационисты.

Еще в 1939 году, сразу же после разгрома Польши, в Кракове был создан т.н. «Украинский центральный

комитет» (УЦК), во главе которого стал профессор В. Кубийович. После оккупации Галичины немецкими войсками комитет переместился во Львов, там же было создано его структурное подразделение УКК (украинский краевой комитет во главе с К. Панкивским). В Галичине издавались десятки украинских газет, работали школы и училища, больницы и театры. Для населения — за исключением поголовно уничтоженных евреев — приход немцев означал возвращение к понятным и с детства привычным порядкам «австро-угорщины». Примечательная деталь — завербованные (и не всегда добровольно) для работы в Германии галичане имели на одежде знак «У» (украинец) и гораздо более мягкий режим содержания, нежели остарбайтеры из «рейхскомиссариата».

Волынь, включенная в состав «рейхскомиссариата Украина», оказалась отданной на растерзание нацистскому изуверу Эриху Коху, которого все без исключения («правые» и «левые», советские и антисоветские) историки с редким единодушием называют «палач Украины». В короткий срок Э. Кох ухитрился не только восстановить против немецких властей местное население, но и сорвать выполнение «экономических заданий», что стало причиной следующего витка репрессий по отношению к ограбленному «до нитки» украинскому крестьянину и т.д., вплоть до полного разорения края. К этому остается добавить тот факт, что значительная часть Волыни (особенно ее северо-восточная часть, украинское Полесье) покрыта непроходимыми лесами, самой природой созданными для укрытия партизанских отрядов.

Через эти дремучие леса, почти строго с запада на восток, тянулись две ветки магистральных железных дорог: Варшава — Брест — Пинск и Люблин — Ко-

вель — Сарны. Еще одна магистраль проходила южнее, через Галичину по линии Краков—Львов — Тернополь. Вот и все. Четвертой магистрали как не было, так и нет по сей день. На этих трех «нитках» висело снабжение всего южного фланга немецкого Восточного фронта. Каждый снаряд, каждый патрон, каждый литр бензина, израсходованный немецкой армией в сражениях под Сталинградом, Харьковом, Орлом и Курском, должен был пройти через эти три точки: Брест, Ковель, Львов. С учетом того, что районы Южной Белоруссии с Брестом и Пинском входили тогда в состав «рейхскомиссариата Украина», становится понятно, что партизанская активность на Волыни представляла для немцев не мелкую «неприятность районного масштаба», а стратегическую угрозу.

Технологии войны середины 20 века базировались на расходовании колоссального количества боеприпасов — количеством пытались возместить низкую точность систем управления огнем. Так, для подавления всех огневых средств пехотной (стрелковой) дивизии противника по щедрым советским нормам завершающего периода войны считалось необходимым израсходовать 50 тыс. снарядов к 122-мм гаубице. С учетом веса артвыстрела и снарядных ящиков это весит более 2,5 тыс. тонн! И это на одну вражескую дивизию... За 50 дней Курской битвы Красная Армия израсходовала 14 млн мин и снарядов всех калибров. А кроме того, фронту нужен был бензин, запчасти для ремонта техники, продовольствие и фураж, медикаменты; с фронта в тыл необходимо было вывозить раненых, в периоды крупных наступательных операций — до 20 тысяч в день. Даже у экономных немцев Восточный фронт требовал 120—150 эшелонов (не вагонов, а именно эшелонов) в день.

К сожалению, руководство советского партизанского движения далеко не сразу осознало значение борьбы на коммуникациях противника; дорогой ценой было оплачено понимание того, что эффективность партизанских действий измеряется не числом «освобожденных» на полдня деревень, а количеством пущенных под откос поездов. Как бы то ни было, но с конца 1942 г. число и результативность диверсий на железнодорожных магистралях начинает лавинообразно нарастать: если в июне 1942 г. было повреждено и уничтожено 80 локомотивов и 240 вагонов, то в сентябре 1943 года — 650 и 2250 соответственно (важно отметить, что это — немецкие данные, а не отчеты партизанских командиров!). Другими словами, осенью 43-го года под откос летело в среднем более 20 эшелонов в день.

Аналогичным образом развивались события и на Украине: если в июне 1942 г. (по данным оперативного отдела Украинского ШПД) было подорвано 22 эшелона, то в апреле 1943 — уже 116. Летом — осенью 1943 г., т.е. в разгар Курской битвы, одно только партизанское соединение под командованием А.Ф. Федорова в ходе операции «Ковельский узел» пустило под откос 274 немецких эшелона. По советским данным, пропускная способность магистрали Ковель — Сарны была снижена в 6 раз, движение по ночам практически полностью прекращено.

Вот именно в этот момент, когда немецкие коммуникации на западе Украины впервые оказались под серьезной угрозой, руководство бандеровской ОУН решило: «Пора! Пора приступать к созданию повстанческой армии!» Причем не в Галичине, где националисты располагали наибольшими силами и влиянием, а именно на Волыни. Поближе к магистралям.

В скобках заметим, что в соответствии с Указом быв-

шего президента Украины В. Ющенко датой создания УПА следует считать 14 октября 1942 г. Это день Покрова Пресвятой Богородицы, которая по многовековой традиции считается покровителем и защитницей православного народа. Под эту дату был найден и некий эпизод боевого столкновения вооруженного отряда ОУНовцев с немцами... При всем моем уважении к чувствам верующих, такой способ датировки исторических событий немногим отличается от принятого в бывшем СССР (и ныне в России) дня создания Красной Армии, приуроченного к 23 февраля 1918 г., т.е. дню панического бегства матросов товарища Дыбенко от берегов Нарвы.

Политическое решение о необходимости создать собственные вооруженные силы (на тот момент они получили название «*Українська визвольна армія*», под названием же «Украинская повстанческая армия» в то время действовали вооруженные отряды Тараса Боровца) было принято на Третьей Конференции ОУН(б), которая состоялась 17—21 февраля 1943 г. Ядром личного состава будущей армии стали активисты ОУН, служившие во «вспомогательной полиции»; в период с 15 марта по 10 апреля 1943 г. по приказу бандеровского руководства не менее 4—5 тыс. «полицаев» организованными группами, по несколько сотен человек (что не без удивления отмечала в своих донесениях партизанская разведка), с оружием и амуницией ушли в лес.

Младший и средний командный состав был в значительной степени сформирован из бойцов шуцманшафтсбатальона под командованием Побигущего, набравшихся в Белоруссии богатого опыта борьбы против советских партизан. Как дружно уверяют нас *шанувальники* бандеровщины, «в декабре 1942 г. бойцы батальона отказались продолжать далее службу в вермахте».

Вот такой он, оказывается, хваленый немецкий «порядок» — не хочу воевать, и не буду! Вместо того чтобы расстрелять «отказников» в ближайшем овраге, немецкое командование в лице обергруппенфюрера СС фон Бах-Зелевски благодарит их за верную службу и отпускает на «вольные хлеба». Бойцы и командиры прибывают во Львов, где их «пыталось арестовать гестапо, но Побигущий и Шухевич чудом избежали ареста».

После этого чудесного спасения (ну как тут не вспомнить анекдот про «неуловимого Джо») майор вермахта Побигущий превращается в командира полка дивизии ваффен-СС «Галиция», формирование которой началось во Львове в начале марта 1943 г. (интересное совпадение дат?). Шухевич же благополучно покидает Львов, перебирается на Волынь, где становится одним из главных организаторов формирующейся бандеровской «армии» (правда, первым командующим был назначен руководитель ОУН(б) на Северо-Западных украинских землях, т.е. на Волыни и Полесье, 32-летний Дмитро Клячківський; Шухевич сменил его на этом посту лишь поздней осенью 1943 г.).

Если верить бандеровским пропагандистам, ново-рожденная армия добилась огромных успехов. *«На протяжении 1942—1944 гг. под исключительным контролем УПА находились целые районы Полесья, Волыни, Карпат, отдельные лесные массивы Галичины»*, — читаем мы в брошюре «Кто такие бандеровцы и за что они борются» (издана в подполье в 1950 г. на украинском и русском языках, автор — начальник политвоспитательного отдела Главного штаба УПА Петр Федун-«Полтава»). Если бы это было правдой, то дискуссии о том, с кем и против кого воевала УПА, можно было бы считать закрытой. Если «целые районы Полесья и Волыни» находились под контролем бандеровцев (да еще и под «ис-

ключительным контролем»!) и по этой территории два года шли с запада на восток немецкие эшелоны с боеприпасами, то роль ОУН и УПА понятна — они союзники Германии. Даже не «благожелательные нейтралы» (транзит военных грузов, да еще и во время боевых действий, несовместим с понятием нейтралитета), а именно союзники. Но поскольку «исключительный контроль» существовал лишь в иллюзиях, то вопрос о целях и задачах, поставленных перед бандеровской УПА, все еще остается открытым.

Вопрос этот действительно очень сложный, да еще и старательно запутанный многолетней пропагандистской «войной». Не дерзая разрешить его в рамках небольшой обзорной статьи, приведу лишь несколько авторитетных мнений и свидетельств.

2 августа 1943 г. Василь Макар (на тот момент — начальник бандеровской Службы безопасности на северо-западных украинских землях, т.е. крупный руководитель, непосредственно участвовавший в создании УПА) пишет своему брату Владимиру письмо, в котором так рассказывает про обстоятельства этого дела:

«...Повстанчу акцію на північно-західних і частично східних (на северо-западных и частично восточных) теренах ми мусіли почати (должны были начать) і то не було зарано (и это не было преждевременно), як дехто каже (как говорят некоторые), але виривався нам з рук. З одної сторони — почали множитись отаманчики, як Бульба-Боровець, а з другої сторони — червона партизанка почала заливати терен... Друге (Во-вторых): ще тоді, коли чи не починали повстанчої акції, німота (немчура) почала масово винищувати села... Всіх людей вистрілювала, а забудування (постройки) палили. У зв'язку з тим маса людей почала втікати (бежать) в ліси і блукати самонас. Почались грабіжі, інші пішли в комуністичну пар-

тизанку, до Бульби і т.п. Отже ми мусіли (поэтому мы должны были) організаційно охоплювати (охватить) тих людей в лісі. Оце дві засадничі (основные) причини нашої повстанської акції.

Є ще і третя, морального характеру. Почулись голоси: «Де ж той провід? Чому не дає зарядження (задание) бити німців?» і т.п.»... Тепер ми тим балакунам заткнули роти, а революцію усунули (сделали делом всего общества). Тягар (тяготы) боротьби розложили на плечі усього суспільства, хоче воно того чи ні, мусить нести його...»

Лучше и не скажешь: ситуация стала «вырваться из рук», а народные массы — «блукати самотас» или даже уходить в партизаны и бить немцев, не дожидаясь руководящих указаний от бандеровского провіда... Не последним человеком в том провіді был и получатель письма, Владимир Макар, сотрудник отдела агитации и пропаганды. Тем же летом 1943 года он пишет статью, в которой описывает сложившуюся на Волини ситуацію:

«До початку (до начала) 1943 року переслідувані німецькими окупантами українці, яким грозила смерть на місці або на каторзі в «райху», були приневолені здебільша (главным образом) шукати (искать) пристанища в рядах червоних партизан, хоч бачили їхню ворожу поставу (враждебное отношение) до самостійницьких змагань (устремлений) України... Більшовицька партизанка вже в 1942 році опанувала всеціло Полісся і північну лісову смугу (северную лесную полосу) Волині... Перші організовані виступи відділів (отрядов) УПА припадають на лютий — березнь (февраль—март) 1943 року. Штабові УПА йшло передусім про здобуття (штабу УПА прежде всего необходимо было предусмотреть овладение) добрих стратегічних позицій для розгорнення дальших плянових акцій. Ці найкращі позиції на ПЗУЗ (Волинь и Полесье)

були в руках червоних партизан. Їх передусім треба було здобути. Так прийшло до перших боїв УПА з червоними партизанами...»

Можете не сомневаться — за «первыми боями» последовали все новые и новые. В донесениях, сводках, отчетах и мемуарах партизанских командиров эта тема — бои против вооруженных отрядов украинских националистов — присутствует постоянно.

«Отряд им. Хрущева 14 июня отправлял на аэродром раненых. В лесах возли Ракитно (100 км северо-восточнее Ровно. — М.С.) на сопровождающих 130 партизан напало до 600 бандеровцев. Два с половиной часа вели ожесточенный бой, сходились чуть ли не врукопашную... Националисты крепко дерутся. Они отступили лишь тогда, когда понесли большие потери — около 40 убитыми и до 150 ранеными...»

8 июля, командир отряда им. Сталина (соединение А. Федорова) Г. Балицкий:

«Вчера наткнулись на вражеский отряд 300 человек, вооружены пулеметами, автоматами и минометами. Обстановка хреновая, но настроение бодрое... В свое время каждый куст был для партизана крепостью, но теперь этот куст является смертью для партизан, ибо враг сейчас сидит в лесу, он хорошо знает его... Коварный враг, что и говорить. Немец не всегда идет в лес, а эта сволочь находится в лесу и в маленьких хуторах, и поэтому националистические банды далеко опаснее, чем немецкие карательные отряды...»

Он же, 7 августа, район Ковельского ж/д узла:

«Всякими способами мешают нам — партизанам — подходить к ж/д, делают везде нам засаду, этим самым не давая возможности подходить к ж/д полотну, но мы своим оружием, своим духом, волей горим и посылаем (их) на...»

Советские («красные») партизаны были самым сильным, но не единственным вооруженным противником бандеровцев. Прежде всего они нанесли сокрушительный удар по отрядам Тараса Боровца (псевдоним «Бульба»). Боровец не был «красным», его даже нельзя назвать «бледно-розовым». Атаман действовал от имени эмигрантского правительства Украинской Народной Республики (антибольшевистское, «петлюровское» правительство, контролировавшее значительную часть Украины в 1918—1920 гг.) и ее «президента» Андрея Левицкого. Еще в конце 1932 г. Боровец создал на Полесье подпольную организацию под названием «Украинское Национальное Возрождение»; организация была малочисленной, а ее руководитель в конце концов попал в Березу-Картузску. Военное поражение Польши освободило узников концлагеря, в числе которых был и Боровец; в августе 1940 г. он нелегально перешел границу теперь уже советской Украины и приступил к формированию структур будущей Украинской Повстанческой армии.

В написанной после войны, в Канаде, книге воспоминаний («*Армія без держави*») Боровец описывает первые дни советско-германской войны в таком стиле:

«Часть фронтовых чекистов и комиссаров, если их не одолел и не перестрелял советский солдат, к своему счастью, на автомобилях и награбленных конях день и ночь бегут лесами и болотами на восток. За ними лезет туча местных энкавэдэшников, милиционеров, секретарей и глав всех районов, обкомов, которые до этого, как мошки и пиявки, точили живую кровь из нашего народа...»

Боровец не просто наблюдал за этими событиями, созданные им вооруженные отряды приняли в них активное участие — обстреливали отступающие подразделения Красной Армии, уничтожали диверсионные

группы НКВД, создавали органы местного самоуправления. По согласованию с командованием вермахта Боровец создал в районе Сарны — Олевск (северо-восток Волыни) нечто вроде «антипартизанской республики». Одним словом, для бандеровцев он должен был бы быть «вполне своим», и он стремился к объединению сил с ОУН, ездил на переговоры во Львов, но непреодолимым препятствием стало нежелание Лебеда и К^о делиться с кем бы то ни было хотя бы крохами «влады».

К весне 1943 г. в отрядах Боровца (они же УПА, они же «Полесская Сечь») было порядка 5—6 тыс. человек. Это была серьезная сила, и бандеровцы отнеслись к ней очень серьезно. Создав значительное численное преимущество (к лету 1943 г. бандеровская «армия» насчитывала порядка 20—30 тыс. человек), усиленное превосходством в вооружении и военной подготовке командного состава, бандеровцы предъявили Боровцу ультиматум: сдать все, сдать название («украинская повстанческая армия»), оружие, личный состав. Напрасно атаман пытался воззвать к совести *засліплених тоталітаристів*, напрасно («Открытое письмо» от 4 августа 1943 г.) засыпал их потоком риторических вопросов (*«З цих категоричних поглядів дозволю собі запитати Вас: за що Ви боретесь? За Україну чи за ОУН? За українську державу чи за диктатуру в цій державі? За український народ, чи тільки за свою партію?»*); напрасно взывал к задавленному террором населению (*«Трудящі України!.. Якщо бандерівські фашисти починають кидати в народ демократичні лозунги і говорять, що вони також боряться за єдність і за повну свободу трудящих, то ж чому вони цю єдність розбивають прагненням (стремлением) встановити безконтрольну диктатуру...»*).

Один за другим отряды «Полесской Сечи» окружались и уничтожались — командиров передавали для

«дознания» в руки Службы безопасности, рядовых повстанцев разоружали и предлагали добровольно вступить в бандеровскую УПА. Не желающих вступать добровольно расстреливали на месте. Вступившие «добровольно» оставались под постоянным наблюдением СБ и уничтожались при малейшем подозрении или же просто в рамках очередной кампании «чистки рядов». 19 августа 1943 г. боевики бандеровской СБ атаковали штаб «Полесской Сечи», где захватили в плен жену атамана, которую в ходе допроса замучили до смерти. Руководство ОУН(б) в специальном сообщении даже разъяснило, что Анна Боровец *«була польським шпигуном (шпионом) серед українців»*, за что и была *«засуджена ревтрибуналом»*...

При такой занятости оставались ли у бандеровцев время и силы для борьбы против немцев? Станный вопрос, не правда ли? Кто же не помнит знаменитую строчку из дневника комиссара Руднева: *«Националисты наши враги, но они бьют немцев»*. Ее цитировали тысячу и один раз; еще бы — сам комиссар легендарного Ковпака (и вроде бы даже еврей) признает... Ну что ж, звиняйте, панове, не я начинал разговор про дневник Руднева.

Указанная выше строка в дневнике есть. Вот эта запись от 24 июня 1943 года:

«...За эти дни, а особенно за последний день, нервы настолько напряжены, что я вторые сутки почти ничего не кушаю. Так как здесь такое политическое переплетение, что нужно крепко думать. Убить — это очень простая вещь; но надо сделать, чтобы избежать этого. Националисты наши враги, но они бьют немцев...»

Ни я, ни большинство моих читателей «настоящего пороха не нюхали». Спасибо судьбе. Но в турпоходе, надеюсь, случалось бывать каждому, посеми каждый

может оценить сам — до какой же степени нервного и физического стресса должен дойти человек, чтобы в лесу, «на свежем воздухе», кусок в горло не шел... В таком состоянии чего только не померещится... Судя по дневнику, в дальнейшем такой срыв у комиссара не повторялся, а вот упоминания про «националистов» идут одно за другим.

Запись от 30 июня:

«...Надоела эта комедия с этой сволочью. Собрался всякий националистический сброд, разбить их нет никакого труда, но это будет на руку немцам, и противопоставим против себя западных украинцев. Среди них только верхушка идейно сильна, а основная масса — это слепое оружие в руках националистических прохвостов. При первом ударе все это разлетится...»

Запись от 2 июля:

«...В наши руки попал ряд ценных националистических документов, которые показывают полное слияние немецких фашистов с украинскими националистами. Есть письмо Мельника, одного из националистических руководителей к германским властям [с просьбой] о помощи им оружием для борьбы с Москвией... Нет никакого сомнения, что верхушка националистов обманывает рядовую массу в том, что они ведут борьбу против немцев, а на самом деле они ведут вместе с немцами и при их поддержке борьбу против советской власти...»

Запись от 5 июля:

«...Костяком и основой повстанческой Украинской армии являются полицейские западных областей. После занятия немцами западных областей Украины кулаки и репрессированные элементы пошли в полицию, которая грабила и убивала еврейские семьи, и этим грабежом жили, а когда немцы посадили их на паек, вся эта черносотенная сволочь, которой руководили националисты, забрала дан-

ное немцами оружие и ушла в леса. Здесь они объединялись по сотням и первой своей задачей поставили объявить беспощадную резню всему польскому населению. Началась страшная резня, целые села, районы, польское население самым зверским образом убивалось, причем зверски мучили и убивали детей, женщин и стариков, а все постройки предавали огню. Несомненно, что немецкая охранка здесь в этой национальной резне [сыграла] главную роль...»

Запись в дневнике Руднева от 5 июля 1943 года — это сделанное по горячим следам (увы, в данном случае расхожее выражение приобретает очень мрачный подтекст) свидетельство о самом главном, самом масштабном действии, совершенном бандеровской УПА и СБ. Не случайно, что факт совершения этого тягчайшего преступления (а по действующим нормам международного права преступления геноцида не имеют срока давности) с неподдельной яростью отрицался и отрицается апологетами бандеровщины. Точнее говоря, сам факт массовых убийств польского населения на Волыни никто уже не отрицает. Практически не осталось места и для дискуссии о масштабе резни — 60 тыс убитых насчитывается только на Волыни (не считая Галичину, где, правда, резня началась позднее и проходила с меньшим размахом), и это только в тех населенных пунктах, по которым польским исследователям удалось составить конкретные списки погибших; понятно, что общее число жертв значительно выше. Предметом яростной дискуссии являются причины произошедшего и роль во всем этом руководства ОУН(б).

У самых *безсоромных* авторов резня называется «вооруженные столкновения между отрядами УПА и Армии Крайовой». Вот такая она, оказывается, польская партизанская армия, на три четверти состоявшая из женщин и детей... Или: «поляки начали первыми».

Остается спросить — зачем? Перед началом войны, в 1939 г., на Волыни (по оценкам разных авторов) поляки составляли никак не более 15—18% населения, причем большая их часть была сосредоточена в городах; село же было преимущественно украинским. После аннексии этих территорий Советским Союзом значительная часть польского населения была депортирована в Сибирь и Северный Казахстан; в частности, практически поголовно были высланы (если не арестованы как «шпионы и враги советской власти») так называемые «осадники» — польские крестьяне, которым власти 2-й Речи Посполитой предоставляли лучшие земли на *кресах восточных* («восточных окраинах»). К моменту начала второй, гитлеровской оккупации Волыни поляки составляли не более 7—8% сельского населения, распыленного среди моря украинских сел и хуторов. Причем остались именно те, кто жил на этих землях бок о бок с украинцами сотни лет. И вот они-то в припадке массового сумасшествия начали резать десятикратно превосходящих их в численности украинских соседей?

Последний «рубеж обороны» адвокатов бандеровщины выглядит так: *«Террор развивался стихийно и массово как реакция на двадцатилетие унижений и насилия со стороны польских властей... Руководство ООН и командование УПА некоторое время просто закрывали глаза на то, что творится»*. Просто закрывали глаза. От стыда, надо полагать...

Прежде чем перейти к цитированию документов, обратимся к фрагменту из книги «Горькая правда», написанной в Канаде украинским историком Виктором Полищуком. Автор родился и вырос на Волыни, в крестьянской семье; жизнь, порядки и обычаи этого глухого, бедного края видел он своими глазами:

«Я, як і мої сестри, виховувався (воспитывался) в українській патріотичній родині (семье), яка, однак, не мала нічого спільного (общего) зі зневагою (презрением) до поляків чи євреїв. Найближчим нашим сусідом був єврей Гершко, з котрим батько й мати розмовляли виключно по-українськи, так само, як і ми, діти, з його дітьми. Ніколи між нами не було сварки, а на єврейську пасху сусід давав нам мацу.

В нашому містечку не було української школи, отже я ходив до польської, а читати й писати по-українськи навчив мене батько. Закінчивши 1939 року сім (семь) класів, я склав екзамен до комерційної гімназії в нашому місті, проте (однако) війна й арешт батька 17 вересня (сентября) 1939 року більшовиками перекреслили плани мого дальшого тоді навчання (обучения). Всі канікули ми, діти, проводили на селі, в діда й баби. Ні від них, ні від будь-кого в селі тоді я ніколи не чув поганого слова на адресу поляків чи євреїв. Село було однонаціональне, українське, спокійне, працююче (работающее). Характерно, що ніколи, ні влітку, ні під час різдвяних чи великодніх свят (ни летом, ни на Рождество или Пасху) я не бачив там пхяної людини. В моїх діда й баби на рік (в год) ішло не більш, як півлітри горілки: по малій чарці випивали дідуньо, мій батько й дядько Іван. Хати не мали замків (не имели замков), двері замикали кілочком (палочкой), що мало означати, що нікого вдома немає. Про крадіжки ніхто не чув (про воровство никто и не слышал)...»

То же самое можем мы прочитать и в великом множестве других воспоминаний; те, кто постарше, мог слышать это и от своих родителей. Именно так и жили: работали от рассвета до заката, по великим праздникам выпивали по малій чарці самогонки, двери запирали палочкой. Теперь нас хотят убедить в том, что эти люди так сильно обиделись на польскую власть, что через четыре

года после разгрома и исчезновения 2-й Речи Посполитой «стихийно и массово» пошли резать, рубить топорами, колоть штыками, пилить пилами своих польских соседей? Причем произошел этот «стихийный взрыв народного возмущения» именно там и именно тогда, где и когда появились вооруженные отряды УПА. При этом во всех остальных регионах Украины ни массовых, ни даже единичных случаев антипольских выступлений не было и в помине, а в Галичине резня началась примерно полгода спустя и, опять же, «совпала» по времени с организацией вооруженных отрядов украинских националистов (УПА и УНС). И это называется «стихийность»?

Тотальная этническая чистка (*«повне усунення всіх займанців з українських земель»*) была запрограммирована «отцами-основателями» ОУН еще в 1929 году. В 1943 появился наконец инструмент (УПА), при помощи которого можно было это усунення начать. О какой же «стихийности» можно тут говорить? Так никто (никто из тех, кто был лично знаком с ситуацией) про «стихийность» и не говорит. Мыкола Лебедь (благополучно избежавший наказания и перебравшийся за океан) в своих мемуарах с гордостью (!) пишет: *«Поляки, що одержали наказ (получили приказ) опустити (покинуть, очистить) терен, здебільшого добровільно (по большей части добровольно) той наказ виконали (исполнили); їхнє нерухоме майно (недвижимое имущество) перейшло у власність (собственность) українського народу»*.

Сохранившийся в украинском госархиве документ позволяет уточнить конкретное содержание того, что Лебедь называет «приказом» и «добровольным» его выполнением:

«З огляду на офіційну постанову (позицію) польського уряду (правительства) в справі співпраці (в деле

сотрудничества) з Совітами, треба поляків з наших земель усувати (изгнать). Прошу це так розуміти: давати сільському населенню доручення (указание) до кількох днів (в течение нескольких дней) випровадитися на корінні (коренные, исконные) польські землі. Коли воно не виконає (исполнит) цього, тоді слати боївки, які мужчин будуть ліквідувати, а хати і майно палити (розбирати). Ще раз звертаю при цьому увагу (обращаю при этом внимание) на то, щоби поляків закликати (призывать) до покинення земель, а дотерва після (и только после этого) ліквідувати, а не навпаки (а не наоборот). Прошу на це звернути спеціальну увагу...»

Принимая во внимание кадровый состав УПА периода лета 1943 г. («костяком и основой повстанческой Украинской армии являются полицейские западных областей») и сформировавшиеся у «полицаяев» за полтора года привычки и потребности, не приходится удивляться тому, что практическое исполнение приказа об этнической чистке Волыни сопровождалось массовыми «нарушениями националистической законности» и вышло далеко за рамки предписанного руководством ОУН «добровольного» изгнания поляков. Бесчисленные свидетельства очевидцев «волынской резни» сохранили такие подробности, какие не рискнут показать ни в одном фильме ужасов. В равной мере не желая ни превращать эту статью в пособие для начинающих садистов, ни встретить обвинение в попытке «давить на психику читателя», я приведу лишь рассказ В. Полищука о событиях, которые произошли с его близкими родственниками; рассказ весьма сдержанный и страшный именно заурядной обыденностью совершаемых преступлений:

«Влітку 1943 р. моя, по матері, тітка Анастасія Вітківська пішла з сусідкою-українкою вдень до розташо-

ваного за три кілометри від м. Дубна села Тараканів. Розмовляли польською мовою (разговаривали по-польски), бо тітка, жінка неграмотна, родом з Люблінщини, не зуміла навчитися української. Пішли вони, щоб поміняти дещо (обменяють что-нибудь) на хліб, бо в тітки — шестеро дітей. Ніколи ні вона, ні дядько Антон Вітковський, теж людина зовсім неграмотна, не тільки не мішалися до будь-якої політики, але й не мали про неї жодної уяви (не мали о ней и малейшого поняття). І її, а також сусідку-українку вбили бандерівці тільки за те, що вони розмовляли по-польськи. Вбили по-звірськи, сокирами (топорами) й вкинули у придорожній рів (канаву)...

Моєї дружини батьки (родители моей жены) жили до війни на Поліссі; її батько — чех, а мати — полька. Коли на початку 1943 р. почалися на південному (южном) Поліссі масові вбивства поляків — вся сім'я втікла в Кременеччину до батькових родичів, в село Угорськ. Одного разу знайомий українець повідомив жінчиного батька (сообщил отцу моей жены), що УПА готується знищити його родину (семью). Вони втекли (убежали) до Кременця. Хтось бачив розмову (кто-то видел разговор) того молодого українця з жінчиним батьком. Його, підозрюючи у «зраді», повісили посередині села й причепили на грудях напис: Так буде зо всіми зрадниками (изменниками). Повішеного не дозволили зняти протягом кількох (в течение нескольких) днів...»

Самым кровавым стал июль 1943 г. 11—13 июля бандеровские отряды «стихийно» атаковали порядка полутора сотен населенных пунктов, в которых жили поляки. По различным оценкам, за эти три дня погибло от 12 до 30 тыс. человек. Вот именно после таких событий и прошел 3-й Великий (Чрезвычайный) Сбор бандеровской ОУН, на котором были приняты столь ласкающие слух «демократической публики» резолюции про «сво-

боду народов», равенство всех граждан Украины и прочие права зверски убиваемых человеков. Правды ради надо отметить, что даже среди членов бюро Центрального *провіда* (руководства) ОУН(б) возникли разногласия по вопросу об отношении к развязанной на Волыни резне, но в конечном итоге большинство (включая, в частности, Романа Шухевича) встало на сторону командующего УПА Клячкивского — главного организатора антипольской кампании.

«УПА борется против российско-большевистских и немецких захватчиков», — записано в резолюции 3-го Великого Сбора. Понять сокровенный смысл этой формулы я не в состоянии. Как можно одновременно бороться против тех и других? Нет, конечно, могучий слон одним ударом своей огромной ноги может прибить двух дерущихся мосек. Можно еще представить себе сумасшедшую моську («безумству храбрых поем мы песню»), которая решила атаковать сразу двух слонов. Но как муха (а в сравнении с военным потенциалом Германии и СССР несколько десятков тысяч вооруженных легким стрелковым оружием бойцов УПА были именно «мухой») может бороться одновременно с двумя дерущимися слонами?

Всякий удар по «красным» партизанам, несомненно, помогал немцам, закреплял их позиции на оккупированной территории. Каждый взорванный немецкий эшелон ослаблял боевую мощь вермахта и приближал день прихода Красной Армии на Западную Украину (может быть, именно поэтому ни одной диверсии на железных дорогах на счету УПА так и не обнаружено). Тем не менее, вопреки всякой логике, вооруженные столкновения между немцами и бойцами УПА имели место. Причем в немалом количестве (нынче в Украине даже издан сборник «100 победных боев УПА против

немецких войск»). Правда, при близком знакомстве с подобными фактами вопросов становится еще больше. *«19 серпня 1943 р. здійснено наступ на м. Камінь Каширський. В акції брали участь: курінь Назара-Криги, сотня Лисого та сотня Кубіка. Добре спланована акція розпочалась рано вранці і завершилася о 17 годині. Протягом дня очищено від ворога усе місто. Втрати ворога: 120 вбитих (польські поліцаї та солдати вермахту). Втрати УПА: 2 ранених».*

Вы что-то поняли? Я — нет. С раннего утра до пяти часов вечера шел бой, у противника 120 убитых, собственные потери — двое раненых? Уж не скрывается ли за этой победной реляцией заурядная история погрома? С утра до вечера, не спеша, «в охотку» резали поляков, убитых мужчин записали в «польские полицейские»; на свою беду, в местечке оказалось и несколько немецких солдат, которые попытались прекратить разбой, — вот и двое раненых среди нападавших появляются...

Или громкая история об уничтожении бойцами УПА ветерана гитлеровской партии, обергруппенфюрера СС (а это ни много ни мало генерал-полковник по «шкале» воинских званий!), начальника штаба СА Виктора Лютце. 2 мая 1943 года сей матерый нацист якобы лично возглавил танковую колонну, которая направилась на сражение с УПА, но была бесславно разбита вместе со своим командиром. Лютце действительно погиб именно в этот день. Вместе с ним, в той же автомобильной катастрофе, погибла его дочь Ирма; 8-летняя Фрида и ее бабушка Гизела были живыми доставлены в военный госпиталь города Потсдама, вот только происходило это за две тысячи верст от ближайшего отряда УПА... Все, как в молодости, учили: «догматизм, фанатизм, иллюзионизм». Вы еще не забыли, уважаемый читатель, с чего все начиналось?

Как бы то ни было, «странная война» УПА против немцев и советских партизан одновременно продолжалась недолго — с ранней весны до осени 1943 г. В отчете от 13 ноября 1943 г. глава «рейхскомиссариата Украина» Эрих Кох с удовлетворением констатирует, что вооруженные отряды националистов ведут бои с партизанами, не проявляя активности в отношении к немцам. И это неудивительно, принимая во внимание, что еще 27 октября 1943 г. сам «главный референт» СБ Мыкола Арсенич (псевдоним «Михайло») подписал приказ, в котором под страхом расстрела запрещались любые «самовольные» нападения на немцев.

В октябре — ноябре 1943 г. советские войска вышли к Днепру и форсировали его на широком фронте; в начале января 1944 г. части Красной Армии пересекли бывшую советско-польскую границу и заняли г. Сарны. Большая война пришла на Западную Украину. К середине апреля 1944 г. фронт проходил уже по линии Ковель, Броды, Тернополь, Черновцы. Затем наступила длительная «оперативная пауза», которая 13 июля 1944 г. сменилась грохотом канонады начавшейся Львовско-Сандомирской наступательной операции. К концу месяца практически вся Галичина была в руках Красной Армии, немцы удерживали лишь район Дрогобыча в междуречье Днестра и Сана.

К тому времени бандеровские игры с «войной на два фронта» были окончательно прекращены. В январе—феврале 1944 г. начались первые встречи и переговоры — пока еще на уровне «полевых командиров», но уже 18 апреля 1944 г. сам Клячківський (на тот момент — командующий УПА «Север») пишет письмо командующему армейской группой вермахта «Северная Украина», в котором предлагает сотрудничество и просит обеспе-

читать действия отрядов УПА оружием и боеприпасами. В начале июня 1944 г. во Львове проходят вполне официальные переговоры между представителем Центрального *провіда* ОУН(б) Иваном Гриньохом («Герасимовским») — бывшим капеланом батальона «Нахтигаль», одним из организаторов «провозглашения независимости» 30 июня 1941 г., и представителями командования вермахта и абвера.

Стороны согласовали план дальнейших действий, в соответствии с которым ОУН должна была обеспечивать немцев разведывательной информацией и вести широкомасштабную диверсионную работу в тылу наступающей Красной Армии, немцы же брали на себя обязательство передать бандеровцам большое количество стрелкового оружия, боеприпасов, средств радиосвязи, медикаментов. Как указывают современные украинские историки, в 1944 г. немцы передали УПА около 10 тысяч станковых и ручных пулеметов, 26 тысяч автоматов, 72 тысячи винтовок, 22 тысячи пистолетов, 100 тысяч ручных гранат, 300 полевых радиостанций.

Одновременно с этим бандеровцы попытались было «прощупать почву» для сближения с западными союзниками. Для этого, уступая традициям и нормам презренной англо-саксонской демократии, надо было изобразить некий «представительный орган», не связанный явным образом с Бандерой, ОУН и прежним многолетним сотрудничеством с Германией. 11—15 июля 1944 г. в Карпатах, в лесу близ Самбора, собралось 20 человек, которые объявили себя Украинским Главным освободительным советом. Был даже назначен «президент», которым стал формально не связанный с ОУН Кирилл Осьмак. Р. Шухевич, все более активно отодвигавший Лебедя с «первых ролей», занял пост главы Генерального секретариата УГВР. Впрочем, все эти усилия оказались

вполне бесплодными — после всего произошедшего, после соучастия украинских националистов в геноциде евреев и прямо организованной ими резне поляков ни о каком политическом союзе, ни о каком признании Западом бандеровских «правительств» и «парламентов» не могло уже быть и речи.

После полного изгнания немецких оккупантов с территории Украины (август 1944 г.) начинается новый — и последний — этап в истории ОУН, этап борьбы против советской власти, Красной Армии и НКВД. Именно в это время начинается стремительный рост численности УПА; если к концу 1943 г. она не превышала 30—40 тыс. человек, то год спустя в составе УПА, по оценкам разных авторов, было уже порядка 70—100 тыс. человек. Огромное количество вооружения, оставленного уходящими немцами, стало важной, но далеко не единственной причиной роста рядов УПА. Повстанческая армия перестала быть таковой даже по названию — бандеровцы перешли к «добровольно-принудительной» мобилизации крестьянской молодежи; за уклонение от «призыва» били шомполами, разоряли хозяйства, особо злостных «уклонистов» расстреливали. Важным (может быть, самым существенным) источником многотысячного пополнения стали «уклонисты» совсем другого рода — бегущие в лес призывники, не желающие служить в Красной Армии.

Об этом периоде, об этой страшной странице в истории Украины написано много, настолько много, что некоторые читатели уже и вовсе забыли о том, что история ОУН началась на 15 лет раньше, да и УПА возникла отнюдь не в результате непорочного зачатия летом 1944 года. Как ни странно, но современная украинская и традиционная советская историография (точнее говоря — псевдоисторическая мифология) оказались

едины в своем нежелании вспоминать о первых страницах истории ООН, о событиях 1929—1944 годов, когда и были сформированы руководящие кадры ООН, определилось «лицо» движения, его идеология, приоритеты, союзники и противники.

Позиция апологетов понятна — как ни упражняйся в словесной эквилибристике, а фашистская идеология движения и многолетнее сотрудничество с гитлеровской Германией не украшает портрет благородных героев; проще и удобнее вовсе вычеркнуть эти годы из истории. Советская же пропаганда пребывала в уверенности, что большего преступления, нежели нежелание вступать в колхоз, и придумать-то нельзя, поэтому, решая задачу шельмования «буржуазных украинских националистов», она сосредоточилась именно на событиях послевоенных лет. К тому же любое упоминание о том, что на территориях восточной Польши, «освобожденных» в сентябре 39-го года по соглашению с Гитлером, оказывается, жили поляки, было для коммунистических историков не слишком приятным; в результате главное преступление бандеровцев — «волынская резня» — было напрочь забыто, стерто из памяти, запрещено к упоминанию во всех учебниках.

Не пытаясь объять необъятное в рамках одной статьи, отметим лишь три момента, важные для понимания событий последнего этапа истории ООН.

Представление о том, что 100-тысячная «армия непокоренных» воевала, воевала и воевала, пока в неравных боях не погибла вся до последнего человека, мягко говоря, ошибочно.

Первая амнистия участникам бандеровского движения была объявлена еще 12 февраля 1944 года («именем Правительства УССР мы гарантируем всем участникам УПА, которые перейдут на сторону Советской власти,

которые честно и полностью порвут всякие связи с оуновцами, которые искренне и целиком отрекутся от всякой борьбы и враждебных происков против Красной Армии и Советской власти, — полное прощение их тяжелой ошибки, их прошлых провинностей перед Родиной»). 27 ноября 1944 г. была объявлена вторая амнистия, причем в документе говорилось, что правительство УССР амнистирует как рядовых участников подполья, так и руководителей, если они «честно покаются перед народом и встанут на трудовой путь».

Эти призывы не остались безответными — к началу 1945 г. явилось с повинной около 17 тыс. участников УПА и подполья ОУН. Были даже случаи организованного массового выхода из леса. Так, в феврале 1945 г. в Вижницком районе Черновицкой области в полном составе (порядка 400 человек) сложил оружие куринь (батальон) под командованием некоего «Перебийніса».

После окончания войны, 19 мая 1945 г., была объявлена третья, а 5 ноября — четвертая по счету амнистия. На этот раз «явка» оказалась значительно выше — война окончилась, и скрывающиеся по лесам «уклонисты» сочли за благо сдать властям. Всего, судя по докладу НКВД СССР от 22 ноября 1945 г., в период с февраля 1944 г. по 1 ноября 1945 г. на Западной Украине явилось с повинной 99 219 «бандитов и уклонившихся от службы в Красной Армии». В аналогичном отчете НКВД УССР утверждается, что к 25 мая 1946 г. явилось с повинной 115 тыс. человек. Современный украинский историк Д. Веденеев (весьма, кстати, благосклонный к ОУН и ее лидерам) пишет про 113 тыс. «активных участников движения сопротивления и уклонившихся от службы в Красной Армии», которые сдались властям в период с 1944 по сентябрь 1949 г. При всех оговорках, связанных с неизбежными для советской бюрократической

системы приписками, приведенные цифры говорят о том, что большинство оуновцев не стало «упорствовать в безумии» и сложило оружие в течение первых 10—15 месяцев после изгнания немцев с территории Западной Украины.

Второй момент, также связанный с вопросом о реальной продолжительности вооруженного противостояния и мотивации его участников, относится к масштабу и жестокости «внутреннего террора», проводимого бандеровской СБ.

Как и в любой экстремистской, антидемократической организации «вождистского» типа, в Организации Украинских националистов возникла секретная карательная служба, которая с течением времени все более и более «подминала под себя» организацию в целом; в этом смысле история взаимодействия ОУН и СБ в точности повторяет историю ВКП(б) и ГПУ/НКВД. К 1943 году СБ превратилась в строго «вертикальную», никому не подотчетную структуру; отдельные «референтуры» СБ подчинялись только «главному референту СБ» и при этом имели право арестовать любого активиста движения, включая руководителей территориальных организаций ОУН. За арестом следовало «дознание», после которого признавшегося во всем зрадника оставалось только повесить. Оказаться невиновным арестованный мог лишь в редчайших случаях.

Так, на Волыни с января по октябрь 1945 г. из 938 человек, оказавшихся под следствием в СБ, было казнено 889, причем в Ковельском и Любомльском районах число казненных оказалось в точности равно числу арестованных.

Руководивший этими расправами референт СБ на Северо-Западных украинских землях Б. Козак (псевдоним «Смок») был позднее переброшен на Тернопольщи-

ну, где провел массовую «чистку рядов» в округе «УПА-Юг». За несколько месяцев было уничтожено полсотни командиров, включая начальника штаба «округа», политического референта, начальника школы минеров, десятка командиров куреней (батальонов). Всего же — вместе с членами семей «изменников» — было казнено 6 тыс. человек! И таких «Смоков» в системе СБ было немало. Зловещей фигурой был и «главный референт» бандеровской СБ Мыкола Арсенич («Михайло»). По его инициативе, начиная с осени 1943 г., проводились т.н. «капитальные чистки» (осень 43 г., сентябрь 44 г., весна и ноябрь 45 г.), в ходе которых массово арестовывались и уничтожались «подозрительные», к которым причислялись бывшие «бульбовцы» и «мельниковцы», выходцы из восточных областей Украины (східники), примкнувшие к движению русские и евреи.

В ряде случаев дело доходило до вооруженных столкновений между «оперативниками» СБ и возмущенными безудержным террором бойцами УПА. Так, в районе села Марьяновка Сарненского района произошел настоящий бой между отрядами УПА и СБ, после которого 18 пленных «эсбистов» были повешены. В этот пылающий «костер» органы НКВД ловко подбрасывали «дровишки» в виде укомплектованных бывшими оуновцами «спецбоевок». В течение 45—46 гг. было создано полторы сотни таких групп общей численностью более 1800 человек. Действуя под видом «боевок СБ», эти «лже-бандеровцы» терроризировали население, вносили дополнительную нервозность и неразбериху в рядах националистического подполья.

В целом же террор СБ имел двойное влияние на судьбу движения. С одной стороны, страх перед расправой (жертвой которой обычно становилась и вся семья зрадника) удерживал многих от выхода из леса; с дру-

гой стороны, террор усиливал деморализацию УПА и, как это ни покажется на первый взгляд странно, подталкивал многих к сотрудничеству с НКВД. Как пишет в своих воспоминаниях бывший командир куреня УПА М. Скорупский, «первые сексоты (осведомители) вышли главным образом из тех семей и сёл, где были жертвы СБ, где мы сами посеяли горе и ненависть». А осведомителей было немало: 18 165 информаторов (не считая 2 249 внедренных в ряды подполья агентов) состояло на учете у органов НКВД по состоянию на 1 января 1946 г.

И тут мы переходим к третьему важному пункту: кто воевал против УПА, кто выслеживал и арестовывал активистов вооруженного подполья? Навязываемая нынешними пропагандистами схема, в рамках которой «у порога родной хаты украинцы воевали против пришлых москалей», не имеет ничего общего с реальностью. Что касается высшего и среднего командного состава, то с советской стороны он был практически полностью сформирован из командиров партизанских отрядов и офицеров УШПД (украинский штаб партизанского движения). Все они были украинцами или, по крайней мере, уроженцами Украины. Так, наркомом внутренних дел УССР был В. Рясный, затем — Т. Строкач, наркомом госбезопасности УССР — С. Савченко, начальник погранвойск НКВД Украинского округа — П. Бурмак, начальник Внутренних войск НКВД Украинского округа — Марченков, начальник Управления НКВД по Львовской области — Е. Грушко... Общее политическое руководство находилось в руках главы компартии Украины Н.С. Хрущева — как бы мы сегодня ни оценивали эту неординарную фигуру советской истории, назвать его «пришлым москалем» сложно.

На низовом уровне борьбу с бандеровцами вели порядка 25 тыс. бойцов т.н. «истребительных отрядов»,

сформированных из числа местных жителей; только местными, уроженцами Галичины и Волыни, могли быть многие тысячи секретных информаторов и внедренных в структуры подполья агентов НКВД — схи́дняк, не владеющий в совершенстве местным диалектом, был бы «расшифрован» незамедлительно. Фактически в 1944—1949 гг. на Западной Украине шла настоящая гражданская война, причем война эта выросла из кровопролитных событий периода немецкой оккупации; именно это и обусловило запредельный уровень жестокости, проявленной каждой из противоборствующих сторон.

Стоит отметить, что попытки распространить террористическую деятельность бандеровского подполья на центральные и восточные области Украины оказались безрезультатными. Движение вернулось туда, откуда оно и начиналось — в Галичину. Так, за три года (с 1 июля 1946 г. по 30 июня 1949 г.) в Галичине (Львовская, Станиславская, Тернопольская, Дрогобычская области) было отмечено 2459 «акций» (теракты, диверсии, поджоги и пр.), на Волыни (Брестская, Волынская, Ровенская области) — 560, в Житомирской области — 75, Каменец-Подольской — 15, Черниговской — 3, Киевской — 3.

В жестокости, в абсолютном пренебрежении к судьбе мирного населения, против своей воли вовлеченного в кровавую вакханалию, стороны не уступали друг другу. Во всем остальном абсолютное превосходство было на стороне Красной Армии и войск НКВД. Чудес не бывает, и уже к весне 1946 года УПА была практически полностью разгромлена. Без тени смущения в докладе НКВД УССР от 25 мая 1946 г. использовано выражение «убито бандитов и прочих». О количественном соотношении «бандитов» и «прочих» можно судить по тому, что на 111 (сто одиннадцать) тысяч убитых и 251 тыся-

чу арестованных приходится всего лишь 83 тыс. единиц изъятого оружия.

После таких потерь (и с учетом ста тысяч явившихся с повинной) от бандеровской «армии» остались лишь отдельные, разрозненные группы, которые на протяжении нескольких лет, скрываясь по лесам и горам, бессмысленно и беспощадно терроризировали население. Объявленная в декабре 1949 г. последняя по счету, пятая, амнистия была почти безрезультатной — к тому времени в «схронах» оставались лишь те, кто твердо решил исполнить первый пункт «Декалога ОУН» («Здобудеш Українську Державу, або загинеш у боротьбі за неї»), либо окончательно деградировавшие садисты и убийцы, для которых возвращение к людям стало уже психологически невозможным. Едва ли кто-то сможет ответить на вопрос: кого было больше — первых или вторых...

12 февраля 1945 г. погиб в бою первый командующий УПА Дмитро Клячкивский. 23 января 1947 г. застрелился блокированный в лесном «схроне» главный референт бандеровской СБ Мыкола Арсенич. 5 марта 1950 г. убит при задержании командующий УПА Роман Шухевич. После его гибели на протяжении четырех лет обязанности командира несуществующей армии исполнял Василь Кук, арестованный 23 мая 1954 г. Что же касается самого Степана Бандеры, то после освобождения в октябре 1944 г. он находился под «домашним арестом» в Берлине; накануне краха гитлеровской Германии немцы вывезли его в американскую зону оккупации — так сказать, «сдали с рук на руки». В дальнейшем Бандера жил в Мюнхене (а это самый богатый и дорогой город Германии) и руководил бесконечной чередой кровавых интриг, дрязг и конфликтов в т.н. «закордонной частине ОУН». Убит в Мюнхене агентом КГБ 15 октября 1959 г.

ВЕСНА ПОБЕДЫ. ЗАБЫТОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ СТАЛИНА

«Патриотизм определяется мерой стыда, который человек испытывает за преступления, совершенные от имени его народа».

Адам Михник

Сказать, что в СССР на обсуждение этой темы был наложен строжайший запрет, значит не сказать ничего. Сказать, что этому преступлению были задним числом придуманы нелепые оправдания, — значит сказать заведомую неправду. Не было никаких оправданий. Никто ничего и не пытался оправдывать. Народ и партия, отцы и дети, «верхи» и «низы» были едины в категорическом отрицании наличия самого предмета для обсуждения, тем паче осуждения. Вопросов не было — зато был ответ: несокрушимый, многотонный, на века. В граните и мраморе стоял над Трептов-парком в Берлине советский солдат-освободитель со спасенной немецкой девочкой на руках, и каждую весну к подножию монумента послушно ложились живые цветы. И даже после того, как в первые годы «гласности» стали публиковаться редкие и разрозненные воспоминания о том, что немецкая девочка могла оказаться в руках советского солдата в другой ситуации и с другими для девочки последствиями, эти голоса никто не захотел услышать. Точнее говоря — не смог услышать. Такая правда

не вмещалась в сознание нормального советского человека.

Помощь, как это ни странно, пришла с Запада. Заграница в очередной раз помогла нам. Они там уже наработали целую «научную традицию», в рамках которой тема насилия над гражданским населением Германии (т.е. массовых зверских убийств, истязаний, грабежей, истребления жилищ) была игриво обозначена термином «сексуальное насилие». А это уже позволяло вздохнуть с облегчением. Нет, никто не спорит с тем, что изнасилование — и по законам, и даже по воровским «понятиям» — является тяжким преступлением. Но это преступление особого «сорта». У обвиняемого всегда есть возможность — с наглой ухмылкой (или испуганно бегающими глазками, смотря по обстоятельствам) — сказать: «Да бросьте вы... Какое насилие... Да она сама пришла...»

Итак, слово было найдено. Дальше — проще. Дальше оставалось свести тяжелейшую историческую и моральную проблему к теме пресловутого «сексуального насилия», а затем подвергнуть сомнению как массовость явления, так и сам факт насилия. Из множества примеров такой «наступательной контрпропаганды» приведу лишь один, но весьма характерный и примечательный. Примечательна же эта публикация и тем, где она появилась (старейшая и одна из наиболее тиражных газет страны), и высоким формальным статусом привлеченных к обсуждению лиц. Поводом к «дискуссии» стало издание в России известной книги английского историка Э. Бивора «Падение Берлина». 21 июля 2005 г. журналист газеты «Труд» С. Турченко решил разобраться с непрошеным «иностранным консультантом». Разобраться во всех смыслах, какие это слово имеет в русском языке.

Решительный отпор начался с первых же слов. С самого названия статьи: *«Насилие над фактами»*. Дальше, в подзаголовке, был дан очень ясный намек на то, чьим подголоском является Бивор и на чью мельницу льют воду примкнувшие к нему неназванные отщепенцы: *«Зачем британский историк и некоторые СМИ пересказывают басни Геббельса?»* Наконец, в творческом воображении журналиста возникла совершенно inferнальная картина: *«Геббельс в гробу довольно потирает руки...»*

Первым было предоставлено слово самому М.А. Гарееву (генерал армии, президент Академии военных наук, академик Российской академии естественных наук, профессор, доктор исторических наук, доктор военных наук, бывший зам. начальника Генштаба Советской Армии) и пр. Никаких сомнений и вопросов у маститого ученого не было и нет.

«Бивор и его подпевалы являются банальными плагиаторами. Настоящий автор мифа об «агрессивной сексуальности» наших солдат — Геббельс. Однако Бивор переплюнул Геббельса... Очередной пасквиль на советского солдата-освободителя... Лично я участвовал в освобождении Восточной Пруссии. Говорю как на духу: о сексуальном насилии тогда даже не слышал. Помню, перед строем нам зачитали решение военного трибунала. Суть дела была в том, что несколько солдат ворвались во двор жилищного бауэра, поймали несколько кур, гусей, начали варить. Когда бой за хутор закончился, хозяева выбрались из подвала, где прятались, и подняли крик. На шум нагрянул патруль. Солдат задержали. Командир 184-й дивизии генерал-майор Басан Городовиков приказал устроить показательный суд военного трибунала. Бойцам дали по пять лет лагерей. Нетрудно предположить, что наказа-

ние было бы неизмеримо более строгим, если бы кто-то из них позарился, скажем, на хозяйку».

Следующий генерал армии, Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда И. Третьяк не был столь категоричен. Он даже готов признать, что жертвами насилия стали не только гуси и утки:

«Конечно, в такой огромной войсковой группировке, которая в 1945 году вошла в Германию, всякое случалось. Мужики по нескольку лет женщин не видели. Кто-то и не устоял. Но сегодня многие признают, что сексуальные связи между нашими бойцами и немками далеко не всегда носили насильственный характер. Бывал и обоюдный интерес. Странно сегодня читать, как некий англичанин вдруг озаботился сексуальными коллизиями 60-летней давности, о которых сами немки вслух не вспоминают...»

Президент Ассоциации историков Второй мировой войны, доктор исторических наук, профессор О. Ржешевский также не скрывает своего возмущения очередной попыткой «воссоздать образ «азиатских орд», который вбивала в головы немцев нацистская пропаганда, а затем небольшая группа историков-неофашистов, от которых давно отвернулись в Германии (подчеркнуто мной. — М.С.)». Как и следовало ожидать, особое негодование профессора, Президента Ассоциации историков вызывает именно необоснованность обвинений:

«Следовало бы иметь веские основания, располагать документами, если уж выдвигать столь тяжелое обвинение в адрес армии, вынесшей на своих плечах основную тяжесть борьбы с фашистским нашествием. Но их в книге Бивора нет. Сведения о «массовом насилии» основываются на свидетельствах типа «берлинцы помнят...», «один доктор подсчитал...», что не приемлемо для научного исследования, на которое претендует книга».

Истина же, по мнению профессора Ржешевского, заключается в том, что *«лавина мести могла захлестнуть Германию, однако этого не произошло. Военнослужащие и советской, и других союзных армий в целом проявили гуманное отношение к мирным немецким жителям... Ставкой были приняты чрезвычайные меры для предупреждения бесчинств по отношению к мирному немецкому населению»*. После этого заявления Ржешевский, как и положено профессиональному историку, приводит документально обоснованный факт. Очень интересный (но, к сожалению, невнятно изложенный) факт: *«В первые месяцы 1945 года за совершенные бесчинства по отношению к местному населению были осуждены военными трибуналами 4148 офицеров и большое число рядовых»*.

«И большое число рядовых». Большое — это сколько? Нет ответа. Приходится строить предположения. На одного офицера в действующей армии приходится минимум 10 солдат. Если принять на веру тезис о том, что причиной «бесчинств» было то, что *«мужики по нескольку лет женщин не видели»*, то средняя ожидаемая вероятность совершения «бесчинств» среди рядовых должна быть выше, нежели среди офицеров. Офицеры Красной Армии (особенно в последние годы войны) женщин видели. Об этом товарищ Сталин позаботился.

Только весной 1942 г. в рамках «массовой добровольной мобилизации» (именно так это называлось в Постановлении ГКО) было призвано более 450 тыс. женщин. С особой гордостью советские историки сообщали о том, что 70% из них были направлены в Действующую армию. Наряду с мобилизованными по Постановлениям ГКО, в Действующей армии находились вольнонаемные женщины, численность которых в 1945 г. составила 234 тыс. человек. В скобках отметим, что в 1943—1945 гг. в тыловых частях и учреждениях Вооруженных

Сил СССР находилось порядка 5 млн призванных на военную службу мужчин, так что отправка на фронт, на самую что ни на есть передовую, сотен тысяч женщин никак не могла быть объяснена катастрофической нехваткой личного состава...

Возвращаясь к факту, приведенному профессором Ржешевским, мы можем в первом приближении предположить, что осужденных за «бесчинства по отношению к местному населению» рядовых было в 10 раз больше, чем офицеров. В таком случае общее количество осужденных (не общее количество бесчинствовавших, а именно и только число осужденных!) составит 40—50 тыс. человек. Для весны 45-го это численность одной общевойсковой армии.

Но и это еще не все. Продолжая демонстрировать свое «усердие не по разуму», С. Турченко спешит дополнить сообщение профессора Ржешевского цитатой из следующего документа:

«Донесение начальника политического отдела 8-й гвардейской армии гвардии генерал-майора М. Скосырева от 25.04.45 года:

В последние дни резко уменьшилось количество случаев баракольства, изнасилования женщин и других аморальных явлений со стороны военнослужащих. Регистрируется по 2—3 случая в каждом населенном пункте, в то время как раньше количество случаев аморальных явлений было намного больше...»

Итак, что же нам рассказали уважаемые, авторитетные люди? Слово «убийство» не произнес никто. М.А. Гареев знает про краденых кур, но об изнасилованиях даже и не слыхивал; генерал армии И. Третьяк признает наличие неких «сексуальных коллизий», не заслуживающих, впрочем, упоминания и обсуждения; историк Ржешевский не знает никаких документов,

которые могли бы подтвердить факт «массового насилия», но признает факт осуждения многих тысяч солдат и офицеров Красной Армии за бесчинства, которых, по мнению Гареева, не было вовсе. Гвардии генерал-майор с гордостью сообщает, что количество изнасилований и других аморальных явлений, выдуманных геббельсовской пропагандой, «резко уменьшилось» и «в каждом населенном пункте» регистрируется всего лишь по 2—3 случая. Сушная ерунда. *«Раньше количество случаев аморальных явлений было намного больше».*

Теперь обратимся к документам и фактам, собранным *«небольшой группой историков-неофашистов, от которых давно отвернулись в Германии».* Сразу же должен признать, что в данном случае профессор Ржешевский не сильно ошибся в формулировке. В послевоенной (и, что совсем уже странно, в постсоветской) Германии историки, не согласные с тем, что сам факт ожесточенного военного столкновения между коричневым и красным фашизмами может служить оправданием для любой из этих преступных диктатур, остаются на положении «прокаженных», с которыми остерегаются иметь дело те, кто претендует на политическую карьеру и государственные «гранты». И тем не менее в ходе упорной многолетней работы исследователей был собран и обобщен огромный массив фактов и документов

Прежде всего следует назвать 11-томный сборник «Документация изгнания немцев», работа над которым была начата в августе 1949 г. и продолжалась более 4 лет. Выжившие рассказывали о преступлениях, жертвами которых стали их родственники и соседи; записывались показания учителей, врачей и государственных чиновников. На основании этих сведений исследователи пришли к цифре в 12 млн изгнанных с родных

мест немцев, из числа которых 2 млн все еще считались «пропавшими без вести», что применительно к ситуации середины 50-х годов можно было считать синонимом слова «погибшие».

Расчеты, выполненные методом демографического баланса, привели к выводу, что в «восточных областях», перешедших после войны в состав СССР Польши и Чехословакии, **погибло 2484 тыс. человек** гражданского населения (не считая погибших на фронте мужчин). Разумеется, метод демографического баланса сам по себе заведомо неточен и каждая цифра в нем может быть подвергнута обоснованной критике. Стоит, однако, напомнить о том, что канонизированная ныне цифра потерь Советского Союза (27 млн человек) была получена почти таким же методом. Оговорка «почти» относится к тому, что немецкие историки использовали данные переписи 1948 г., т.е. переписи, проведенной через три года после окончания войны, а советские — данные переписи населения 1959 г. (14 лет после войны) и фальсифицированной сталинской переписи 1939 г.

Значительно меньшую оценку числа погибших назвала церковная Служба розыска ФРГ. В 1964 был опубликован отчет, из которого следует, что во всех областях, из которых были изгнаны немцы (Восточная Пруссия, Померания, Силезия, Судеты) в сумме **погибло 473 тыс. человек**. Правда, здесь надо принять во внимание, что Служба розыска не включила в суммарный итог «пропавших без вести». С точки зрения арифметики число 473, конечно же, в пять раз меньше числа 2484. Для юридической же оценки событий разница ничтожна: 473 тыс. мирных граждан, погибших в течение нескольких месяцев, — это достаточно много для того, чтобы поставить вопрос о «военных преступлениях и преступлениях против человечности». Важно также от-

метить, что в перечень 473 тыс. погибших гражданских лиц не вошли жертвы бомбардировки Дрездена и других городов Восточной Германии (будущей ГДР), не вошли погибшие во время и после штурма города жители Берлина, не вошли десятки тысяч этнических немцев, «исчезнувших» в ходе изгнания из Югославии, Венгрии и Румынии.

Одним из наиболее ярких представителей «небольшой группы историков» был (он умер в 2002 г.) И. Гофман (Hoffmann). 35 лет (с 1960 по 1995 г.) Гофман проработал в Исследовательском центре военной истории Бундесвера, пройдя по служебной лестнице путь от молодого специалиста до научного директора Центра. В 1995 г. вышла в свет книга И. Гофмана «Сталинская война на уничтожение» («Stalins Vernichtungskrieg 1941—1945»), переизданная до конца века четыре раза. Реакция «левых кругов» Германии на исследование Гофмана достигла такого накала, что 28 февраля 1996 г. депутаты ряда фракций Бундестага направили «шесть запросов и 14 дополнительных вопросов» в адрес правительства ФРГ (в компетенцию которого, к слову говоря, не входит управление научно-исторической дискуссией). Комментируя эту прискорбную попытку превратить парламент демократической страны в некое подобие инквизиционного трибунала, Гофман в предисловии к четвертому изданию своей книги пишет:

«Если исследователь подчас вынужден аргументировать, будто апеллируя к стене, то это вызвано причинами, которые глубоко коренятся в немецкой послевоенной психологии и поэтому едва ли могут иметь рациональное объяснение... Многие немцы в своей самопоглощенности просто не замечали, что они требуют от русских, чтобы те, русские, продолжали спокойно жить со сталинской пропагандистской ложью, лишь бы у немцев было алиби

в лице Гитлера. Им было нужно перед всем миром представлять себя в должном свете, причем за счет русских, и демонстрировать, как велика стала сегодня дистанция между ними и Гитлером...»

Далее будут приведены обширные выдержки из тех глав книги (И. Гофман. «Сталинская война на уничтожение», М., АСТ-Астрель, 2006 г., стр. 305—347), в которых рассматриваются события зимы — весны 1945 г. Большинство эпизодов и цитат сопровождаются ссылкой на соответствующие фонды Федерального военного архива во Фрайбурге, но, учитывая практическую малодоступность этого архива для рядового российского читателя, я не стал воспроизводить эти сноски. Фамилии советских военнослужащих в большинстве случаев будут заменены первой буквой. Итак:

«...То, что творила пропаганда ненависти среди красноармейцев, нашло правдивое отражение в захваченных фронтовых письмах, некоторые из которых приведем здесь. Они написаны военнослужащими моторизованных частей (номер полевой почты 20739) в период января — февраля 1945 г. «Мы каждый день продвигаемся дальше по Восточной Пруссии, — писал, например, С. своим родителям в Смоленск, — и мы мстим немцам за все их подлости, которые они нам причинили... Нам теперь разрешено делать с немецкими негодьями все». «Немцы все удирают, боятся нашей мести, — говорится в письме, которое Л. написал 30 января 1945 г., — но не каждому удастся ускользнуть. Пусть немецкая мать проклянет тот день, когда она родила сына. Пусть немецкие женщины ощутят теперь ужасы войны. Пусть они сейчас сами переживут то, что предназначили другим народам».

«Гражданское население теперь больше не бежит, — писал К. 30 января 1945 г. во Владимирскую область. — То, что тут вообще творится, просто жутко». «Теперь

мы ведем войну в самом прямом смысле слова, — писал 1 февраля 1945 г. П. своим родителям в Алма-Ату, — громим гадов в их логове в Восточной Пруссии... Теперь и наши солдаты могут видеть, как горят их убежища, как скитаются их семьи и таскают с собой свое змеиное отродье... Они, наверно, надеются остаться в живых, но им нет пощады». «Немецких женщин хватает, — писал Е. 3 февраля 1945 г., — их не нужно уговаривать, просто приставляешь наган и командуешь «Ложись!», делаешь дело и идешь дальше». В письме капитана К. от того же дня написано: «Мы тут выкуриваем пруссаков так, что перья летят. Наши парни уже «распробовали» всех немецких женщин. Вообще трофеев много...»

Даже Ю. У., уже упомянутый выше офицер, сам по себе мечтательный, почти философски настроенный, исполненный гуманистических идеалов человек, давно уставший от войны и сетовавший на жертвы и разрушения, все же не остался незатронутым пропагандой ненависти. «Мы очень ненавидим Германию и немцев, — пишет он в своем дневнике 27 января 1945 г. в Штаркенберге, — в одном доме, например, наши парни видели убитую женщину с 2 детьми. И на улице часто видишь убитых гражданских людей... Конечно, это невероятно жестоко — убивать детей... Но немцы заслужили эти зверства...»

...Подстрекаемые советской военной пропагандой и командными структурами Красной Армии солдаты 16-й гвардейской стрелковой дивизии 2-го гвардейского танкового корпуса 11-й гвардейской армии в последней декаде октября 1944 г. принялись вырезать крестьянское население в выступе южнее Гумбиннена. В этом месте немцы, вновь захватив его, смогли в виде исключения провести более детальные расследования. В одном Неммерсдорфе было убито не менее 72 мужчин, женщин и

детей. Женщин и даже девочек перед этим изнасиловали, нескольких женщин прибили гвоздями к воротам амбара. Неподалеку оттуда от рук советских убийц пало большое число немцев и французских военнопленных, до сих пор находившихся в немецком плену.

Всюду в окрестных населенных пунктах находили тела зверски убитых жителей — так, в Банфельде, имении Тейхгоф, Альт Вустервитце (там в хлеву найдены также останки нескольких сожженных заживо) и в других местах. *«У дороги и во дворах домов массажи лежали трупы гражданских лиц... — сообщил обер-лейтенант Амбергер. — В частности, я видел многих женщин, которых... изнасиловали и затем убили выстрелами в затылок, частично рядом лежали и также убитые дети».*

Об увиденном в Шилльмейшене под Хейдекругом в Мемельской области, куда 26 октября 1944 г. вошли части 93-го стрелкового корпуса 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта, канонир Эрих Черкус из 121-го артиллерийского полка сообщил на своем военно-судебном допросе следующее:

«У сарая я нашел своего отца, лежавшего лицом к земле с пулевым отверстием в затылке... В одной комнате лежали мужчина и женщина, руки связаны за спинами, и оба привязаны друг к другу одним шнуром... Еще в одной усадьбе мы увидели 5 детей с языками, прибитыми гвоздями к большому столу. Несмотря на напряженные поиски, я не нашел и следа своей матери... По дороге мы увидели 5 девушек, связанных одним шнуром, одежда почти полностью снята, спины сильно распороты. Было похоже, что девушек довольно далеко тащили по земле. Кроме того, мы видели у дороги несколько совершенно раздавленных обозов».

Невозможно отобразить все ужасные подробности или тем более представить полную картину случившегося. Пусть ряд выбранных примеров даст представле-

ние о действиях Красной Армии в восточных провинциях после возобновления наступления в январе 1945 г. Федеральный архив в своем докладе «Об изгнании и преступлениях при изгнании» от 28 мая 1974 г. опубликовал точные данные из так называемых «итоговых листов» о зверствах в двух избранных округах, а именно в восточно-прусском пограничном округе Иоганнесбург [ныне Пиш, Польша] и в силезском пограничном округе Оппельн [ныне Ополе, Польша].

Согласно этим официальным расследованиям, в округе Иоганнесбург, на участке 50-й армии 2-го Белорусского фронта, наряду с другими бесчисленными убийствами выделялось убийство 24 января 1945 г. 120 (по другим данным — 97) гражданских лиц, а также нескольких немецких солдат и французских военнопленных из колонны беженцев у дороги Никельсберг — Герцогдорф южнее Арыса [ныне Ожиш, Польша]. У дороги Штоллендорф — Арыс было расстреляно 32 беженца, а у дороги Арыс — Дригельсдорф под Шлагакругом 1 февраля по приказу советского офицера — около 50 человек, большей частью детей и молодежи, вырванных у их родителей и близких в повозках беженцев. Под Гросс Розеном в конце января 1945 г. сожгли заживо около 30 человек в полевом сарае. Один свидетель видел, как у дороги на Арыс *«лежали один труп за другим»*. В самом Арысе было произведено *«большое число расстрелов»*, видимо, на сборном пункте, а в пыточном подвале НКВД — *«истязания жесточайшего рода»* вплоть до смерти.

В силезском округе Оппельн военнослужащие 32-го и 34-го гвардейских стрелковых корпусов 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта до конца января 1945 г. убили не менее 1264 немецких гражданских лиц... В Готтесдорфе советские солдаты 23 января 1945 г.

расстреляли около 270 жителей, включая маленьких детей и 20—40 членов Марианского братства. В Карлсруэ [ныне Покуй, Польша] были расстреляны 110 жителей, включая обитателей Аннинского приюта, в Куппе — 60—70 жителей, среди них также обитатели дома престарелых и священник, который хотел защитить от изнасилования женщин. Но Иоганнесбург [ныне Ополе, Польша] и Оппельн были лишь двумя из множества округов в восточных провинциях Германского рейха, оккупированных частями Красной Армии в 1945 г.

На основе донесений служб полевого командования отдел «иностранных армий Востока» Генерального штаба Сухопутных войск составил несколько списков *«О нарушениях международного права и зверствах, совершенных Красной Армией на оккупированных германских территориях»*, которые хотя также не дают общей картины, но по свежим следам событий документируют многие советские злодеяния с определенной степенью надежности.

Так, Группа армий «А» донесла 20 января 1945 г., что все жители вновь занятых ночью населенных пунктов Рейхталь [Рыхталь] и Глауше под Намслау [ныне Намыслув, Польша] были расстреляны советскими солдатами 9-го механизированного корпуса 3-й гвардейской танковой армии. 22 января 1945 г., согласно донесению Группы армий «Центр», под Грюнхайном в округе Веллау [ныне Знаменск] танки 2-го гвардейского танкового корпуса *«настигли, обстреляли танковыми снарядами и пулеметными очередями колонну беженцев в 4 км длиной, большей частью женщин и детей, а оставшихся уложили автоматчики»*. Аналогичное произошло в тот же день неподалеку оттуда, под Гертлаукеном, где были убиты советскими солдатами, частично — выстрелами в затылок, 50 человек из колонны беженцев.

В Западной Пруссии, в неуказанном населенном пункте, в конце января длинный обоз беженцев также был достигнут передовыми советскими танковыми отрядами. Как сообщили несколько выживших женщин, *«солдаты сбросили повозки в кюветы на обочинах и набросились на женщин; бросающихся на помощь им детей расстреливали. Присутствующий при этом советский полковник регулировал очередь насильников, в то время как другой офицер стрелял бьющихся в истерике детей и стариков»*. Танкисты 5-й гвардейской танковой армии облили лошадей и повозки бензином и подожгли их: *«Часть гражданских лиц, состоявших в большинстве из женщин и детей, прыгнули с повозок и попытались спастись, причем некоторые уже походили на живые факелы. После этого большевики открыли огонь. Лишь немногим удалось спастись»*.

Точно так же в районе Плонене в конце января танки 5-й гвардейской танковой армии напали на колонну беженцев и перестреляли ее. *«Трупы женщин, стариков, детей, лежавших среди гор тряпья и перевернутых повозок, устилали обочины дороги до самого горизонта»*. Всех женщин от 13 до 60 лет из этого населенного пункта, расположенного под Эльбингом [ныне Эльблонг, Польша], красноармейцы непрерывно насиловали самым жестоким образом. Немецкие солдаты из танковой разведроты нашли одну женщину с распоротой штыком нижней частью живота, а другую молодую женщину — на деревянных нарах с размозженным лицом. Уничтоженные и разграбленные обозы беженцев по обе стороны дороги, трупы пассажиров, лежащие рядом в придорожном рву, были обнаружены также в Майслатайне под Эльбингом.

Об умышленном уничтожении гусеницами или обстреле обозов беженцев, всюду тянувшихся по дорогам

и хорошо распознаваемых в качестве таковых, сообщалось из восточных провинций повсеместно, например, из района действий советской 2-й гвардейской танковой армии. В округе Вальдродде 18 и 19 января 1945 г. в нескольких местах подобные колонны останавливали, атаковывали и частично уничтожали; *«падавших женщин и детей расстреливали или давили»* или, как говорится в другом сообщении, *«большинство женщин и детей убивали»*. Советские танки обстреляли под Вальдродде из орудий и пулеметов немецкий госпитальный транспорт, в результате чего *«из 1000 раненых удалось спасти лишь 80»*. Кроме того, сообщения о нападениях советских танков на колонны беженцев имеются из Шауэркирха, Гомбина, где были *«убиты порядка 800 женщин и детей»*...

В лесной сторожке под Зольдином советскими солдатами 2-й гвардейской танковой армии были убиты семья лесника и все находившиеся там беженцы, неподалеку оттуда заживо сожжены немецкие солдаты, которые укрылись в сарае. Лишь в 1995 г. под Зольдином (ныне Мыслибуж, Польша) было обнаружено массовое захоронение с останками 120 гражданских лиц.

Из зверств, продолжавших регистрироваться в Восточной Пруссии, также можно привести лишь немногие. Так, красноармейцами 3-го гвардейского кавалерийского корпуса близ небольшого населенного пункта Толльниккен были расстреляны: семья из 7 человек, включая маленьких детей, поскольку родители воспротивились изнасилованию двух своих дочерей, а также молодой человек, крестьянин, и трое немецких солдат.

Более детальные расследования, как под Гумбинне-ном, Голдапом, Эльбингом и в некоторых других местах, удавалось провести лишь в случае нового занятия потерянной территории немецкими войсками, что случа-

лось достаточно редко: так, в захваченных 28—30 января 1945 г. частями 10-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии населенных пунктах вокруг Прейсиш-Голланд [ныне Пасленк, Польша]. В донесении Группы армий «Север» от 2 февраля 1945 г. сказано, например, что в Гёттхендорфе, Дёберне, Борденене жителей перебили или расстреляли. *«В Гёттхендорфе под Прейсиш-Голландом, — говорится в донесении, — только в одной комнате лежат 7 убитых гражданских лиц, среди них 2 пожилые женщины, 2 мужчин, мальчик около 14 лет. В углу скорчившись — 9-летний мальчик с совершенно разбитым черепом, и над ним 15-летняя девочка с исколотыми руками и расцарапанным лицом, штыком изрезаны грудь и живот, нижняя часть тела совершенно голая. 80-летний старик лежал застреленный перед дверью».*

Когда немецким войскам в конце января удалось освободить померанский городок Прейсиш-Фридланд [ныне Дебно, Польша] и окружающие населенные пункты, судебные и санитарные офицеры немецкой 32-й пехотной дивизии провели допросы среди выживших. В докладе командования 2-й армии от 14 февраля 1945 г. констатируется: *«В Прейсиш-Фридланде и в деревне Цискау 29 и 30 января были расстреляны после мучительнейших пыток большинство находившихся там мужчин. Дома и квартиры были разграблены, разрушены и подожжены. По женщинам и детям, которые хотели спастись бегством, большевистские убийцы стреляли из винтовок и пулеметов».* В расположенном в двух километрах от шоссе фольварке во всех комнатах были обнаружены трупы детей, стариков, изнасилованных и застреленных женщин.

В Прейсиш-Фридланде и соседних населенных пунктах расследования выявили и другие зверства. В Линде 29 января 1945 г. были убиты 16 жителей, изнасилованы

не менее 50 женщин, минимум 4 женщины убиты после изнасилования. Изнасилована была, в частности, и 18-летняя девушка, лежавшая застреленной в своей крови. В трех комнатах одного большого дома обнаружены пять мертвых женщин и три мертвые девочки, у всех жертв между ногами были вставлены пустые винные бутылки.

В Цискау тоже были расстреляны *«после мучительнейших пыток»* гражданские лица, а также укрывавшиеся солдаты, включая военнослужащего ВМФ, и изнасилованы женщины, отчасти многократно, среди них *«86-летняя старуха и 18-летняя девушка из Бромберга [ныне Быдгощ, Польша], скончавшаяся в страшных муках»*. *«В Цискау, — сказано в заключении доклада командования 2-й армии, — жену офицера прибили гвоздями к полу. После этого большевики оскверняли ее до смерти...»*

Имеющийся официальный материал, разумеется, неполон и, кроме того, может быть приведен в данном контексте лишь в широкой подборке, кратко и фрагментарно. Но поскольку соответствующие сообщения имеются со всей территории провинций Силезия, Бранденбург, Померания и Восточная Пруссия и всюду имеют своим содержанием один и тот же состав преступления: убийства, изнасилования, грабежи, мародерство и поджоги, то в целом они все же создают правдивую картину страшных событий...

...Вблизи границы рейха, западнее Велюни, советские солдаты 1-го Украинского фронта облили бензином повозки обоза беженцев и сожгли их вместе с пассажирами. На дорогах лежали бесчисленные тела немецких мужчин, женщин и детей, частично в изувеченном состоянии — с перерезанным горлом, отрезанным языком, вспоротым животом. Также к западу от Велюни 25 служащих Организации Тодта были расстре-

ляны танковыми экипажами 3-й гвардейской танковой армии. Все мужчины были расстреляны и в Хайнерсдорфе, женщины изнасилованы, а под Кунцендорфом 25—30 мужчин из фольксштурма получили пули в затылок.

В Беатенгофе под Олау [ныне Олава, Польша] после повторного его занятия все мужчины были найдены убитыми выстрелами в затылок. Преступниками были военнослужащие 5-й гвардейской армии. В Грюнберге [ныне Зелёна-Гура, Польша] 8 семей были убиты военнослужащими 9-го гвардейского танкового корпуса. Ареной ужасных преступлений стало имение Танненфельд под Гротткау [ныне Гродкув, Польша]. Там красноармейцы из 229-й стрелковой дивизии изнасиловали двух девушек, а затем убили их, надругавшись над ними. Одному мужчине выкололи глаза и отрезали язык. То же самое произошло с 43-летней полькой, которую затем замучили до смерти.

В Альт-Гротткау военнослужащие той же дивизии убили 14 военнопленных, отсекали им головы, выкололи глаза и раздавили танками. Красноармейцы этой же стрелковой дивизии несли ответственность и за злодеяния в Шварценгрунде под Гротткау. Они насиловали женщин, включая монастырских сестер, застрелили крестьянина Калерта, вспороли живот его жене, отрубили ей руки, застрелили крестьянина Христофа и его сына, а также молодую девушку. В имении Айсдорф под Мерцдорфом советские солдаты из 5-й гвардейской армии выкололи глаза пожилому мужчине и пожилой женщине, по-видимому — супружеской паре, и отрезали им носы и пальцы. Вблизи были найдены зверски убитыми 11 раненых солдат люфтваффе.

Точно так же в Гютерштадте под Глогау [ныне Глогув, Польша] был обнаружен 21 немецкий военнопленный,

убитые красноармейцами из 4-й танковой армии. В деревне Хеслихт под Штригау [ныне Стшегом, Польша] Мария Хайнке нашла своего мужа, еще подававшего слабые признаки жизни, умирающим в советском караульном помещении. Медицинское обследование выявило, что у него были выколоты глаза, отрезан язык, несколько раз переломана рука и размозжена черепная коробка.

Военнослужащие 7-го гвардейского танкового корпуса в Оссиге под Штригау насильовали женщин, убили 6—7 девушек, застрелили 12 крестьян и совершили аналогичные тяжкие преступления в Хертвиссвальдау под Яуэром [ныне Явор, Польша]. В Лигнице [ныне Легница, Польша] были обнаружены трупы многочисленных гражданских лиц, расстрелянных советскими солдатами из 6-й армии. В городке Костенблют под Неймарктом [ныне Сьрода-Слёнска, Польша], захваченном частями 7-го гвардейского танкового корпуса, насильовали женщин и девушек, включая и находившуюся на сносях мать 8 детей. Брат, попытавшийся заступиться за нее, был застрелен. Расстреляны были все военнопленные иностранцы, а также 6 мужчин и 3 женщины...

Неподалеку за Скампе, у дороги на Ренчен [ныне Збоншинь, Польша], были найдены трупы мужчины и женщины. У женщины был распорот живот, вырван зародыш, а отверстие в животе заполнено нечистотами и соломой. Вблизи находились трупы трех повешенных мужчин из фольксштурма. В Кае под Цюллихау военнослужащие 33-й армии убили выстрелами в затылок раненых, а также женщин и детей с одного обоза. Город Ной-Бенчен [ныне Збоншичек, Польша] красноармейцы разграбили и затем умышленно подожгли. У дороги Швибус [ныне Свободзин, Польша] — Франкфурт красноармейцы из 69-й армии перестреляли гражданских

лиц, включая женщин и детей, так что *«трупы лежали друг на друге»*. В Реппене все мужчины с проходящего обоза беженцев были расстреляны советскими солдатами из 19-й армии, а женщины изнасилованы...

Ударная группа Власовской армии во главе с полковником РОА Сахаровым 9 февраля 1945 г. при поддержке немцев вновь заняла расположенные в излучине Одера населенные пункты Нойлевин и Керстенбрух. Согласно немецкому докладу от 15 марта 1945 г., население обоих пунктов *«подвергалось самым жутким надругательствам»*. В Нойлевине были найдены застреленными бургомистр, а также находившийся в отпуске военнослужащий вермахта. В одном сарае лежали трупы трех оскверненных и убитых женщин, у двух из которых были связаны ноги. Одна немецкая женщина лежала застреленной у дверей своего дома. Пожилая супружеская пара была задушена. В Нойбарниме были найдены мертвыми 19 жителей. Тело хозяйки гостиницы было изувечено, ноги связаны проволокой. Здесь, как и в других населенных пунктах, осквернялись женщины и девушки, а в Керстенбрухе — даже 71-летняя старуха с ампутированными ногами. Картину насильственных преступлений советских войск в этих селах излучины Одера, как и повсюду, дополняют грабежи и умышленные разрушения...

...Из Померании за февраль 1945 г. поступило лишь относительно немного сообщений, так как бои на прорыв здесь по-настоящему начались только в конце месяца... В Едерсдорфе военнослужащие 2-й гвардейской танковой армии пристрелили 10 эвакуированных женщин и 15-летнего юношу, добились еще живые жертвы штыками и pistolетными выстрелами... В Гросс-Зильбере под Каллисом красноармейцы из 7-го гвардейского кавалерийского корпуса изнасиловали моло-

дую женщину палкой от метлы, отрезали ей левую грудь и размозжили череп... О жутком событии сообщил командир немецкого инженерно-танкового батальона 7-й танковой дивизии. В конце февраля 1945 г. советские офицеры из 1-й (или 160-й) стрелковой дивизии севернее Конитца загнали для разведки на минное поле детей в возрасте 10—12 лет. Немецкие солдаты слышали жалобные крики детей, тяжело раненных взорвавшимися минами, *«бессильно истекавших кровью, которая лилась из разорванных тел»*.

В Восточной Пруссии, за которую велись ожесточенные бои, в феврале 1945 г. зверства продолжались с неослабевающей силой, невзирая на приказы противоположного свойства... Так, в Ландсберге советские солдаты из 331-й стрелковой дивизии согноли ошеломленное население, включая женщин и детей, в подвалы, подожгли дома и стали стрелять по бегущим в панике людям. Многие сгорели заживо. В деревне у дороги Ландсберг — Гейльсберг военнослужащие той же стрелковой дивизии 6 дней и ночей держали взаперти в подвале женщин и девушек, некоторые из которых были прикованы цепями, и при участии офицеров ежедневно насиловали много раз. Из-за отчаянных криков двое из этих советских офицеров на глазах у всех вырезали двум женщинам языки *«полукруглым ножом»*. Немецким солдатам-танкистам удалось освободить лишь немногих из несчастных, 20 женщин умерли от надругательств.

В Хансхагене под Прейсиш-Эйлау [ныне Багратионовск] красноармейцы из 331-й стрелковой дивизии расстреляли двух матерей, воспротивившихся изнасилованию своих дочерей, и отца, дочь которого в это же время была вытащена из кухни и изнасилована советским офицером. Далее, были убиты: супружеская чета

учителей с 3 детьми, неизвестная девушка-беженка, трактирщик и фермер, 21-летнюю дочь которого изнасиловали. В Петерсхагене под Прейсиш-Эйлау военнослужащие этой дивизии убили двух мужчин и юношу 16 лет по имени Рихард фон Гофман, подвергнув жестокому насилию женщин и девушек.

В начале февраля 1945 г. советские войска неожиданно ворвались в западную часть Замланда, овладев большим числом населенных пунктов. Через несколько дней немцам удалось разбить и частично отбросить передовые силы и в ходе смелой наступательной операции крупного масштаба восстановить 19—20 февраля 1945 г. прерванную наземную и морскую связь с Кёнигсбергом. Командование армейской группы Замланд и Группы армий «Север» с помощью полиции провело расследования о судьбе населения на вновь освобожденной территории, результаты которых имеются, правда, лишь по нескольким населенным пунктам.

Так, военнослужащие 39-й армии убили в Георгенвальде 4 гражданских лиц и бросили трупы в пламя подожженного имения... В Крагау военнослужащие 91-й гвардейской стрелковой дивизии изнасиловали и задушили двух молодых женщин, в Меденау военнослужащие 358-й стрелковой дивизии убили по меньшей мере 11 гражданских лиц. Здесь перед одним домом лежали трупы двух убитых женщин, маленького ребенка и грудного младенца. Двух пожилых мужчин и 14-летнего юношу забили, точно так же — двух женщин и двух девочек после изнасилования. Совершенно раздетое тело 30-летней женщины имело колотые раны на груди, у нее был рассечен череп, она была изрешечена выстрелами. В Гросс-Ладткайме военнослужащие 91-й гвардейской стрелковой дивизии расстреляли 2-х немецких военнопленных и 4-х гражданских лиц, включая бургомистра

и его жену. От их 18-летней дочери не осталось никаких следов. Однако был найден труп молодой девушки, которой после изнасилования отрезали груди и выкололи глаза.

В Краттлау военнослужащие 275-го гвардейского стрелкового полка 91-й гвардейской стрелковой дивизии убили 6 мужчин и двух немецких солдат. Всех женщин и девушек, включая 13-летних, беспрерывно насиловали, некоторые женщины *«подвергались сексуальному насилию по 6—8 солдат 5—8 раз в день»*. В Аннентале немецкие освободители нашли трупы двух женщин, которых осквернили (одну — на навозной куче) и затем задушили.

Детальное расследование удалось провести в Гермау, где располагались штабы 91-й гвардейской стрелковой дивизии и 275-го гвардейского стрелкового полка. В Гермау были обнаружены трупы 21 убитого — мужчины, женщины и дети. 11 человек не вынесли чудовищных пыток и сами покончили с собой. 15 немецких раненых убили, разбив им головы, одному из них затолкали в горло губную гармошку... У дороги Гермау — Пальмниккен [ныне Янтарный] были найдены две девочки. Общим с близкого расстояния выстрелили в голову, у одной были выколоты глаза...

На подходах к Метгетену (курортный пригород Кёнигсберга) были найдены трупы нескольких сот немецких солдат, отчасти изувеченных до неузнаваемости. Почти во всех домах и садах лежали убитые мужчины, женщины и дети, у женщин наблюдались явные следы изнасилования, зачастую были отрезаны груди, две 20-летние девушки были разорваны автомашинами. На вокзале стоял по меньшей мере один поезд с беженцами из Кёнигсберга. В каждом вагоне лежали тела *«зверски убитых беженцев любого возраста и пола»*. Теннисную

площадку в Меттетене битком набили немецкими военнопленными и гражданскими лицами, а затем был приведен в действие разрывной заряд. Части человеческих тел находили даже в 200 м от гигантской взрывной воронки. 27 февраля 1945 г. капитан из штаба коменданта крепости Зоммер случайно обнаружил за одним домом в гравийном карьере у дорожного перекрестка перед Меттетеном трупы 12 совершенно раздетых женщин и детей, лежавших вместе *«беспорядочной кучей»*, они были растерзаны ударами штыков и ножей.

Помимо отдельных трупов, рассеянных по всему курортному поселку, которых насчитывались сотни, было обнаружено несколько больших земляных холмов, под которыми, как оказалось, были погребены сотни (согласно капитану Зоммеру и профессору д-ру Ипсену — 3000) убитых. Расследование комиссии, назначенной комендантом крепости, генералом пехоты Лашем, складывалось сложно, поскольку советские военнослужащие облили кучи трупов бензином и попытались их сжечь. Тем не менее удалось установить, что большинство жертв было не расстреляно, а зачастую жестоко убито рубящим и колющим оружием...

Западнее Меттетена, как сообщил капитан Зоммер, у дороги вплоть до Повайена всюду лежали трупы гражданских лиц, либо убитых выстрелами в затылок, либо *«совершенно раздетых, изнасилованных и затем зверски убитых ударами штыков или прикладов»*. У дорожного перекрестка перед Повайеном четыре раздетые женщины были раздавлены советским танком. Капитаном Зоммером, а также майором профессором д-ром Ипсеном засвидетельствована прямо-таки символичная гнусность: в церкви Гросс-Хейдекруга была распята молодая девушка, а справа и слева от нее повешено по немецкому солдату.

Все это происходило у ворот провинциального центра Кёнигсберга. Невыразимые зверства и преступления, совершенные подстрекаемыми советскими солдатами позднее, после захвата города 7—9 апреля 1945 г., не поддаются никакому описанию и могли найти лишь схематичное отражение также в дневниках врачей Дейхельмана и графа фон Лендорфа...»

На этом мы остановим калейдоскоп чудовищных событий, отображенных в собранных И. Гофманом документах из немецких архивов. Постараемся теперь «подкрутить резкость» и увидеть, как ЭТО происходило в одном, отдельно взятом немецком городе. Даже не городе, а маленьком силезском городке с населением всего в 17 тыс. человек.

Штригау. Это название до недавних времен никому ни о чем не говорило (в отличие, например, от Неммерсдорфа, о трагических событиях в котором исписано уже много бумаги). Один из многих немецких городов и поселков Саксонии, по воле Сталина оказавшихся после Второй мировой войны в составе Польши. До войны в Штригау жило порядка 17—20 тыс. человек, к началу февраля 1945 г. поток беженцев увеличил население городка до 30 тыс. (хотя точных цифр, разумеется, сегодня не сможет назвать никто). 13 февраля 1945 г. войска 1-го Украинского фронта заняли Штригау. Четыре недели спустя городок снова оказался в немецких руках в результате одной из последних попыток вермахта перейти в контрнаступление.

В Штригау немецкие войска обнаружили 30 (тридцать) живых жителей и порядка двух сотен неубранных трупов. Предположительно 13—15 тыс. человек бежало из города до занятия его советскими войсками, остальные были изгнаны из своих домов, частично — отправ-

лены на принудительные работы в СССР (всего из Германии и стран Восточной Европы на принудительные работы в СССР было вывезено 267 тыс. немцев — не считая военнопленных).

Сотрудники немецкой криминальной полиции и члены похоронных команд в своих письменных отчетах описали то, что предстало их глазам в опустевшем городе. Два немецких историка («неофашисты», в терминах товарища Ржешевского), Мартин Бояновски и Эрих Босдорф, опубликовали эти свидетельства в своей книге «Штригау. Судьба одного силезского города», которую Научная комиссия Федерального правительства Германии по изучению истории изгнания привлекла в качестве документального материала.

Донесения о погибших в Штригау были разделены на «групповые находки и единичные находки» с точным указанием улицы и дома. Это выглядело так:

— *«в сточной канаве лежит раздавленный тяжелыми транспортными средствами труп подростка примерно 14 лет, выстрел в затылок»;*

— *«на диване лежит частично обнаженная мертвая женщина, два выстрела в рот»;*

— *«труп 72-летней женщины с выколотыми глазами»;*

— *«придавленный ящиком труп застреленной женщины»;*

— *«среди обломков стекла и фарфора в разграбленном магазине труп застреленной пожилой женщины с обнаженной нижней частью тела»;*

— *«трое мужчин, две женщины и ребенок примерно двух лет, застрелены»;*

— *«женщина 30—35 лет с обнаженной нижней частью тела, рядом в нескольких метрах женщина более старшего возраста, обхватив руками дерево, застрелены»;*

— *«труп мужчины с ножными протезами, рядом жена и ребенок, застрелены»;*

— «три пожилые женщины с обнаженной нижней частью тела и следами изнасилования, застрелены; на чердаке дома труп пожилого мужчины, повешенный вниз головой»;

— «на дверной щеколде висит труп мужчины, на чердаке лежат два обнаженных женских трупа со следами садистского изнасилования, застрелены; на диване застреленный мальчик примерно 12 лет, на кровати обнаженный труп 18-летней девушки со следами садистского изнасилования, застрелена»;

— «в подвале застреленная пожилая супружеская пара, глаза выколоты...».

Кроме многочисленных зверских убийств, похоронные команды зафиксировали в Штригау многочисленные случаи самоубийств, в том числе — групповых:

— «три женских трупа и один детский, самоубийство посредством газа»;

— «самоубийство супружеской пары через повешение на оконной раме; в подвале трупы одного мужчины и двух девушек разного возраста, самоубийство через повешение»;

— «четыре женских трупа и один подросток, смерть через отравление газом»;

— «два женских трупа, самоубийство посредством отравления газом»;

— «мать и дочь, сидя за столом, самоубийство посредством отравления газом»;

— «женщина вскрыла себе артерии, но перед этим удушила скрученным полотенцем свою дочь, лежащую рядом»;

— «на чердаке, рядом друг с другом повешены две пожилые женщины, одна молодая женщина, девушка примерно 20 лет и девочка 10—11 лет, все со следами изнасилования».

Подробности этого коллективного самоубийства на чердаке в доме № 5 по Циганштрассе известны, как это ни невероятно, от одной из участниц страшного события. Сохранилось письмо этой женщины (ей тогда было 47 лет), которое она написала сыну одной из погибших женщин. Опуская из уважения к читателю описание бесконечных групповых изнасилований («сексуальных коллизий», как выразился генерал армии И. Третьяк), перейдем сразу к концу письма:

«...Около 10 часов утра стало спокойнее, и мы все пошли в квартиру молодой фрау К., ее 11-летнюю дочь Траутель тоже изнасиловали. Там мы сварили какую-то еду. Но тут снова слышались шаги, и все повторилось снова. Мы кричали, мы умоляли их, чтобы они, наконец, оставили нас в покое, но они не знали жалости. Мы все договорились повеситься. Но опять кто-то пришел. Когда, наконец, они удалились, мы как можно быстрее побежали на чердак. Фрау Р. повесилась первой. Молодая фрау К. сначала повесила свою дочь Траутель, а потом повесилась сама. Так же поступила Ваша матушка с Вашей сестрой (т.е. мать повесила собственную дочь. — М.С.).

И вот мы остались только вдвоем, Ваша мама и я. Я попросила её, чтобы она сделала петлю для меня, сама я не была на это способна из-за возбуждения. Мы еще раз обнялись напоследок и отбросили дорожную корзину, на которой стояли. Я все-таки достала ногами до пола, веревка оказалась слишком длинной. Я посмотрела направо, затем налево, все висели в ряд, все были мертвы. Мне же не оставалось ничего другого, как только попытаться освободиться от веревки...»

Достоверны ли приведенные выше сведения? Можно ли верить документам, отчетам, свидетельствам лишь с одной, т.е. немецкой, стороны? Где экспертное заклю-

чение независимых и непредвзятых свидетелей? Увы, его нет. Где документы следственных дел советских военных трибуналов? Где отчеты советской военной прокуратуры? Их тоже нет. Почему же мы должны верить заявлениям одной, причем явно заинтересованной, стороны?

Вопрос хороший. Сильный, можно сказать, вопрос. Вполне соответствующий «новому мышлению», нормам и принципам правового государства. Правовое государство, как известно, предполагает наличие большой популяции адвокатов. Незыблемый принцип адвокатской работы известен: «Меня не интересует, совершал ли мой клиент инкриминируемое ему преступление, но я докажу, что обвинение не соответствует букве закона». Судя по тому, что многие адвокаты становятся состоятельными людьми, этот принцип неплохо работает.

И тем не менее далеко не всегда и не все убийцы и насильники, нагло улыбаясь, выходят на свободу прямо из зала суда. К счастью, платный адвокат не является единственным участником процесса — есть еще присяжные заседатели, есть судьи, имеющие столь же правовое право принимать решение *ex aequo et bono* (по совести и справедливости), опираясь не только на букву закона, но и на «внутреннее убеждение» (это, кстати, вполне законный российский УПК термин).

По совести и справедливости, каждому должно быть ясно, что чудовищные преступления, совершенные в годы Второй мировой войны, далеко не всегда (если не сказать жестче — «почти никогда») могут быть установлены в рамках формально-бюрократических процедур. Какая «комиссия независимых экспертов из нейтральной Швейцарии» установила факт зверского убийства жителей белорусской деревни Хатынь? Где документы? Где независимые свидетели? Впрочем, некоторые доку-

менты, как ни странно, сохранились. В архиве. Поэтому их можно с полным основанием назвать «архивными документами» (на некоторых читателей эти два слова производят магическое действие). В отчете командира 118-го полицейского батальона (сформирован из военнопленных Красной Армии в Киеве) карательная операция, проведенная в Хатыни 22 марта 1943 г., описана следующим образом:

«...Деревня была окружена и атакована со всех сторон. Противник при этом оказал упорное сопротивление и вел огонь из всех домов, так что пришлось применить тяжелое оружие — противотанковые пушки и тяжелые минометы. В ходе боевых действий наряду с 34 бандитами убито много жителей села. Часть из них погибла в пламени...»

Сами видите — архивные документы «неопровержимо» свидетельствуют: бой, противник, бандиты, часть жителей погибла в пламени. Случайно, надо полагать... И если мы — вполне справедливо — считаем кощунством подобные рассуждения, равно как и любые иные попытки поставить под сомнение реальность массовых преступлений, совершенных гитлеровцами и их пособниками на советской земле, то почему же в отношении преступлений, жертвами которых стали немецкие женщины и дети, должен применяться другой стандарт?

31 августа 1941 г. «Правда» опубликовала статью А.Н. Толстого «Лицо гитлеровской армии». 66 лет спустя издается книга А. Дюкова, в которой со ссылкой на эту статью сообщается, что *«на окраине деревни близ Белостока на пять заостренных колов было воткнуто пять трупов женщин. Трупы были голые, с распоротыми животами, отрезанными грудями и отсеченными головами. Головы женщин валялись в луже крови вместе с трупами убитых детей»*. Каким образом выдающийся советский

писатель, находясь за тысячу километров от занятого немцами в первые дни войны Белостока, мог удостоверить в таких ужасающих подробностях преступления?

И если статья в «Правде» военной поры (да еще и написанная известным своей «принципиальностью» автором, который за два года до того в той же газете и почти в тех же самых выражениях живописал зверства польской армии, бегущей под ударами дружественного на тот момент вермахта) должна считаться «документом», то почему менее достоверными должны считаться тысячи свидетельств, данных под присягой вполне конкретными людьми и опубликованных от имени Комиссии Федерального правительства демократической Германии?

Да, каждое по отдельности сообщение о военных преступлениях может при тщательной проверке оказаться неточным, преувеличенным, а то и вовсе вымышленным (не говоря уже о том, что в подавляющем большинстве случаев проверка, соответствующая строгим юридическим нормам, окажется практически невыполнимой). И в то же время вся совокупность событий, зафиксированная в таком «архиве», как народная память, не может не быть правдой.

Впрочем, не стоит думать, что попытки проверить (точнее говоря — любой ценой опровергнуть) сообщения о зверских расправах с гражданским населением Германии не предпринимались. Еще как предпринимались, с огромным шумом и помпой. Вот, например, в 2008 г. издательство «Яуза-ЭКСМО» выпустило в свет сборник статей под названием «Нам не за что каяться!» (ошеломляющий призыв для страны, население которой, если верить социологическим опросам последних лет, на три четверти считает себя православным). В пре-

дисловии к сборнику упомянутый выше А. Дюков пишет (правильнее сказать — кричит):

«...Нас пытаются лишить Великой Победы. Нам рассказывают о том, что Победа обернулась порабощением Восточной Европы, что советские солдаты изнасиловали Германию... России не останется ничего другого, как платить и каяться, каяться и платить, превратившись из субъекта в объект международной политики (странным образом г-н Дюков не замечает, что демократическая Германия и платит, и кается, и остается при этом одним из самых влиятельных субъектов мировой политики)... Время не ждет. Если мы не хотим, чтобы наших дедов и прадедов называли убийцами, пьяницами и мародерами, если мы не хотим, чтобы наших детей учили плевать на могилы предков...»

После такой «артподготовки» в сборнике появляется статья под названием «Неммерсдорф: между правдой и пропагандой» (автор И. Петров). Так в чем правда?

Начинается статья с того, что И. Петров вполне откровенно признает: *«Скажу сразу: имеющиеся на данный момент материалы практически не позволяют усомниться в том, что убийство гражданских лиц в Неммерсдорфе — дело рук солдат и офицеров Красной Армии»*. Далее констатирует еще один, весьма странный и несомненно прискорбный факт: *«Если в каких-то архивах и содержатся доклады «особистов» о случившемся в Неммерсдорфе, то историки доступа к ним пока не получили»*. Напоминаю: «пока» — это 64 года спустя.

О чем же тогда многостраничная статья? Вся неуклюжая попытка «разоблачения» сводится к поиску мелких и мельчайших неточностей, неувязок и нестыковок в имеющихся немецких документах и свидетельствах (*«лейтенант Цирн видел 7 убитых, унтер-офицер Шайбле — 11, и лишь майор Браумюллер говорит о 15...*

ни в одном отчете не упоминается выстрел в правый глаз, которым, согласно рапорту Хинрихса, была убита одна из девушек... человека, прибитого к дверям, никто не видел, заключение делается на основании ран на руках и показаний тяжелораненой свидетельницы, затем увезенной в неизвестном направлении и впоследствии так и не идентифицированной...»).

Разумеется, подобных нестыковок много. Их и не могло быть мало, учитывая обстоятельства времени и образа действий всех участников трагедии. Главное же «достижение» исследователя — утверждение о том, что в самом Неммерсдорфе было убито «всего лишь» 26 мирных жителей, а принятая в западной историографии цифра 70 относится к числу убитых как в самом Неммерсдорфе, так и на прилегающих к нему хуторах и имениях. Каяться же в убийстве гражданских лиц не надо, потому что... Да, разумеется, потому, что мы должны и сейчас, в 2008 году, сверять свои слова с делами доктора Геббельса:

«Геббельсовской пропаганде было необходимо пугало для населения восточных провинций рейха, и советские солдаты, расстреляв стариков, женщин и детей, сыграли ей на руку. Жуткие цвета и кровавые детали большей частью добавили уже сами пропагандисты...»

Иногда отчаянное нежелание называть факты своими именами приобретает совсем уже фарсовый характер. Так, российский интернет-портал Infox.ru разместил 12 января 2009 г. сообщение о том, что в древнем прусском городе Мариенбург (ныне Мальборк, Польша) в ходе строительных работ было обнаружено массовое захоронение. Около 1800 человек, в том числе женщины и дети, были захоронены голыми, без одежды, обуви, ремней, очков и зубных коронок. Более 100 черепов имели явные следы пулевых пробоин. Исходная

статья в британской газете «Гардиан» имела заголовок «Remains of 1,800 German civilians found in wartime mass grave». В подзаголовке к статье было высказано предположение, что «men, women and children» (мужчины, женщины и дети) «have been killed as Red Army captured town» (были убиты, когда Красная Армия заняла город). Трудно поверить, что в Москве златоглавой нельзя было найти переводчика, способного разобраться со словосочетанием «German civilians» (немецкие гражданские лица). Однако статья в российском интернет-издании получила название «В Польше найдено массовое захоронение немецких солдат», а в подзаголовке было сказано еще интереснее: «Эксперты подозревают, что это поляки, погибшие от советского оружия...»

• Времена, однако же, меняются, и в 2008 г. появилась статья, в которой без малейших оговорок и экивоков, самым что ни на есть прямым текстом были названы чудовищные факты:

«...14 миллионов немцев были изгнаны из своих домов, лишь 12 миллионов сумели добраться до Германии живыми... Изгнание немцев из Восточной Европы сопровождалось масштабнейшим организованным насилием... оставшееся немецкое население сгоняли в концентрационные лагеря; взрослые использовались на принудительных работах, причем в зиму 1945/46 года смертность в лагерях достигала 50%. Так, в лагере Потулице в период между 1947 и 1949 годом от голода, холода, болезней и издевательств со стороны охранников погибла половина заключенных... Один из самых чудовищных случаев произошел в ночь с 18 на 19 июня 1945 г. в городе Прерау, где расстреляли 265 немцев, среди которых было 120 женщин и 74 ребенка. Самому старшему из убитых было 80 лет, а самому младшему — восемь месяцев...»

Причем опубликовал эту статью («Изгнаны и убиты»)

не какой-нибудь печатный листок временно недобитых либералов, «шакалящих у дверей западных посольств», а вполне уважаемый, дорогой и солидный журнал «Эксперт» (№ 30 от 28 июля 2008 г.). Заметим, что редакция журнала позиционирует свое детище, как *«одно из самых влиятельных еженедельных аналитических изданий России, заслужившее репутацию несомненного лидера деловой журнальной прессы»*, а гендиректор медиахолдинга «Эксперт» г-н Фадеев по совместительству является директором близкого к «Единой России» Института общественного проектирования и председателем комиссии в Общественной палате РФ.

Самое же удивительное в истории с публикацией «Эксперта» то, что никто не возмутился! Никто! Ни товарищ Гареев, «как на духу» не слыхавший о случаях изнасилования (не говоря уже про убийства), ни товарищ Ржешевский, неизменно требующий предъявить «веские документальные основания для выдвижения столь тяжелых обвинений», ни товарищ Дюков, крайне обеспокоенный тем, что России придется «платить и каяться»...

А разгадка предельно проста. Она сводится к одному слову из трех букв.

ПРО.

После того как бывшие союзники по Варшавскому договору перешли в НАТО, да еще и дали согласие на размещение элементов американской системы ПРО на своей территории, у части российских историков и журналистов внезапно прорезалась память. Они разом вспомнили давно известные факты и поспешили напомнить Польше и Чехии некоторые забытые эпизоды их послевоенной истории.

Статья в «Эксперте» написана в высшей степени «взвешенно и политически выдержанно». Главный ак-

цент — на изгнании немецкого населения из Чехии и переданных Польше районов Восточной Германии, короткой скороговоркой — про события в Венгрии и Румынии (там американской ПРО пока нет и не предвидится) и ни одного слова (!!!) о Югославии («братская Сербия, противостоящая натовой агрессии»), где в 44—45 гг. погибло 69 тыс. человек — каждый третий из 200 тыс. немцев, не успевших бежать из страны. И что само собой разумеется — ни одним словом «Эксперт» не вспомнил о том, что в городах и поселках Восточной Пруссии, отошедших к Советскому Союзу, немцев изгоняли и убивали точно так же, как и в районах Восточной Пруссии и Померании, переданных Польше; что товарищ Сталин тоже несет некоторую ответственность за события, произошедшие на оккупированной Красной Армией территории Чехословакии, Венгрии и Югославии; что марионеточное «польское правительство» товарища Берута без согласия Москвы не то что три миллиона немцев — три табуретки в собственном офисе не посмело бы переместить с места на место...

Завершая печальный перечень фактов массовой депортации и массовых убийств немецкого населения, мне остается только сообщить читателю, что я его обманул. Причем трижды. В приведенные выше отрывки из книги И. Гофмана я вставил три эпизода из мемуаров Л.Н. Рабичева (старший лейтенант, на фронте с декабря 1942 г., дошел до Праги, награжден двумя орденами Отечественной войны II степени, орденом «Красная Звезда», медалями). Его воспоминания (опубликованы в журнале «Знамя», №2/2005 г.) почти дословно совпадают со свидетельствами, приведенными И. Гофманом. И это при том, что «плагиат» (или неосознанное копирование) невозможен в принципе: Гофман умер за три года до выхода в свет мемуаров Рабичева, а его книга

«Сталинская война на уничтожение» была издана на русском языке лишь в 2006 г.

Без заметных глазу «стыков» и «швов» в цитаты из книги И. Гофмана можно было бы вставить и вот этот отрывок из докладной записки секретаря ЦК ВЛКСМ Н. Михайлова, направленной 29 марта 1945 г. секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову:

«В ночь с 23 на 24 февраля группа офицеров и курсантов в количестве 35 человек явилась в пьяном виде на фольварк Грутенненг, оцепила фольварк, выставила пулеметы, обстреляла и ранила красноармейца, охранявшего здание. После этого началось организованное изнасилование находящихся на фольварке девушек и женщин...» Но такая «вставка» была бы недопустимым подлогом, так как в докладе Михайлова речь шла вовсе не о бесчинствах по отношению к гражданскому населению Германии, а о *«диком и хамском отношении к освобожденным советским девушкам и женщинам»*. С пулеметами в руках *«группа офицеров и курсантов в количестве 35 человек»* штурмовала пункт временного размещения освобожденных от фашистской неволи «остарбайтеров»...

К сожалению, я знаю, чего с нарастающим нетерпением желает сейчас услышать значительная часть читателей. Увы, вынужден заявить со всей определенностью: «Не дождетесь». Предумышленные зверские убийства женщин и детей не могут иметь никаких оправданий. Никаких. Печально, что 147-долларовое за баррель «вставание с колен» отравило сознание многих моих соотечественников до такой степени, что они уже не способны понять — каким чудовищным оскорблением памяти павших солдат Великой Отечественной являются рассуждения на тему о том, что «гитлеровцы ТОЖЕ убивали женщин и детей...».

Здесь нет темы для дискуссии, и я не буду тратить время на пустое морализирование. Нормальные люди меня поймут. Одичавших мне не переубедить. Для тех, кто небезнадежен, процитирую все же несколько строк из статьи И. Эренбурга, напечатанной в «Красной Звезде» 14 марта 1945 г. В них вполне доступно разъяснена разница между скотской злобой и благородной ненавистью солдата-освободителя к врагу:

«Я получил вчера письмо от человека, которого больше нет. На листе бумаги — след крови. Офицер Борис Антонович Курилко погиб на немецкой земле, защищая свободу и честь нашей Родины. Письмо мне переслали его товарищи, и я хочу, чтобы последние слова товарища Курилко дошли до моих читателей, как они дошли до меня. Вот что писал накануне смерти офицер Красной Армии:

«Огонь ненависти поддерживал нас в самые тяжелые дни. Теперь мы в Германии. Наша ненависть ведет нас к Берлину. Немцы думают, что мы будем делать на их земле то, что они делали на нашей. Эти палачи не могут понять величие советского воина. Мы будем суровы, но справедливы, и никогда, никогда наши люди не унижат себя...»

Гордость переполняет мое сердце, когда я держу этот лист бумаги: на нем кровь героя и на нем слова, написанные кровью, высокие, прекрасные слова. Мы побеждаем фашизм не только на поле брани, мы побеждаем его в моральном поединке между злом и добром... Наша ненависть — высокое чувство, оно требует суда, а не расправы, кары, а не насилия... Советский воин пришел в Германию не за добычей, не за барахлом, не за наложницами, он пришел в Германию за справедливостью... Защитник Сталинграда, солдат Ельни, Ржева и Севастополя выше немцев: выше не по «крови» — оставим низким «арийцам» их низкие выдумки — выше по сознанию, по совести, по сердцу. Он презирает немцев, презирает их мишуру, их барахло, их флаги, их

газеты, их женщин, их вчерашнюю спесь и сегодняшнюю угодливость. Он пришел сюда не как мститель, он пришел сюда как судья...»

Другой темой, о которой, по мнению многих, никак нельзя было умолчать, являются бомбардировки Германии англо-американской авиацией. Да, действительно, массированные бомбардировки (в особенности неприцельные ночные бомбардировки «по площадям») привели к гибели сотен тысяч безоружных немцев, женщин и детей; лишили крова и имущества миллионы людей, обратили в груды щебня величайшие памятники европейской истории и архитектуры. Однако в данной статье я вполне осознанно не стану обсуждать эту тему. И не только потому, что стратегические бомбардировки Германии были осуществлены союзниками по меньшей мере при полном согласии советской стороны (что же касается печально-знаменитой бомбардировки Дрездена, то она состоялась по прямому требованию Сталина, который обвинил в Ялте союзников в предумышленном нежелании разрушить транспортные магистрали Восточной Германии). Есть гораздо более значимая причина.

Бомбардировки городов Германии авиацией союзников были частью стратегии ВОЙНЫ. Авиация союзников уничтожала заводы, на которых производили оружие для Гитлера, разрушала железнодорожные станции, по которым перевозили войска Гитлера, убивала и терроризировала немецких рабочих, которые (может быть, и не всегда по своей воле) работали на Гитлера. До сведения немцев было доведено условие, при котором бомбардировки будут прекращены: полная и безоговорочная капитуляция страны-агрессора.

Это обещание западные союзники безоговорочно выполнили — ни одна бомба не упала ни на один не-

мецкий город после подписания Акта о капитуляции Германии. Более того, даже во время войны — насколько мне известно — союзники не разбомбили ни один немецкий город на занятой/освобожденной территории. Хотя бомб и авиабензина у них хватало, и выразить «чувство мести за разрушенный Ковентри» можно было и таким, технически-сложным, способом. С другой стороны, зверские расправы над гражданским населением Германии на территориях, контролируемых Красной Армией, начинались как раз таки ПОСЛЕ захвата этих территорий и подавления вооруженного сопротивления.

Еще раз повторю — преступления перед человечеством не имеют ни оправдания, ни срока давности. Целью же данной статьи является отнюдь не запоздалое морализаторство, а поиск подлинных причин, сделавших возможными трагические и позорные события на немецкой земле. Поиск объяснений, но не оправданий. И, по моему мнению, вопрос этот совсем не простой.

Желание отомстить за чудовищные злодеяния, совершенные захватчиками на советской земле, конечно же, имело место. Однако не всегда и не всякое желание реализуется в действиях, и не всякое желание рядовых солдат одобряется и допускается командирами. Наконец, кроме внешнего контроля, у всякого человека существует еще и самоконтроль. Может быть, я остаюсь неисправимым идеалистом, но мне трудно поверить в то, что нормальный русский мужик, призванный в армию из смоленской деревни, крещенный в детстве, воспитанный в трудовой семье, мог прибивать немецких детей языками к столу и распинать женщин на алтарях храмов. Среди множества народов, населявших многонациональный Советский Союз, были народы, помнящие законы «кровной мести», но я никогда не слышал,

чтобы эти обычаи предполагали зверское групповое изнасилование жен и дочерей «кровного» врага. И мне кажется, что те, кто приписывает солдатам Красной Армии ТАКИЕ способы реализации чувства ненависти к врагу, превзошли самого Геббельса с его тезисом об «азиатских ордах большевиков»...

Отбросив патетику, мы можем констатировать и вполне определенный, твердо установленный — и весьма странный на фоне всего вышеизложенного — факт: немецких военнопленных в советском тылу не расстреливали, не истязали, не распинали на дверях сараев, не давили бульдозерами. Отношение гражданского населения советского тыла к пленным немцам было на удивление толерантным. И это не «красная пропаганда», а доподлинно известный миллионам современников событий факт.

Нет, разумеется, советский плен не был «домом отдыха»; пленных использовали на тяжелых работах, им приходилось жить в непривычном для них холодном климате и в условиях привычных для советских людей голода и лишений. С учетом того, что многие немецкие военнослужащие попали в плен ранеными, обмороженными, больными, тяжелые условия содержания привели к огромной смертности: по самым скромным официальным оценкам, в советском плену погибло более 450 тыс. немецких солдат и офицеров.

Признавая этот отнюдь не радостный факт, нельзя не видеть и другое: случаи преднамеренных, тем более садистских, убийств немецких пленных были крайне редки даже во фронтовой полосе; в тыловых лагерях для военнопленных они если и имели место, то лишь как редчайшее чрезвычайное происшествие. Работающие на стройках и шахтах немецкие пленные получали 600 г хлеба (стандартный паек советского рабочего, и это

больше, чем норма для неработающих «иждивенцев»), а сердобольные русские женщины порой подкармливали безоружных и беспомощных врагов (о чем с удивлением и благодарностью вспоминали много лет спустя немецкие солдаты). Сотням тысяч немецких пленных в советских военных госпиталях была оказана квалифицированная медицинская помощь, вернувшая их к жизни.

Со всеми оговорками о том, что на войне нет места для нормальной человеческой логики, трудно совместить многолетнее гуманное отношение к обезоруженным немецким солдатам (а на руках у многих из них была кровь мирных советских граждан) и якобы «стихийный взрыв» дикой ненависти к немецким женщинам и детям, по непонятной причине захлестнувший армию в последние месяцы войны.

По меньшей мере в порядке рабочей гипотезы следует предположить, что «жажда мести», охватившая солдат Красной Армии в момент перехода границ Германии, была и не единственной, и не самой важной в ряду причин, обусловивших ужасные события на земле Германии. Не так и трудно увидеть другие, более значимые факторы.

Первым (если и не первым по значимости, то вполне очевидным и бесспорным) следует назвать катастрофическое падение воинской дисциплины, каковое падение, конечно же, не с неба упало, а было вполне закономерно обусловлено открытым и массовым мародерством командного состава.

Обычно при любой попытке обсуждения темы насилия над гражданским населением Германии немедленно раздаются голоса, спешащие напомнить о том, что «советское командование отдавало приказ за приказом...». Сушья правда. Приказ за приказом (о них мы

поговорим чуть позже). Но для понимания реальной картины событий мне представляется неизмеримо более важным цитировать не многочисленные приказы, в которых мародерам грозили жуткими карами, вплоть до расстрела, а вот этот, ныне уже широко известный, протокол обыска дачи бывшего Главкома группы Советских оккупационных войск в Германии, «маршала Победы» Г.К. Жукова:

«...Две комнаты дачи превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей. Например: шерстяных тканей, шелка, парчи, панбархата и других материалов — всего свыше 4000 метров; мехов — собольих, обезьяньих, лисьих, котиковых, каракульчевых, каракулевых — всего 323 шкуры; шевро высшего качества — 35 кож; дорогостоящих ковров и gobеленов больших размеров, вывезенных из Потсдамского и др. дворцов и домов Германии — всего 44 штуки... ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамках — всего 55 штук, развешенных по комнатам дачи и частично хранящихся на складе; дорогостоящих сервизов, столовой и чайной посуды (фарфор с художественной отделкой, хрусталь) — 7 больших ящиков; серебряных гарнитуров столовых и чайных приборов — 2 ящика; аккордеонов с богатой художественной отделкой — 8 штук; уникальных охотничьих ружей фирмы Голанд-Голанд и других — всего 20 штук...

Вся обстановка, начиная от мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах, — заграничная, главным образом немецкая. На даче буквально нет ни одной вещи советского происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе на дачу. На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке.

Зайдя в дом, трудно себе представить, что находишься под Москвой, а не в Германии...»

Этот протокол был подписан министром госбезопасности СССР Абакумовым 10 января 1948 года. 20 января 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б), «заслушав сообщение комиссии в составе тт. Жданова, Булганина, Кузнецова и Шкирятова», приняло специальное постановление «О т. Жукове Г.К.», в котором, в частности, отмечалось, что «подчиненные Жукова, угодничая перед ним, забирали картины и другие ценные вещи во дворцах и особняках, взломали сейф в ювелирном магазине в г. Лодзи (это не Германия, это «освобожденная» Польша. — М.С.), изъяв находящиеся в нем ценности, и т.д. В итоге всего этого Жуковым было присвоено до 70 ценных золотых предметов (кулоны и кольца с драгоценными камнями, часы, серьги с бриллиантами, браслеты, броши и т.д.), до 740 предметов столового серебра и серебряной посуды и, сверх того, еще до 30 килограммов разных серебряных изделий...» (РГА-СПИ, ф. 17, оп. 3, д. 2198, л. 28 — 29).

В этом документе для нас самым важным будет упоминание о «подчиненных Жукова». Разумеется, маршал и командующий фронта не сам ползал по развалинам «дворцов и особняков» в поисках добычи, для таких дел существовали полковники из его свиты. Но и полковники не самолично курочили сейфы в ювелирном магазине и не собирали «шкурки обезьяны и каракульчевые». Практическая работа поручалась майорам и капитанам, которые брали с собой — для порядка и охраны — взвод автоматчиков под командованием лейтенанта, а у лейтенанта был водитель на «виллисе», младший сержант, и тоже парень не промах. Серьги с бриллиантами сержантам приходилось, увы, сдавать начальству, но кое-какая мелочовка и у них в карманах завалялась... Вся эта «логическая цепочка» давно уже имеет в русском

языке ясное и вполне однозначное объяснение: «Рыба гниет с головы».

Исключительно и только с головы. При таком поведении старших командиров младшему сержанту можно было зачитать сколько угодно и каких угодно приказов. Это мало что меняло в ситуации, когда Устав был негласно заменен на «понятия». С этого момента Красная Армия начала стремительно меняться. Даже внешне:

«...Красочный, живописный вид имела эта лавина войск, двигавшихся с востока на запад. Танки, задымленные, забрызганные грязью, были покрыты пестрыми, яркими коврами, а на коврах сидели чумазые танкисты в черных, пропитанных машинным маслом бушлатах. Кто-нибудь вытаскивал из-за пазухи бутылку и, запрокинув голову, пил из горлышка, — передавал соседу и хриплым голосом, стараясь перекричать грохот мотора и скрежет гусениц, выкрикивал слова песни...

Орудийная прислуга, удел которой — трястись на зарядных ящиках, обложилась мягкими диванными подушками, вышитыми шелком, и чувствовала себя превосходно: пиликала на немецких губных гармониках, растягивала меха аккордеонов, богато отделанных перламутром и серебром.

В потоке танков, орудий, автомашин, армейских двуколок нередко попадалась старинная помещичья карета — крытая, с зеркальными дверцами и фонарями, или длинное ландо с лакированными закрылками. В каретах сидели молоденькие офицеры и солдаты — в шинелях с погонами, автоматами через плечо, но в цилиндрах и с зонтиками...»

Действительно, вид был очень красочный. Как пишет И. Гофман, «Красная Армия находилась в состоянии нарастающего одичания... советские солдаты перешли к тому, чтобы вместо предписанного головного убора надевать наполеоновские шляпы, носить трости, зонтики,

резиновые плащи, тем самым все больше приобретая вид грабителей и мародеров». Можно ли верить немецкому «историку-неофашисту»? Можно и нужно, потому как далее Гофман цитирует сохранившиеся в военном архиве Германии приказы. Например, приказ № 006 Военного Совета 2-го Белорусского фронта от 22 января 1945 г., в котором констатировалось, что «наряду с ограблениями, мародерством, поджогами наблюдается массовое пьянство... машины загружены всевозможными предметами домашнего обихода, захваченным продовольствием и гражданской одеждой до такой степени, что стали обузой для войск, ограничивают свободу их передвижения и снижают ударную силу танковых соединений». Про кареты, цилиндры и зонтики упоминалось и в приказе командующего 1-го Украинского фронта маршала И.С. Конева от 27 января 1945 г., где отмечалось также, что в ходе проверки были выявлены танки, забитые награбленным барахлом до такой степени, что не оставалось места для экипажа.

Повальное мародерство стало делом настолько привычным и обыденным, что даже в официальном сообщении Главного трофейного управления Красной Армии в общем перечне «военных трофеев» были упомянуты 60 тыс. роялей и пианино, 460 тыс. радиоприемников, 190 тыс. ковров, 940 тыс. предметов мебели, 265 тыс. настенных и настольных часов. Что же касается часов наручных и карманных, «сбор» которых весной 45-го года приобрел в Красной Армии характер массового помешательства, то количество этих «трофеев» не поддается никакому исчислению...

Воинская дисциплина в известном смысле чрезвычайно схожа с беременностью: она или есть, или её нет. Промежуточное состояние не предусмотрено. И если в армии стало «можно» выбить дверь прикладом, во-

рваться в дом, содрать с ушей перепуганных женщин золотые сережки, перевернуть все вверх дном в поисках злосчастных часов и выпивки, то уже очень тонкая грань отделяла такие действия от следующих шагов в деле «мщения за поруганную советскую землю». А приказы? Да, приказы были; тех, кто на свою беду попал «под горячую руку», могли сурово наказать. Один из таких случаев красочно описан в автобиографической повести М.М. Корякова (отрывок из которой был процитирован выше). Борьба за дисциплину выглядела так:

«...Солдат стоял перед полковником навывтяжку в сдвинутой на затылок черной дамской шляпке, украшенной цветами и фруктами. В карете, которую солдат увез со двора какого-то силезского помещика, лежала желтая свиная туша, а к фонарям были подвязаны задушенные куры.

— *Курятины захотел? Свинины? Ты нашим советским пайком недоволен?* — кричал полковник и ударял солдата по щеке рукой, затянутой в лайковую перчатку. — *Тебе приказ товарища Сталина от 19 января читали?*

— *Читали, товарищ полковник,* — отвечал солдат, бледнея.

— *Приказ командующего фронтом тоже читали?*

— *Читали, товарищ полковник.*

— *Так чего же ты, туды-т-твою мать!* — рывкнул полковник и посмотрел пьяными, бычьими глазами по сторонам, ища, что бы такое сделать солдату. Взгляд его наткнулся на курицу, болтавшуюся на веревочке у фонаря, и он сорвал одну, хватил за шейку и наотмашь ударил курицей по лицу солдата.

Полковник был пьян. В «виллисе» на сиденье, застланном ковром, лежала пузатая, оплетенная прутьями бутль. Покачиваясь, широко расставляя ноги, он подошел к «виллису» и, влезая, погрозил солдату:

— Ты у меня будешь уважать приказы товарища Сталина! Я тебя научу!»

Правды ради надо отметить, что этому полковнику крупно повезло — он был пьян, а солдат трезв. С пьяными советскими солдатами в «поверженной Германии» лучше было не связываться. Тот же Коряков (боевой капитан, прошедший всю войну от Москвы до Силезии) пишет:

«На Вильгельмштрассе в Бунцлау я пережил ночь, самую страшную в моей жизни. Ни под бомбежками, — скажем, на Волыни, где в одну ночь снесен был полностью город Сарны, — ни на переднем крае под огнем немецких шестиствольных минометов, нигде не испытал я такого страха, как тут, в этом мирном немецком квартале... Мы легли спать в десять вечера. Дверные замки были поломаны, к дверям приставили стол, ведра с каменным углем. Не прошло и полчаса, как дверь зашаталась, баррикада поехала... Танкисты... Шестеро. Не одни солдаты, но и офицеры. Пистолеты наружу, за поясами. Нимало не обращая на меня внимания, протопали вверх по лестнице. Наверху, над потолком, раздались женские крики, плач детишек. В волнении стал я одеваться. Девушка и старики Вюни умоляли меня не ходить туда: убьют! Минувшей ночью убили офицера городской комендатуры, пытавшегося помешать насилью. Всю ночь мы слушали в страхе крики несчастных женщин, плач детей и топот, топот тяжелых солдатских сапог над головой...»

Личные воспоминания М. Корякова вполне подтверждаются документами немецких военных архивов. Так, 10 февраля 1945 г. на сторону противника перешел капитан Б., командир батальона 510-го стрелкового полка 154-й стрелковой дивизии. Свой поступок — достаточно неординарный для последних недель войны —

он объяснил тем, что застрелил двух своих подчиненных, застигнутых в момент группового изнасилования немецкой девочки, и *«не мог более смотреть, как красноармейцы обращаются с гражданским населением»*. Попавший в плен младший лейтенант из 287-й стрелковой дивизии на допросе показал, что несколько офицеров его части, попытавшихся воспрепятствовать насилию над гражданским населением, были застрелены распаленными красноармейцами. Напротив, капитан Е., командир батальона из состава 4-го гвардейского танкового корпуса 2 февраля 1945 г. застрелил своего подчиненного, который попытался было заступиться за изнасилованную капитаном Е. женщину. В поселке Гермау, занятом частями 91-й гвардейской стрелковой дивизии, советский военный комендант в целях спасения немецких женщин от насилия собрал их в помещении церкви и выставил вооруженную охрану, которой было приказано в случае необходимости стрелять по красноармейцам...

У «нарастающего одичания» Красной Армии была еще одна причина — радикальная смена состава и человеческого «качества» призывного контингента.

Велика Россия, но и она не могла до бесконечности кормить миллионами молодых мужчин прожорливое чудовище многолетней войны. Без малого пять миллионов человек находилось в составе Вооруженных Сил СССР уже к моменту начала войны. По Указу Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г. было мобилизовано 10 млн человек. Затем, по постановлению ГКО от 11 августа 1941 г. — еще 4 миллиона. Осенью 41-го призывали уже родившихся в 1890 г., т.е. пятидесятилетних мужчин. Еще 2 миллиона поступило в армию через т.н. «народное ополчение».

Волны мобилизации 1941 г. поглотили без остатка весь накопленный в предвоенное десятилетие запас обученных, прошедших действительную военную службу резервистов. Но прожорливое чудовище требовало все новой и новой крови. С 1 января по 1 марта 1942 г. мобилизовано еще 700 тыс. человек... Разумеется, в тылу оставались многие миллионы мужчин, но армия 20 века не могла воевать и побеждать палками и камнями. А для того, чтобы воевать танками, пушками и самолетами, для того, чтобы все эти горы военной техники обеспечить боеприпасами, горючим, запчастями, за спиной одного солдата должны были работать в тылу не менее пяти рабочих и хлеборобов.

Ко второй половине 1944 г., к тому моменту, когда наступающая Красная Армия подошла к границам Германии и ее союзников, в ее рядах практически не осталось комсомольцев-добровольцев, осаждавших военкоматы в июне 41-го. Фраза «прошел всю войну от Буга до Волги и от Волги до Эльбы» — если только она не является дежурным газетным штампом — может быть применима лишь к людям совершенно уникальной судьбы, «родившимся в сорочке»... Пять месяцев в пехоте. Одиннадцать месяцев в танковых войсках. Статистика беспощадно свидетельствует, что после этого очередная единица «личного состава» переходила в разряд безвозвратных (убитые, пропавшие без вести) или санитарных (раненые, больные, обмороженные) потерь. Причем это статистика 43—45 гг., в которой не отражены катастрофические потери первого года войны!

И тем не менее к концу 1944 г. только в Действующей армии (т.е. без учета тыловых, учебных, транспортных, санитарных частей и учреждений Вооруженных Сил) числилось 6,7 млн человек. Откуда же их набрали?

Подросли и достигли призывного возраста маль-

чишки военных лет — голодные, худые, выросшие в условиях фактической беспризорности (отец на фронте, мать — с рассвета до заката на заводе), воспитанные изрядно криминализованной по военному лихолетью улицей. На протяжении всей войны «спецрезервом» призывных контингентов оставался ГУЛАГ, причем на фронт, в Действующую армию, отправляли главным образом «блатарей», уголовников (58-я статья представлялась недостаточно благонадежной). Но и из этих «сусеков» последние крохи были выметены еще раньше. Главным же источником призывных контингентов в последний год войны стала освобожденная от немецкой оккупации территория западных областей СССР.

Там было кого призывать: 1,5 млн человек 1905—1918 г. р., не попавших под 1-ю военную мобилизацию (уклонились от призыва или сам военкомат исчез раньше, чем успел разослать повестки); 3,6 млн мужчин 1890—1904 г. р., оставленных и/или оставшихся на оккупированной территории к моменту объявления 2-й волны мобилизации (август 41-го). Не известно точно число подростков, достигших к 1944 г. призывного возраста. И еще по меньшей мере 1—1,5 млн «окруженцев», дезертиров, «отставших от своей части» и т.п. Теоретически все эти люди должны были существовать и после прихода Красной Армии прибыть к вновь организованному военкомату.

Практически все было гораздо сложнее — очень не просто было мужчине призывного возраста пережить три года оккупации. Слишком много вопросов вызывал он у немецких властей: если бывший военнослужащий Красной Армии — то почему не в лагере для пленных? Если партизанский разведчик — то почему еще не арестован? Уклонился от призыва — или оставлен органами НКВД для организации диверсионной работы? Лояль-

ность по отношению к «новому порядку» приходилось доказывать.

Каждый доказывал по-своему. 511 тыс. советских людей работало на железных дорогах — тех самых, которые периодически взрывали советские партизаны. Сотни тысяч пошли на службу в организованные оккупантами полицейские батальоны, казачьи полки, отряды «местной самообороны», всевозможные «национальные» вооруженные формирования. Так, только в составе печально-знаменитой Русской освободительной народной армии (позднее «освободительная армия» была преобразована в 29-ю дивизию СС) Б. Каминского против партизан на Брянщине воевало более 10 тыс. человек. И если тех, кто с оружием в руках воевал на стороне гитлеровцев, было все же относительно немного, то гораздо большее число бывших советских граждан сумело «подсуетиться по мелочи»: кто-то без лишнего шума донес на соседа, кто-то помог немцам найти спрятавшуюся в подвале еврейскую семью. Кто-то и вовсе никого не предавал и не доносил, напротив — с риском для здоровья и жизни грабил опустевшие квартиры, вступая при этом в ожесточенную схватку с другими мародерами...

Жизнь под немецкой оккупацией (если это можно было назвать жизнью) быстро заставила забыть «Катюшу», «Три танкиста», «Если завтра война» и прочие замечательные советские песни. Новые понятия были гораздо проще: «Человек человеку — волк», «Умри ты сегодня, а я — завтра». И диалектику теперь советские люди «учили не по Гегелю» — начиная с середины 1943 г. начался массовый переход «полицаев» на сторону партизан. Настолько массовый, что 7-тысячная «русская национальная бригада СС» под командованием Гиля-Родионова превратилась в «1-ю антифашистскую партизанскую бригаду», и к лету 1944 г. четвертую часть всех

партизан Белоруссии составляли бывшие «полицаи» и «добровольцы» вермахта.

Большим упрощением реальной картины событий будет и представление о том, что остальные три четверти только тем и занимались, что пускали под откос немецкие поезда. Некоторое (не будем сейчас спорить о количественных оценках) количество «партизанских отрядов» всю войну занималось главным образом «самоснабжением», т.е. заурядным грабежом местных жителей. Некоторые активисты даже наладили регулярный сбор зерна с окрестных деревень, перегоняли его на самогон в промышленных масштабах и вооруженной рукой контролировали «рынки сбыта»...

Всю эту разношерстную публику «органы» после более-менее поверхностной проверки передавали в распоряжение военкоматов. Бывшие «полицаи», бывшие дезертиры, бывшие «партизаны» и просто бандиты, одинаково постриженные наголо, одевали красноармейскую форму и шли на фронт. Мне не известны точные цифры. Я не могу с уверенностью сказать — были ли среди советских солдат, бесчинствовавших в Неммерсдорфе и Штригау (равно как и в сотнях других городов и поселков Германии), «перековавшиеся» каратели из 118-го полицейского батальона, спалившего Хатынь вместе с жителями. Но номер батальона в данном случае не столь важен.

Может быть, бывшие каратели, доносчики, мародеры, уголовники составляли 5% от общего призывного контингента 44-го года. Может быть, 55%. Историки должны, в конце концов, выяснить и эти подробности, но для целей данной статьи они не имеют принципиального значения. В любом случае в состав Красной Армии влились десятки (если не сотни) тысяч морально деградировавших, потерявших всякие нравственные

ориентеры, привычных к садистскому насилию людей. В определенных условиях этого было уже достаточно для того, чтобы совершить те кровавые бесчинства, о которых шла речь выше. Важны не проценты (социальная психология давно уже пришла к выводу о том, что нормы поведения людской массы определяет меньшинство в 5—10%), а как раз «определенные условия». В одной ситуации подонки старались бы вести себя тише воды, ниже травы, в другой — они начинали активно навязывать свои криминальные «понятия» большинству. И вот тут мы подходим наконец к главному — к тому, кто ставил задачи и устанавливал условия. К тому главному, без упоминания о ком невозможно никакое серьезное обсуждение истории войны. К товарищу Сталину.

Верховный Главнокомандующий Генералиссимус Сталин несет личную ответственность за военные преступления, совершенные на земле Германии, уже в силу того очевидного и бесспорного правила, по которому командир несет ответственность за действия своих подчиненных. Надеюсь, с этим утверждением немедленно согласятся все те, кто любит повторять: «Сталин выиграл войну». Ну, если он ее один выиграл, то и судить за не имеющие срока давности военные преступления надо его одного...

Есть, однако же, и более серьезные причины предполагать, что массовое зверское насилие над гражданским населением Германии было с преступным умыслом организовано Сталиным и его подручными. То, что на первый поверхностный взгляд кажется взрывом «слепой стихии мщения», могло быть заранее спланированной и проведенной в жизнь с циничным и корыстным расчетом операцией. Дабы не тратить более слова, пе-

рейдем сразу же к стенограмме переговоров «Большой тройки» в Потсдаме.

Пятое заседание, суббота 21 июля 1945 года:

Сталин: *«Американское и британское правительства предлагали нам несколько раз не допускать польскую администрацию в западных областях, пока окончательно не решен вопрос о западной границе Польши. Мы не смогли следовать этим предложениям, так как немецкое население последовало на запад вместе с отступавшими немецкими войсками...»*

Трумэн: *«Определение будущих границ — задача мирной конференции».*

Сталин: *«Очень тяжело восстановить немецкую администрацию на этой территории, все [немцы] разбежались».*

Трумэн: *«Я полагаю, что мы в свое время сможем достичь соглашения о будущих границах Польши, но сейчас меня интересует вопрос об этих областях на время оккупации».*

Сталин: *«Эти области на бумаге относятся к территории немецкого государства, на самом деле это — польские территории, так как немецкого населения на них больше нет».*

Трумэн: *«Девять миллионов немцев — это очень много».*

Сталин: *«Они все бежали».*

Черчилль: *«...Еще одно замечание по заявлению генералиссимуса Сталина о том, что все немцы покинули эти области. Имеются другие данные, которые говорят о том, что там все еще остается от двух до двух с половиной миллионов человек. Эту ситуацию необходимо изучить».*

Сталин: *«Война привела к тому, что из этих восьми миллионов немцев там не осталось почти никого... Когда мы пришли в ту зону, которая рассматривалась в каче-*

стве приращения к польской территории, там из немцев не осталось никого. Таков был ход вещей...»

Черчилль: «Немедленное переселение восьми миллионов человек — это дело, которое я поддержать не могу. Широкомасштабное переселение будет шоком для моей страны... Если немецкое население не обеспечит достаточным количеством продовольствия, то в нашей собственной зоне оккупации воцарятся условия, сходные с немецкими концентрационными лагерями, только в еще больших размерах».

Сталин: «Но вы можете покупать зерно из Польши».

Черчилль: «Мы не считаем, что эта область является польской территорией».

Сталин: «Там живут поляки, они засеяли поля. Мы не можем требовать от поляков, засеявших поля, отдать урожай немцам».

Трумэн: «Создается впечатление свершившегося факта, что крупная часть Германии отдана полякам... Я считаю, что поляки не имеют права присвоить себе эту часть Германии и вырвать ее из немецкой экономики...»

На следующий день, 22 июля 1945 г., обманутые западные союзники попытались было перейти в дипломатическое «наступление». Но Сталин твердо стоял на своем:

Черчилль: «Первое. Мы договорились, что граница будет установлена только при мирном урегулировании. Второе. Польша не получит преимущества от принятия такой большой немецкой территории. Третье. Экономическая структура Германии будет разорвана, а на оккупационные власти ляжет очень большая перегрузка. Четвертое. Вместе с переселением больших масс населения придется взять на себя очень большую моральную ответственность. Я должен сказать, что считаю неправильным переселение от восьми с половиной до девяти миллио-

нов человек. Пятое. Нет точных числовых показателей по этому пункту. По нашей информации, на этой территории находится от восьми до девяти миллионов человек. Советская же делегация утверждает, что их там уже нет. Этот вопрос необходимо прояснить...»

Сталин: *«На этой территории нет ни восьми, ни шести, ни даже трех миллионов немцев. Там проводилась массовая мобилизация, и погибло много людей. Там оставалось очень мало немцев, да и те, что оставались, бежали от Красной Армии...»*

Так о чем же спорили высокие договаривающиеся стороны?

Если и было что-то, в чем товарища Сталина никак нельзя заподозрить, то это любовь к Польше и полякам. Скорее наоборот, именно к «панской Польше» (по-другому эту страну в советских газетах не называли) и ко всему, что с ней связано, Сталин испытывал особую, почти нескрываемую, ненависть. И в секретных Постановления ЦК, и в газетной пропаганде пресловутые «польские агенты» неизменно присутствовали в качестве первоисточника всякого зла. Именно польских коммунистов в 37—38 гг. ждала особая участь: Сталин не ограничился расстрелом всего находящегося в Москве руководства ПКП, но довел дело до официального роспуска «вредительской» польской компартии (что стало событием совершенно незаурядным даже для Коминтерна конца 30-х годов). Летом 1937 г. началась печально-знаменитая «польская операция» (приказ наркома НКВД Ежова № 00485), в ходе которой было арестовано 143 810 человек, из них 111 091 приговорено к расстрелу. Сто одиннадцать тысяч. Каждый шестой проживавший в СССР поляк. Рекордный показатель даже для эпохи Большого Террора.

В ночь с 23 на 24 августа 1939 г. за бокалом шампанского товарищ Сталин договорился с Риббентропом о ликвидации Польши и разделе ее территории, а 31 октября 1939 г. устами своего верного приспешника В. Молотова назвал славянское государство с многовековой историей «уродливым детищем Версальского договора». Не скрывал торжества и нарком обороны Ворошилов, который в своем праздничном приказе от 7 ноября 1939 г. заявил: *«Польское государство при первом же серьезном военном столкновении разлетелось, как старая и сгнившая телега»*. После этого на само употребление термина «Польша» был наложен категорический запрет, и даже в совершенно секретных, для публики отнюдь не предназначенных документах высшего командования РККА соответствующая территория называлась «бывшей Польшей» или (совсем уже на гитлеровский манер) «генерал-губернаторством».

Все изменилось после того, как летом 41-го кадровая Красная Армия *«при первом же серьезном военном столкновении разлетелась, как старая и сгнившая телега»*, а товарищ Сталин — к крайнему своему изумлению — оказался в рядах «антититлеровской коалиции демократических стран». Правила поведения «клуба демократических стран» требовали соблюдения некоторых минимальных норм приличия, и Сталину пришлось хотя бы на словах отказаться от «добычи», которую он так ловко приобрел в союзе с Гитлером. 30 июля 1941 г. с «лондонским» польским правительством Сикорского было подписано Соглашение, первый пункт которого гласил: *«Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 г. касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу»*.

Длинная и запутанная история того, как Сталин шаг за шагом избавлялся от последствий «минутной слабо-

сти», в силу которой он согласился признать «буржуазное эмигрантское правительство» законным, а свои территориальные приобретения в Польше — незаконными, далеко выходит за рамки данной статьи. Перейдем сразу к результату: в начале 1945 г. про «лондонское правительство» Польши Сталин уже не желал и слышать; польская партизанская Армия Крайова была разгромлена, по сути дела, совместными усилиями вермахта и СС, Красной Армии и войск НКВД; в обозе наступающих советских войск в Люблин было привезено марионеточное «польское» правительство (Польский комитет национального освобождения).

Была даже создана псевдо-польская армия («Войско Польское»), в которую в «добровольно-приказном» порядке зачисляли не только советских офицеров, но даже рядовых (в частности, танковые экипажи в полном составе). Органы госбезопасности «народной Польши» были снизу до верха укомплектованы советскими «советниками» и фактически представляли собой одно из территориальных управлений НКВД. Назначение в дальнейшем министром обороны марионеточной Польши Маршала Советского Союза Рокоссовского было в данном контексте вполне символично и показательным.

В такой конкретно-исторической ситуации Сталин с полным основанием смотрел на западную границу «своей» Польши как передовой рубеж развертывания Вооруженных сил СССР. И только по этой причине он стремился перенести этот рубеж как можно дальше на запад, как можно ближе к Берлину и Дрездену — в послевоенной судьбе Германии было еще очень и очень много неясного, польский же вопрос Сталин к тому времени уже успешно (в интересах своей экспансии в Европу) и окончательно решил. Что же касается судь-

бы Восточной Пруссии, то здесь Сталин не видел даже вопроса для обсуждения, и в Потсдаме он коротко сообщил «союзникам» о том, что забирает себе северную (прибалтийскую) часть Восточной Пруссии с городами Кёнигсберг и Тильзит (ныне Калининград и Советск).

В целом подлежащие аннексии земли (Восточная Пруссия, Померания, Силезия) общей площадью в 114 тыс. кв. км (что равно Бельгии, Голландии и Дании, вместе взятым) составляли четверть территории Германии в границах 1937 г. Однако, заявляя о своих претензиях на эти территории (прямо как в случае с северной частью Восточной Пруссии, или косвенно — через включение их в состав марионеточного польского государства), Сталин получал и большую проблему — многомиллионное немецкое население. Ненавистные Сталину «союзники» могли апеллировать к каким-то непонятным «правам» этих немцев, напоминать о «ленинском принципе права наций на самоопределение», и в конечном итоге — изменить свое благожелательное отношение к притязаниям кремлевского вымогателя. Был только один способ радикального решения этого вопроса, и Сталин его отлично знал: «Нет человека — нет проблемы».

Был у товарища Сталина к тому времени и богатый опыт в подобных делах; не раз и не два перемещал он уже «неправильные народы» на правильные места — но с немцами случай был особый. Их было слишком много. Количество диалектически переходило в качество. Одно дело — в спокойной мирной обстановке выселить из т.н. «Западной Белоруссии и Украины» 400 тыс. поляков в течение полутора лет, и совсем другое — переместить с места на место 8—9 млн немцев, да еще и во время войны, когда каждый грузовик, каждый литр бензина, каждый вагон и паровоз на счету! Да и куда

мог Сталин депортировать немцев Силезии, Померании и Пруссии? Возможных направлений было ровно два: или назад, на восток, в глубь советской территории, или вперед, на запад, т.е. в советскую зону оккупации Германии. И в том, и в другом случае кормить 8 млн иждивенцев (а на шестом году мировой войны население немецкого тыла состояло уже по большей части из женщин, детей, инвалидов и стариков) пришлось бы Советскому Союзу.

Гипотеза, которую я не могу подкрепить никакими прямыми документальными доказательствами, заключается в том, что **Сталин принял решение изгнать немцев**. Изгнать быстро (быстрее, чем западные «союзники» успеют понять происходящее и как-то отреагировать), и при этом процесс изгнания поставить на твердую основу самофинансирования. Сталин решил создать на подлежащих аннексии территориях такую обстановку террора и ужаса, чтобы немцы сами, своими силами, на своих машинах, телегах, велосипедах, рыбацких лодках плыли, ехали, шли, бежали, ползли на запад. На запад без остановки, до тех пор, пока не доберутся до английской или американской оккупационной зоны. Это было трижды «мудрое» решение: депортация не потребовала от Советского Союза ни одного рубля затрат, в ходе создания предписанной «обстановки» сталинская номенклатура смогла изрядно набить свои карманы и дачи награбленным добром, а ненавистные «союзники» получили (по имеющимся далеко не точным подсчетам) 7 млн голодных, больных, лишенных жилья и имущества беженцев.

Заслуживает серьезного изучения вопрос о географических и временных рамках санкционированного сверху террора против гражданского населения Германии. Есть основания предположить (еще раз повторю, что в на-

стоящий момент у меня есть лишь вопрос, но нет ответа на него), что с выходом наступающей Красной Армии на территорию будущей ГДР бесчинства резко пошли на убыль. По крайней мере, в упомянутой выше книге И. Гофмана все эпизоды массовых убийств происходят в Пруссии, Померании и Силезии, т.е. на территориях, подлежащих аннексии. В Берлине (на глазах офицеров западных союзников и иностранных корреспондентов) «жажда мщения» ограничилась всего лишь повальным мародерством и изнасилованиями.

Стоит отметить и тот факт, что 14 апреля 1945 г., т.е. за два дня до начала Берлинской операции (наступления Красной Армии от берегов Одера на Берлин), в газете «Правда» появилась знаменитая статья «Товарищ Эренбург упрощает», опубликованная за подписью начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Александрова. Стиль и язык статьи (с характерными сталинскими повторами, вопросами-ответами) позволяет с большой долей вероятности предположить, что товарищ Сталин как минимум продиктовал Александрову основные тезисы статьи (если только не написал ее сам). И если об авторстве директивной (а только так и могла восприниматься в сталинском СССР статья, опубликованная в центральном печатном органе ЦК партии) еще можно спорить, то под Директивой Ставки ВГК № 11072 от 20 апреля 1945 г. стоит вполне отчетливая подпись Сталина.

Директива Ставки была адресована *«командующим войсками и членам Военных советов 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов»*, но не командованию 3-го и 2-го Белорусских фронтов, ведущих боевые действия в Восточной Пруссии и Померании!

Едва ли два фронта были упущены по забывчивости... Постановляющая часть Директивы № 11072 гласит:

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Потребуйте изменить отношение (подчеркнуто мной. — М.С.) к немцам, как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше. Жесткое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне.

2. В районах Германии к западу от линии устье реки Одер, Фюрстенберг, далее река Нейсе (западнее) создавать немецкие администрации, а в городах ставить бургомистров — немцев.

Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной Армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успели удрать.

3. Улучшение отношения к немцам не должно приводить к снижению бдительности и панибратству с немцами.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

Антонов».

Примечательно, что эта Директива была рассекречена и опубликована (сборник документов «Русский архив. Великая Отечественная. Битва за Берлин», т. 15, М., «Терра», 1995 г.) без констатирующей, т.е. описывающей реально сложившуюся ситуацию, части. Указанная в п.2 линия точно соответствует границе советской зоны оккупации Германии, т.е. будущей ГДР. Можно предположить, что оккупированная «социалистическая

Германия» без населения Сталину была не нужна и он приказал *«изменить отношение к немцам»*, т.е. прекратить насильственное изгнание.

Еще раз повторю — никаких документов с собственноручной подписью Сталина я не видел. Скорее всего их никогда и не было. Письменного приказа убивать немецких женщин и детей товарищ Сталин, конечно же, не отдавал. Да в таком приказе и не было нужды. Через два десятилетия после прихода Сталина к власти, через семь лет после Большого Террора окружение Сталина состояло из тех, кто понимал волю Хозяина по-собачьи, без слов. Не умеющие понимать быстро менялись на других, более понятливых. И тем не менее отсутствие четкой, зафиксированной в письменном приказе команды объясняет многое из того, что мы достоверно знаем о трагических событиях на немецкой земле.

Прежде всего фиксируемую и документами, и народной памятью крайнюю «неоднородность» ситуации. В одном немецком городке могли совершаться непостижимые уму зверства, в соседнем — поддерживался относительный порядок. Обратимся еще раз к книге И. Гофмана:

«...Подчас советским офицерам удавалось успешно противостоять преступникам в униформе — возможно, потому, что у них были аналогично мыслившие начальники. Так, даже в 91-й Гвардейской стрелковой дивизии поведение не было единым. В то время как дивизионный штаб и 275-й стрелковый полк совершали в Гермау и окрестностях ужасные зверства, из таких населенных пунктов, как Вилькау, которые были захвачены другими частями дивизии, не сообщалось об убийствах и изнасилованиях... В то время как, например, 3-й батальон 14-го стрелкового полка 72-й стрелковой дивизии совершал тяжкие преступления, красноармейцев 3-го батальона 187-го стрел-

кового полка этой же дивизии предостерегали против вольностей в отношении населения... Генерал-майор Гелен, в ведомство которого стекались все соответствующие сообщения, в отдельных случаях также регистрировал «корректное поведение» советских офицеров и солдат...»

В отсутствии четкого письменного приказа (замеченного, как я предполагаю, устными указаниями) очень многое зависело от позиции конкретных командиров. Чем дальше от Кремля и чем ближе к передовой, тем большим становилось число командиров среднего звена, которые не поняли (а может быть — и не захотели понять) «державную волю». Далеко не все тогда потеряли облик человеческий, да и запугать фронтового командира было труднее, нежели московского чиновника. Наконец, любой командир полка или батальона отчетливо понимал, что прежде всего с него спросят за выполнение боевой задачи, а выполнять её с танками, забитыми «под завязку» трофейным барахлом, и пьяными бойцами, переодевшимися в «наполеоновские шляпы и дамские плащи», становилось затруднительно. В силу всех этих причин многие командиры Красной Армии на всех уровнях активно противодействовали «одичанию войск».

С другой стороны, для выполнения указаний товарища Сталина об изгнании немцев с подлежащих аннексии территорий и не требовался повсеместный (в каждом месте без исключения) террор. Для того чтобы население бросилось в панике бежать, бросая дома и имущество, достаточно было некоторого ограниченного числа зверских расправ. Другими словами, количество бесчинств можно было с полным успехом для поставленной задачи заменить «качеством», т.е. запредельной степенью жестокости. И тут мы подходим к «гипотезе № 2». Она еще менее доказуема документально (в усло-

виях сохраняющейся по сей день закрытости архивов НКВД/НКГБ), но при этом вполне правдоподобна.

Гипотеза № 2 заключается в том, что для расправ с мирным населением были созданы специальные террористические группы («спецбоевки» НКВД), и сообщения о прибитых за языки к столу детях, распятых в церквях женщинах и прочих невыразимых гнусностях относятся именно к последствиям их действий. Сразу же подчеркну, что гипотеза № 2 не исключает, а лишь дополняет высказанное выше предположение о преднамеренной и санкционированной с самого «верха» деморализации Красной Армии (так же как отнюдь не гипотетическое, а вполне реальное и активное участие органов ОГПУ в раскулачивании не исключало, не заменяло, а лишь дополняло и усиливало бесчинства толпы деревенских люмпенов).

Эта гипотеза может показаться совершенно невероятной — но лишь в рамках представлений старого советского (или наоборот — наиновейшего российского) школьного учебника. В контексте реальной истории СССР предложенная гипотеза вполне заурядна. Ложь, провокация и террор шли рука об руку с первых дней большевистской диктатуры: с покушения на Ленина, в котором была обвинена полуслепая (и немедленно расстрелянная) Ф. Каплан; с директив самого Ленина, призывавшего воспользоваться «удачным моментом», когда трупы умерших от голода лежат на дорогах, и перевешать под этим предлогом как можно больше «контрреволюционных попов»; с операции «Трест», в рамках которой ГПУ организовало подложную антисоветскую организацию в качестве «отравленной приманки»...

Существование «спецбоевок» НКВД, которые под видом партизан УПА терроризировали население Западной Украины, уже давно перестало быть гипотезой.

Сохранились, найдены и опубликованы документы, свидетельствующие и о масштабе провокационной деятельности (уже к июню 1945 г. было создано 156 спецгрупп общей численностью 1783 чел.), и о методах их работы, которые превысили даже меру терпения военного прокурора войск МВД Украинского округа полковника Кошарского. 15 февраля 1949 г. он направил на имя Первого секретаря ЦК КП Украины Н. Хрущева докладную записку *«о фактах грубого нарушения советской законности в деятельности так называемых спецгрупп МГБ»*.

В ней сообщалось о том, что *«грубо провокационная и неумная работа ряда спецгрупп и допускаемые их участниками произвол и насилие над местным населением не только не облегчают борьбу, но, наоборот, усложняют ее... Не располагая достаточными материалами, т.н. спецгруппы МГБ действуют вслепую, в результате чего жертвой их произвола часто являются лица, непричастные к украинскому бандитскому националистическому подполью...»*.

Далее прокурор Кошарский приводит длинный, многостраничный перечень фактов «произвола и насилия» (*«...в марте 1948 г. спецгруппа, возглавляемая агентом МГБ «Крылатым», дважды посещала дом Паламарчук Г.С., 62 лет, и, выдавая себя за бандитов УПА, жестоко истязала его и двух его дочерей... В ночь на 23 июля 1948 г. спецгруппой из с. Подвысоцкое была уведена в лес гр-ка Репницкая Н.Я., рожд. 1931 г. В лесу она была подвергнута пыткам. Участники спецгруппы тяжело ее избивали, подвешивали вверх ногами, вводили в половой орган палку, а затем поочередно изнасиловали...»*) и завершает его следующей констатацией: *«Подобные факты из деятельности спецгрупп МГБ, к сожалению, далеко не единичны»*.

Возвращаясь к событиям весны 45-го года, из карпатских лесов к руинам немецких городов, стоит отметить, что здесь перед «органами» стояла несравненно более легкая задача. Если от «спецбоевок», действующих под видом бандеровцев, теоретически требовалось проведение сложной агентурно-оперативной «игры», если их приходилось специально обучать, готовить, укомплектовывать людьми, знающими западно-украинскую речь, местные порядки и обычаи, то в Германии все было гораздо проще. Требовалось всего лишь «шугануть фрицев». Для этого в многомиллионной армии надо было найти несколько тысяч человек, замаранных прошлым сотрудничеством с гитлеровскими оккупантами, пригрозить им разоблачением и расстрелом, а затем предложить «искупить вину кровью». Причем не своей, а кровью мирных жителей Германии. На четвертом году войны подонков с соответствующей биографией было немало, и «опыт» зверских расправ с женщинами и детьми они накопили богатый.

Грешно о таком говорить, но нельзя же отрицать и тот факт, что «порог чувствительности» у немцев был совсем другой. Не наш. Не было у них настоящей «большевистской закалки». Германия в 20 веке не пережила ни многолетней гражданской войны, сопровождавшейся бесконечной чередой погромов и расстрелов, ни раскулачивания, ни голодомора; и 37 год в памяти немецкого обывателя остался годом экономического процветания, а не «черных воронов» и еженощного исчезновения соседей, друзей и знакомых. Этот обыватель не был готов к приходу настоящего массового террора, и потому расчет Сталина вполне оправдался: после первой же встречи с головорезами в форме солдат Красной Армии гражданское население восточных областей Германии обратилось в паническое бегство.

И лишь в одном-единственном аспекте блестящий комплексный план товарища Сталина оказался не выполнен:

«Намерения Сталина заключались в том, чтобы одобренным им беспощадным изгнанием немцев с восточных территорий довести немцев в западных оккупационных зонах нищетой до отчаяния, дискредитировать западные державы так, чтобы в конце концов повернуть людей к большевизму... Дети народа росли в нищете и смотрели в будущее, в котором они не смогут вырваться из нее. Революционная ситуация была налицо. Но революции не случилось. Политический расчет Востока учел почти все факторы, кроме одного — людей. Миллионы немцев бежали от Красной Армии. Миллионы стали свидетелями того, что творилось во время прихода советских войск. Миллионы испытали на себе коммунистическое господство и пострадали от него. Униженные и оскорбленные, они были потеряны для коммунизма, под какой бы маской и с какими бы аргументами он ни выступал...»

Этими словами немецкого историка и журналиста Гюнтера Беддекера я не могу закончить свою статью, потому как российский историк не имеет права не сказать о самых многочисленных жертвах этого забытого преступления Сталина. О солдатах Красной Армии.

В конце 1944 г. Германия, ее промышленность, транспортная система, вооруженные силы находились в состоянии предсмертной агонии. Гитлеровский «тысячелетний рейх» потерял всех союзников, потерял все внешние источники сырья (в частности, румынскую нефть, шведскую железную руду, финский и украинский никель). Англо-американская авиация, захватившая полное господство в воздухе над любой точкой Германии, методично уничтожала город за городом, завод

за заводом. В одном налете на один объект сбрасывалось по несколько кило тонн бомб. Безопасного тыла у немецкой армии уже не было. После того как с мая 1944 г. главным объектом воздушных ударов стали транспортная система и предприятия химической промышленности (производство синтетического бензина, азота, взрывчатых веществ), военное производство Германии рухнуло. Заводы, спрятанные под землю и рассредоточенные по остаткам территории, могли еще производить танки и самолеты, но вся эта техника превращалась в груды бесполезного металлолома, даже не успев сойти с конвейера, — их топливные баки были пусты. Но даже потеря запасов горючего, территории, транспортных магистралей, опытных летчиков и танкистов не шла ни в какое сравнение с потерей главного — смысла и цели. Что, кроме умножения числа жертв, могло принести Германии продолжение боевых действий?

В сентябре 1944 г. Красная Армия вышла к рубежу р. Висла, а армии западных союзников стремительно продвигалась к Рейну. Исход войны не вызывал уже ни малейших сомнений. До Тегеранской конференции гитлеровское руководство еще могло надеяться на «политическое решение», т.е. на раскол в лагере противников Германии и сепаратный мир с одним из них; до июля 1944 г. можно было надеяться на то, что высадившиеся в Нормандии англо-американские войска удастся окружить и уничтожить. Взрыв бомбы, прозвучавший 20 июля 1944 г. в Ставке Гитлера, сообщил всему миру о том, что высший командный состав вермахта расстался с последними иллюзиями. Причем это касалось не только генералов-заговорщиков. Начальник штаба Верховного командования Вооруженных сил Германии генерал-полковник А. Йодль на допросе от 17 июля 1945 г. дал следующие показания:

«Примерно в феврале 1944 г. я доложил фюреру, что если англичане и американцы высадятся во Франции и нам не удастся сбросить их в море, мы войну проиграем. Я сделал это заявление в письменном виде... Гитлер признал мою точку зрения правильной, но запретил рассылать этот меморандум командующим ВВС, армии и флота».

Предпринятые на рубеже 44—45 гг. две последние, отчаянные попытки вермахта перейти в контрнаступление (в Арденнах — против западных союзников, в районе венгерского озера Балатон — против Красной Армии) закончились сокрушительным поражением, потерей последних боеспособных танковых и авиационных частей. Крах немецкой военной машины стал совершенно очевидным.

И вдруг на Восточном фронте происходят разительные перемены. Немецкие войска словно обрели «второе дыхание», что незамедлительно отразилось и на темпе продвижения, и на уровне потерь Красной Армии.

Обратимся к вполне официальному и солидному источнику — статистическому сборнику «Гриф секретности снят», выпущенному в свет в 1993 г. под редакцией генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева. На стр. 157—159 приведены цифры безвозвратных среднесуточных потерь Красной Армии по периодам и кампаниям войны. Цифры эти ужасны — каждый день войны уносил тысячи жизней советских солдат. Отвлечемся, однако, от вполне понятных эмоций и обратим наконец внимание на динамику этих цифр:

1. Летне-осенняя кампания 1943 г. (1.7 — 31.12.43 г., Курская дуга, освобождение левобережной Украины, Киева и Смоленска); безвозвратные потери — 7,6 тыс. человек в день.

2. Зимне-весенняя кампания 1944 г. (1.1 — 31.5.44 г., освобождение Правобережной Украины и Крыма, Ле-

нинградской и Новгородской областей); безвозвратные потери — 5,3 тыс. человек в день.

3. Летне-осенняя кампания 1944 г. (1.6 — 31.12.44 г., крупнейшие наступательные операции Красной Армии: Белорусская, Львовско-Сандомирская, Яско-Кишиневская, Прибалтийская, Белградская); безвозвратные потери — 4,5 тыс. человек в день.

Итак: 7,6 — 5,3 — 4,5

Растет мастерство бойцов и командиров Красной Армии, непрерывно увеличивается её численное и огневое превосходство над противником, тают материальные и моральные ресурсы вермахта. Как результат — все более масштабное наступление советских войск на всех фронтах при неуклонно снижающемся уровне среднесуточных потерь.

Наступает 1945 год. Численное превосходство Красной Армии в танках и авиации выражается уже двузначными цифрами, германское командование бросает на фронт необученных мальчишек из «фольксштурма» — и при этом уровень людских потерь Красной Армии не только не сокращается, но заметно растет!

6,2 тыс. человек. Таков уровень среднесуточных потерь 45-го года. Добивая агонизирующий вермахт, Красная Армия несет потери на треть большие, чем в 1944 году.

Теперь посмотрим на цифры потерь неодушевленной техники (стр. 355—356).

В 1943 г. Красная Армия теряет в среднем 64 танка и САУ в день, в 1944 г. — 65 в день. Как видим, на протяжении двух лет войны среднесуточные потери танков и самоходок остаются почти постоянными. Наступает 1945 год. С 1 января по 10 мая 1945 г. потеряно 13.700 танков и САУ. 105 (сто пять) в день. Среднесуточные потери выросли почти в два раза.

Что же случилось с советской бронетехникой? Она стала хуже, чем в 43—44 годах? Да ничего подобного, именно к 1945 г. в основном завершилось перевооружение на новую, гораздо более мощную модификацию «тридцатьчетверки» (Т-34/85); в большом количестве стали поступать в войска новейшие тяжелые танки серии ИС и тяжелые самоходки, вооруженные чудовищными 122-мм и 152-мм пушками (не путать с короткоствольной 152-мм гаубицей на предвоенном КВ-2), способными пробить лобовую броню любого немецкого танка, до «Королевского тигра» включительно. Статистика свидетельствует, что если по состоянию на 1 января 1944 г. в Красной Армии числилось 1,6 тыс. тяжелых танков и 0,8 тыс. тяжелых САУ, то к 9 мая 1945 г. их уже было, соответственно, 5,3 тыс. и 2,7 тыс. единиц.

С другой стороны, никакого противотанкового «чудо-оружия» у немцев в 1945 г. не появилось. Слухи о перевороте в технике вооружений, совершенном «фаустпатроном», сильно преувеличены. Обращаясь к составленной по горячим следам войны работе полковника П. Игумнова («Исследование поражаемости отечественных танков», 1947 г.), мы обнаруживаем следующие цифры распределения потерь танков в последние месяцы войны:

- 1-й Белорусский фронт, январь — март 1945 г.; от фаустпатронов — 5,5%;
- 1-й Украинский фронт, январь — март 1945 г.; от фаустпатронов — 8,9%;
- 4-й Украинский фронт, январь — май 1945 г.; от фаустпатронов — 9%;
- 1-й Белорусский фронт, апрель — май 1945 г.; от фаустпатронов — 10,5%.

Основным средством поражения танков была и осталась ствольная артиллерия, на долю которой приходит-

ся более 90% всех потерь. Даже в Берлинской операции (т.е. в условиях ожесточенных уличных боев в огромном городе) потери танков 2-й Гвардейской танковой армии распределились так: от огня ствольной артиллерии — 77%, от фаустпатронов — 23%.

Что же касается артиллерии, то здесь ничего нового на вооружении вермахта в 1945 г. не появилось. Те же самые 75-мм и 88-мм «стволы». Если и были изменения, то только в худшую для немцев сторону: дефицит вольфрама заставил к концу 44 г. полностью свернуть производство подкалиберных бронебойных снарядов; дефицит бензина резко снизил количество боеспособных танков и САУ; таким образом, самым массовым средством борьбы с советскими танками снова — как и в начале войны — стала буксируемая противотанковая пушка, расчет которой был защищен от пуль и осколков только гимнастеркой и шинелью. И при всем при этом — двукратный рост числа потерь советских танков!

Самые же парадоксальные, на мой взгляд, события произошли не на земле, а в воздухе. После провала контрнаступления в Арденнах немецкая авиация практически «закончилась». Бензина и летчиков хватало лишь на несколько сотен самолетов, да и те, что еще оставались в строю, были задействованы в системе ПВО рейха. Весной 45-го увидеть в небе над Восточным фронтом немецкий истребитель можно было лишь в весьма редких случаях. И при этом среднесуточные потери советских самолетов по категории «сбиты в воздушном бою» почти не уменьшились: 7,95 самолета в 1944 г. и 7,49 — в 1945 г. (здесь и далее приведены данные из сборника «Советская авиация в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. в цифрах»; составлен с грифом «Сов. секретно» Главным штабом ВВС СССР в 1962 г.). Если же

посмотреть на статистику потерь еще внимательнее, то окажется, что суммарные потери в воздушных боях бомбардировщиков и штурмовиков даже выросли (3,3 в день в 1944 г. и 4,3 — в 1945 г.). Потери же бомбардировщиков и штурмовиков по категории «от зенитного огня» возросли в 1,7 раза (5,8 в день в 1944 г. и 10 — в 1945 г.).

Так что же произошло на Восточном фронте весной 45-го года? Чем объяснить такой рост потерь Красной Армии?

Эти факты традиционная советская историография старалась не замечать, неизбежные вопросы — не задавать. Но при случае могли прозвучать слова про «фанатиков-эсэсовцев, готовых защищать Гитлера до последнего», про «врожденную дисциплинированность» немецкого солдата, который не может прекратить стрелять без приказа... Отрицать наличие этих факторов не приходится. Но они не должны закрывать от нашего внимания главное — то «чудо-оружие», которое вручил Сталин немецкому солдату. Да, именно так: Геббельс только кричал про загадочное «вундерваффе», которое перевернет ход войны, но обманул. Зато товарищ Сталин не подкачал, он дал вермахту самое главное — цель.

После Неммерсдорфа (и сотен других подобных «дорфов») немецкому солдату на Восточном фронте не надо было объяснять, за что он воюет. Цель была очевидная (ее можно было увидеть невооруженным глазом) и — что чрезвычайно важно — вполне достижимая. Солдат видел бесконечные колонны беженцев, идущих на запад, безбрежное людское море у причальных стенок балтийских портов, видел корабли, один за другим уходящие с тысячами беженцев к берегам Дании и Западной Германии. Каждый день и даже каждый час за-

держки наступления Красной Армии увеличивал число немецких женщин, стариков и детей, спасенных от насилия и гибели. С этого момента вермахт вновь обрел смысл и цель продолжения борьбы.

В конце января 1945 г. войска 1-го Украинского фронта форсировали Одер в районе г. Бреслау (ныне Вроцлав, Польша). 15 февраля вокруг Бреслау замкнулось кольцо окружения. Гарнизон города, который с учетом фольксштурма насчитывал не более 50 тыс. человек, оборонялся весь февраль. Затем весь март. Весь апрель. В бои за Бреслау было втянуто 13 советских дивизий. Далеко на западе пал Берлин, покончил с собой кровавый тиран Гитлер, а среди обугленных развалин Бреслау продолжались ожесточенные бои. Город капитулировал лишь 6 мая 1945 г. Военный комендант Бреслау генерал Нихофф пережил войну, пережил 10 лет, проведенных в советских лагерях. В своих мемуарах он утверждает, что длительная оборона города позволила уйти на запад 1,5 млн немецких беженцев из Силезии.

5 марта 1945 г. войска 1-го Белорусского фронта начали штурм небольшого прибрежного городка Кольберг в Померании. В городе в этот момент скопилось 85 тыс. человек гражданского населения (жители и беженцы). Гарнизон Кольберга насчитывал 3 тыс. солдат. Эта горстка людей сдерживала натиск 1-й Гвардейской танковой армии и трех дивизий Войска Польского до утра 18 марта. От города не осталось ничего, кроме развалин; гарнизон потерял 2300 солдат убитыми. Кораблями немецких ВМФ из Кольберга было вывезено 70 тыс. беженцев.

13 января 1945 г. войска 2-го и 3-го Белорусского фронтов (117 стрелковых дивизий, 7 танковых корпусов, 9 отдельных танковых бригад, 1 590 тыс. человек личного состава) начали наступление на Восточную

Пруссию. В последних числах января Кёнигсбергская группировка немецких войск была окружена с запада и северо-востока и прижата к морю. Дальнейшее продвижение было остановлено ожесточенным сопротивлением частей вермахта, уступавших в численности наступающему противнику по меньшей мере в 6—7 раз. 19—20 февраля немцы перешли в контрнаступление, пробили на западе кольцо окружения и восстановили сухопутную связь Восточной Пруссии с еще не занятыми районами Восточной Германии.

Эту «дорогу жизни» немецкие войска удерживали весь март, до тех пор, пока в начале апреля не началось новое наступление Красной Армии. Кёнигсберг был взят после жесточайших боев лишь 12 апреля 1945 г. Но и после этого немцы продолжали на протяжении двух недель удерживать последнюю точку Восточной Пруссии — порт Пиллау (ныне Балтийск), от причалов которого вплоть до 27 апреля продолжали отходить суда с беженцами и ранеными.

После потери порта Пиллау единственной «гаванью надежды» оставалась коса Хель (севернее Данцига в Померании). Восточно-Померанская наступательная операция Красной Армии началась 10 февраля 1945 г. Оборона Данцига (ныне Гданьск, Польша) продолжалась до 30 марта. Крохотную, простреливаемую насквозь артиллерией полосу косы Хель немцы удерживали до 8 мая! За это время морем было вывезено 400 тыс. человек. В общей же сложности из портов Восточной Пруссии и Померании гражданскими судами и кораблями ВМФ было эвакуировано на Запад 2 млн человек — то была крупнейшая «морская десантная операция» в истории.

В массовом сознании «Весна победы» связана с наступлением на Берлин. Именно эта операция представляется неисключенному «человеку с улицы» главным

(если не единственным) событием последних месяцев войны. Увы, сие есть прискорбное заблуждение.

В Берлинской операции (а это не только штурм самого города, но и все боевые действия по наступлению от Одера до Шпрее и окружению берлинской группировки вермахта) с 16 апреля по 8 мая 1945 г. погибло 78 тыс. советских солдат и офицеров. А в ходе Восточно-Прусской операции погибло 126 тыс. солдат и офицеров Красной Армии. И еще 53 тыс. убитых в ходе тесно связанной с ней Восточно-Померанской операции. Совокупные безвозвратные потери четырех фронтов, «освобождавших Германию» (3-й Белорусский, 2-й Белорусский, 1-й Белорусский, 1-й Украинский), составили в 1945 году 411 тыс. человек. Всего же, на всех фронтах, Красная Армия, авиация и флот безвозвратно потеряли с 1 января по 10 мая 1945 г. 801 тыс. человек. Восемьсот тысяч убитых. Берлинская операция занимает менее одной десятой (!) от этой ужасающей цифры.

Гросс-адмирал К.Дёниц, назначенный Гитлером на должность «рейхспрезидента», не был «фанатиком-эсэсовцем». Он даже никогда не был членом гитлеровской НСДАП.

Да и самого Гитлера к моменту, когда Дёниц принял на себя власть и ответственность за остатки Германии, уже не было в живых. Тем не менее война на Восточном фронте не прекратилась. Выступая в 22.00 1 мая 1945 г. по германскому радио, Дёниц заявил:

«Моя первейшая задача — спасти Германию от уничтожения большевиками. Только во имя одной этой цели вооруженная борьба будет продолжаться. До тех пор, пока достижению этой цели препятствуют англичане и американцы, мы будем вынуждены продолжать оборонительные бои и против них...»

Кровопролитие не остановилось. Немецкие войска на Востоке продолжали вести боевые действия. Грохотали орудия у Потсдама, Бреслау, Данцига. Окруженная еще в ноябре 1944 г. в Курляндии (прибрежная полоса современной Литвы) группировка вермахта сопротивлялась до 10 мая 1945 г. При этом потери 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов в 1945 г. составили только убитыми 62 тыс. человек.

Странная история с «народным восстанием» в Праге (терпение народа, который мирился с немецкой оккупацией на протяжении шести лет, лопнуло почему-то в тот момент, когда американские войска стояли в 80 км от Праги) и марш-бросок Красной Армии на помощь восставшим увеличил потери Красной Армии еще на 11 тысяч убитых. Только беспощадная позиция Главнокомандующего силами союзников в Западной Европе генерала армии США Д. Эйзенхауэра (*«я велел передать Йодлю, что если они немедленно не прекратят выдвигать всякие предлоги и тянуть время, то я закрою весь фронт союзников, чтобы впредь не пропускать никаких немецких беженцев через нашу линию фронта»* — подчеркнуто мной. — М.С.) вынудила Дёница прекратить боевые действия на всех фронтах...

В статистическом сборнике Кривошеева соответствующая глава называется «Цена освободительной миссии». Может быть, в 21 веке настало уже время задуматься об адекватности таких названий?

Англо-американские союзники освободили Италию, Грецию, Францию, Бельгию, Голландию, Данию, почти всю Австрию, часть Чехии, больше половины территории Германии (больше половины в границах 1937 г., в современных же границах — четыре пятых). В 1938 г. население этих территорий составляло более 170 млн человек. При этом людские потери армий союзников оказались на

порядок меньше потерь Красной Армии (в 1945 г. американцы потеряли на Европейском ТВД около 55 тыс. человек, англо-канадские войска — еще 15 тысяч).

Да, конечно, три четверти немецкой армии были на Восточном фронте; да, конечно, в апреле 45-го на Западном фронте немецкие солдаты толпами сдавались в плен. С этим никто и не спорит; вопрос в другом: ПОЧЕМУ солдаты вермахта десятками тысяч сдавались в плен на Западе и сражались до последнего патрона и последней капли крови на Востоке? Это разительное различие связано с «классовой солидарностью мировой буржуазии, её смертельной ненавистью к государству рабочих и крестьян»? Или были другие, гораздо более земные и значимые причины? 800 тысяч погибших — это «цена освободительной миссии»? Или плата за изощренные геополитические игры Сталина?

Статистика, необходимая и неизбежная в любом военно-историческом исследовании, превращает, увы, безмерные страдания миллионов людей в аккуратные колонки цифр. Это нехорошо, поэтому закончить статью я хочу безыскусным рассказом о пережитом одной венгерской женщины, Алэн Польц. Кто такая Алэн Польц? Добрый человек. Очень добрый человек (она и работу себе нашла соответствующую — врач-психотерапевт в хосписе). До чтения ее мемуаров «Женщина и война» (опубликовано в журнале «Нева», № 2/2004 г.) я думал, что такой добротой и смирением могут обладать только бестелесные ангелы. К сожалению, эта вполне земная женщина 19 лет от роду оказалась в конце войны в маленьком венгерском городке, ставшем на несколько месяцев прифронтовой зоной.

Алэн Польц рассказывает о том, что она видела и пережила, с удивительной кротостью и сочувствием ко

всем людям. Даже то, что в устах современного журналиста показалось бы мне омерзительной игрой в «политкорректность», у неё звучит естественно и человечно. Разумеется, она не забывает постоянно напоминать читателю о том, что *«венгерские солдаты вели себя в русских деревнях не намного порядочнее»*. Она успевает придумать объяснения и оправдания всему (*«я узнала, что обвиняют нас в том, что мы шпионы, потому что точь-в-точь после боя часов на колокольне бомба попала прямо в русский штаб, и погибло много народу. Они думали, что мы подавали сигналы из церкви. Им невозможно было объяснить, что башенные часы бьют регулярно, потому что заведены, это простое совпадение. Вообще, русским очень многое нельзя было растолковать. Они жили в другом мире, у них был совсем другой опыт. Логика их тоже была иной. Они не знали, что такое башенные часы...»*).

Она находит оправдание даже этому:

«К рассвету я поняла, как происходит перелом позвоночника. Они делают так: женщину кладут на спину, закидывают ей ноги к плечам, и мужчина входит сверху, стоя на коленях. Если налегать слишком сильно, позвоночник женщины треснет. Получается это не нарочно: просто в угаре насилия никто себя не сдерживает. Позвоночник, скрученный улиткой, все время сдавливают, раскачивают в одной точке, и они не замечают, когда он ломается...»

И заканчивает рассказ об очередном насилии весьма похвальным для советской власти замечанием:

«Русский офицер тем временем зажег спичку, сначала потрогал пальцем мои глаза — открыты ли. Убедившись в этом, приступил к делу. Было немного больно. Но так как я все равно не пошевелилась, не вскрикнула, он зажег еще одну спичку — посмотреть, жива ли я. Покачал головой. Большого удовлетворения я, должно быть, ему не

доставила. Но когда я начала собираться, чтобы унести матрас, он прислал в подвал своего ординарца, который тоже мной попользовался. Тогда я не подумала, почему он прислал и ординарца. Сейчас мне кажется, что они демократичнее, чем наши офицеры...»

И немедленно отказывается от мести в тот момент, когда у нее появляется реальная возможность отомстить:

«Передо мной выстроили шеренгу солдат, и я должна была показать на того, кто меня изнасиловал. Помню лишь смутно: морозным зимним утром я прохожу перед строем, солдаты стоят вытянувшись, ровно, по стойке «смирно». Слева меня сопровождают двое офицеров. Пока я прохожу вдоль шеренги, они держатся чуть позади. В глазах одного из солдат я увидела страх. У него были голубые глаза, паренек был совсем молодой. По этому страху я и догадалась: это он. Но таким сильным, таким жутким было то, что блеснуло в его глазах, что я сразу почувствовала: нельзя. Нет никакого смысла убивать этого мальчишку. Зачем, если другие останутся безнаказанными? Да и этого, единственного из всех, зачем?»

Как и должно быть в жизни добрых людей, конец истории вполне счастливый: Алэн Польш осталась жива, сохранила рассудок, смогла добраться до Будапешта, нашла свою маму живой... И даже дом, где жили ее родители, был разрушен бомбежкой с другой стороны, а в квартире остались следы довоенного достатка и много еды. Чем не рождественская сказка?

«Конечно, мама плакала, и была счастлива, и обнимала меня. И я тоже смотрела на нее и радовалась ей. Я была рада, что они живы, но радовалась не слишком сильно.

Слишком сильно я не радовалась уже ничему и ни во что слишком сильно не верила. Я уже носила в себе болезнь — гонорею, из-за которой потом так и не смогла родить, и

не знала еще, есть у меня сифилис или нет. У меня было подозрение, что я очень заразная, а заразить я никого не хотела.

Мы сидели за столом. Подали язык с томатным соусом. Я изумленно смотрела на него и ела тихонько, беззвучно. Говорили о том, что русские насиляют женщин.

«У вас тоже?» — спросила мама.

«Да, — сказала я, — у нас тоже».

«Но тебя-то не тронули?» — спросила мама.

«Никого не пощадили», — сказала я и продолжала есть.

Мама глянула на меня и сказала удивленно: «Но почему ты позволила?»

«Потому что били», — сказала я и продолжала есть. В этом вопросе я не видела ничего важного или интересного.

Тогда кто-то спросил непринужденно и шутливо: «А много их было?»

«Я не могла сосчитать», — сказала я и продолжала есть.

После ужина мама отозвала меня в сторону и сказала: «Доченька, ты не шути так грубо, еще поверят!» Я посмотрела на нее: «Мамочка, это правда!» Мама расплакалась, потом бросилась мне на шею, умоляя: «Доченька, скажи, что это неправда...»

Надо ли цитировать дальше? Разумеется, Алэн Польш пожалела свою бедную маму и сказала ей те слова, которые та хотела услышать. Увы, я не могу и не хочу утешить наших «нулёвых патриотов» (русских шовинистов эпохи дорогой нефти нулевых годов 21 века) подобным образом. Все, что написано выше, — правда. Страшная, отвратительная правда.

А господам патриотам предстоит определиться — кто они? Господа или рабы? Раб не знает чувства ответ-

ственности. Отказавшись от свободы и личного достоинства не отвечает за свои поступки. Зато он может и дальше наслаждаться малиновым звоном слов шефа корпуса жандармов графа Бенкендорфа: *«Прошедшее России удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение. Именно с этой точки зрения русская история должна быть рассматриваема и писана»*.

Свободные же люди не могут согласиться ни с жандармской версией российской истории, ни с монопольным правом жандармов распоряжаться настоящим и будущим России. Свободные люди не должны пугаться своей истории. Им предстоит набраться мужества признать очевидное. И разделить со своей страной ответственность за все.

ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ «РАДИО СВОБОДА»

23 июня 2009 г.

— Думаю, даже самые непримиримые ваши противники согласятся с тем, что ваши книги — «22 июня», «23 июня» и «25 июня», посвященные событиям 1941-го года — написаны с неподдельной страстью. Бывают историки хладнокровные, относящиеся к предмету своего исследования бесстрастно, вы же — человек бесспорно увлеченный, увлеченный поисками правды о Второй мировой войне, правды, которую советские историки скрывали и искажали. Как родилось это ваше увлечение?

— Это, конечно, не увлечение, это все-таки занятие. Родилось оно давным-давно; вероятно, дата его рождения находится в районе 1983—84 года. Естественно, я этим и раньше интересовался, но где-то в 1983 году, когда еще Андропов был жив, мне удалось (этот глагол покажется странным современному слушателю, но это было непросто) увидеть советские центральные газеты — «Правду» и «Известия» 1939 года.

Мне удалось увидеть эти газеты и увидеть большую карту, на целую полосу «Правды», с разделом Польши, с разделом Финляндии, «Договор о дружбе и границе». А ведь о нем не было сказано ничего ни в одном школьном учебнике, ни в одном вузовском учебнике. Вот он лежал передо мной — договор о дружбе и границе между Советским Союзом и фашистской Германией от 28 сен-

тября 1939 года. Это было сильное впечатление, которое я еще тогда, в 1984 году, изложил в толстой-претолстой общей тетради с черным переплетом, которую храню дома по сей день.

— У вас был замечательный предшественник — Александр Некрич. Когда-то в советские времена, как вам достались газеты 1939 года, мне достался экземпляр его знаменитой книги «1941, 22 июня». Это, конечно, было удивительное издание. Книга, выпущенная официально советским издательством в 1965 году, была впоследствии запрещена, изъята из библиотек, отовсюду изъята, а автора затравили самым безжалостным образом. Вы согласитесь, если я назову Александра Некрича вашим учителем?

— Я категорически не соглашусь со всем предыдущим высказыванием. Моя судьба абсолютно не похожа на судьбу товарища Некрича. Товарища Некрича затравили: это значит, что его выгнали из советского университета и пригнали работать в американский университет профессором. Это не самое тяжелое наказание, которое выпадало советскому человеку за 70 лет советской власти, бывали хуже наказания.

Что же касается той книги, то мне немножко знакома история ее появления в хрущевскую эпоху, когда начала формироваться эта новая, очередная по счету, «правда войны» — по поводу того, что один был только плохой человек. Все были хорошие, все были герои, замечательные полководцы, как один человек, весь советский народ поднялся, но был один плохой человек, который всему мешал, — Иосиф Виссарионович Сталин. И с точки зрения этих представлений, этой очередной «правды», была написана книга Некрича. Он получил бы за нее очередную Государственную премию, но

произошел небезызвестный «октябрьский переворот». Хрущева скинули, поставили Брежнева, та правда была объявлена неправдой, хрущевский период был назван «волюнтаризмом», и в ходе выкорчевывания предыдущего хрущевского периода попала под раздачу и книга Некрича.

Книга эта на сегодняшний день представляет собой лишь исторический и литературный памятник; то, что там написано, сейчас полностью и безоговорочно опровергнуто новым массивом документов, которые введены в научный оборот, теми работами, которые сделаны за последние двадцать лет. Поэтому, конечно же, эта история не имеет ничего общего с тем, что я для себя и для других называю «новой историографией Великой Отечественной или Второй мировой войны».

— Что же это за историография и какова ваша правда о войне?

— Эта историография, конечно, началась с книг Суворова, она началась с почти литературной, художественно-публицистической книги Бунича «Операция «Гроза», или Ошибка в третьем знаке», и так далее. Потом были, на мой взгляд, исключительно ценные работы Мельтюхова по этому же поводу, было опубликовано большое количество документов — что на самом деле самое главное.

Что касается моей «правды», то в своих книгах Суворов остановился на пороге 22 июня. А вот дальше-то что? Мы не находимся с ним в отношениях полемики, просто он писал об одном, а я делаю следующий хронологический шаг. Суворов написал о том, что Советский Союз, Сталин, «коллективный Сталин», очень старался, стремился к развязыванию европейской войны, он

вполне целенаправленно и осознанно помог Гитлеру начать войну, ввязаться, не испугаться (Гитлер мог испугаться, но он ему очень помог не испугаться) начать общеевропейскую войну. Сам Сталин на этом деле тоже немного помародерничал и летом 1941 года уже готовился вступить не просто в европейскую войну, а вступить в Европу, то есть начать крупномасштабную наступательную операцию на Запад от уже значительно переместившихся советских границ. Это то, что написал Суворов, и я с этим на 200 процентов согласен.

А дальше возникает следующий, вполне логичный вопрос: если так долго, старательно и с огромными усилиями готовились к походу к берегам Атлантики, то почему же через одну-две недели отлетела Красная Армия на линию границы 1939 года, а еще через три месяца немцы были уже под Ленинградом, под Тихвином и под Москвой? На этот вопрос я в своих книгах и отвечаю. Если предельно коротко, то ответ заключается в том, что называется человеческий фактор и мотивация. Подкачал человеческий фактор.

Было очень много дивизий, было очень много танков, было очень много самолетов, была огромная линия укреплений по новой границе, огромная линия железобетонных укреплений по старой границе, огромное количество боеприпасов, чего только не было. Было 4,8 миллиона в вооруженных силах на момент начала войны, 5 миллионов мобилизовали в первую же неделю после объявления мобилизации, до конца года мобилизовали то ли 12, то ли 14, по разным данным, миллионов человек. То есть ресурс, который был предоставлен в распоряжение таких полководцев, как Жуков, это 5 плюс 12—14 миллионов вооруженных мужчин. При

таком ресурсе Красная Армия отлетела за три месяца от границы до Москвы, потому что ресурсы все были, а мотивации — не было.

А при отсутствии мотивации, при отсутствии умения, вот этот страшный на самом деле сплав — «не умею и не хочу»: не хочу, потому что не умею, и не умею, потому что не хотел этому учиться, — привел к тому, что все эти колоссальные горы техники были брошены на обочинах дорог и иногда очень сильно мешали немцам в наступлении. Был, например, 1-й механизированный корпус, один из лучших в Ленинградском округе, была там 3-я танковая дивизия, которая повоевала с танковой дивизией Манштейна один или максимум два дня, потом Манштейн пишет в своих воспоминаниях, что с огромным трудом они продвигались на Восток, потому что вся дорога была завалена брошенной техникой этой дивизии. А я в архиве в Подольске своими руками держал документ, написанный на клочке не знаю чего, может быть, обложки от папирос «Беломор», написанный тем самым Берзариным, который в победном 1945 году стал военным комендантом Берлина. Записка, в которой он отдает команду остаткам этой несуществующей после двух дней дивизии: собрать остатки личного состава и отвести для переформирования.

— Я бы хотел пояснить для наших слушателей, что вы в своей книге «22 июня» подробно разбираете и разрушаете известный всем нам со школьной скамьи тезис о том, что Советский Союз был не готов технически к войне и что в июне 1941 года он был вооружен гораздо хуже Германии. Вы доказываете, что все обстояло ровно наоборот.

— Ни малейшей моей заслуги и новизны в данном случае нет. Потому что это факт. Понимаете, вот гипотеза Коперника — это гениальное научное озарение. Мы

видим, что солнышко движется, а что это мы движемся вокруг солнышка — до этого надо додуматься. А вопрос о том, у кого чего было больше, — это вопрос знания фактов и документов. Насколько я помню, по крайней мере, в 1988—89 годах, уже 20 лет назад, были впервые опубликованы реальные цифры количества советских мехкорпусов, танков, бронев автомобилей, грузовиков, самолетов. То есть уже к началу 90-х годов весь этот фактический материал был доступен, он был опубликован многими историками. Еще раз обращаю внимание на замечательную работу Мельтюхова, называлась книга «Упущенный шанс Сталина». Поэтому здесь никакой новизны нет. Возможно, я просто более внимательно посмотрел на этот факт. Все видели, что у немцев в полосе Юго-Западного фронта, то есть на Украине, было, условно говоря, 750 танков, а во всех мехкорпусах Юго-Западного фронта их было 5 с половиной тысяч. Вроде бы понятно, что пять с половиной тысяч — больше, чем 700, но если на этот факт обратить внимание, то можно над ним задуматься.

— Еще одна важная деталь из книги «22 июня»: вы рассматриваете загадки начала войны, когда, казалось бы, существовали явные признаки, что кто-то из советского командования работал на Гитлера, отдавал противоречащие советским интересам приказы — по Брестской крепости, например. А вы пишете «не верю». Я думаю, важно, чтобы наши слушатели поняли, что вы ни в коем случае не конспиролог.

— Безусловно, никакие конспирологические версии не нужны, потому что военная катастрофа лета 1941 года — это событие такого масштаба, которое просто, по моему пониманию, не может уложиться в рамки никаких конспирологических схем. Потому что такая

катастрофа, такой разгром, такой развал — это всегда результат действия каких-то огромных тектонических сил, а никак не заговор трех-четырех злоумышленников.

— А почему правда о причинах разгрома 1941 года открывается так нелегко? И государства этого нет давно, и все генералы давно в могиле, а вы постоянно сетуете в своих книгах, что многие документы засекречены. Что и за чем скрывают? Есть какое-то рациональное объяснение?

— Вы задали очень интересный вопрос, но он многослойный. Сейчас попытаюсь его по слоям порезать. Что касается вопроса о том, что произошло летом 1941 года, на него есть ответ. Произошел разгром, колоссальный, чудовищный разгром. Брошено огромное количество техники, порядка 10—12 тысяч танков в течение одного месяца, сопоставимая цифра самолетов в течение полутора месяцев, общее количество пленных и дезертиров лета и осени 1941 года вдвое превышает исходную численность действующей армии, то есть пяти западных военных округов на момент 22 июня. У меня есть глава в книге, которая называется «Столько и еще раз столько». Вот сколько было, три с небольшим миллиона, и еще раз столько — это количество военнослужащих Красной Армии, которые оказались в плену или дезертировали. Тут нет никакой загадки, все эти цифры и факты есть, они никем уже особенно и не оспариваются.

Причина, по которой это произошло, ее оценка всегда будет вопросом гипотезы. Это в данном случае не вопрос архивов, ни в каком архиве не лежит та бумажка, на которой написано, что катастрофа 1941 года произошла потому-то и потому-то. Такой бумажки нет, мы ее не найдем. Но, как мне кажется, тех фактов, которые уже известны, которые приведены на огромном коли-

честве страниц моих книг, вполне достаточно для того, чтобы прийти к выводу. Есть же вполне понятные вещи. Мы видим, что Красная Армия потеряла за полгода 6,3 миллиона стрелкового оружия. Не ломается стрелковое оружие в таких количествах.

Есть статистика структуры потерь. Например, Центральный фронт в районе Брянска и Гомеля в течение 40 дней своего существования потерял пропавшими без вести в 11 раз больше, чем погибшими и убитыми. Есть совершенно колоссальные, давно всем известные цифры пленных. Они известны и по нашим документам, и по немецким документам. Есть достаточно уже известная, подробно известная история советских механизированных корпусов, которые за два, три, четыре дня, не вступив в огневой контакт с противником, теряли по 80 процентов своих танков. Не ломаются танки в таких количествах.

В сентябре 1939 года Красная Армия на той же самой местности, в Западной Белоруссии и Западной Украине, громила остатки польской армии, делала то, что называется «освобождением» Западной Белоруссии и Западной Украины. И вот за две недели на той же самой местности, в тех же самых погодных условиях было поломано 10—12 процентов танков по разным механизированным бригадам. Диапазон такой. Ну, поломалась одна десятая. А такого, чтобы за три-четыре дня сломалось 80 процентов танков из числа тех, которые числились исправными, — так не бывает. Поэтому, с одной стороны, как мне кажется, есть более чем достаточное, избыточное количество косвенных свидетельств того, что вся эта гора оружия была брошена, но если мы хотим получить документальное, в самом узком смысле

слова, подтверждение этой гипотезы, мы его не найдем никогда.

Документальным подтверждением может быть только кинохроника со звуком, со счетчиком даты в углу, которая показывает, как боец Красной Армии бросает танк, матерно ругаясь, из этого танка вылезает и идет в сторону ближайшего леса. Не найдем мы никогда такой кинохроники по каждому из 10—12 тысяч танков, а если найдем, то нам скажут, что это монтаж. Поэтому, на мой взгляд, в данном случае проблема архивов мало что изменит. Мы имеем достаточное количество фактов. Проблема в другом.

Обществу, современному российскому, бывшему советскому, не хватает смелости или желания эти факты признать. Я за эти годы получил бесконечное количество и писем электронных, и бесконечное количество обсуждений своих книг и статей, и я вижу, что некоторые люди просто самым прямым текстом пишут — «а идите вы все» и говорят, что «мне не нужна ни правда Солонина, никакая другая правда, я не хочу думать о том, что делал мой дедушка, я хочу любить своего дедушку». Почеловечески абсолютно нормальная позиция, тут даже незачем возражать. Но, вероятно, на каком-то этапе надо дойти до того уровня, когда все-таки разделяется любовь и уважение к дедушке (абсолютно необходимое свойство каждого человека, дедушку надо любить, уважать и ему помогать) и готовность посмотреть нормальным взглядом, без розовых очков, на историю своей страны.

— Я обратил внимание на то, что вы часто ссылаетесь на «Военно-исторический журнал», но в основном на номера 1989—91 годов. А в последний раз мы все видели

упоминание об этом журнале в новостях совсем недавно, в связи с вызвавшей скандальный резонанс статьей, в которой говорилось, что Польша чуть ли не сама виновата в том, что Гитлер на нее напал. Поэтому хочу спросить вас, что случилось с этим главным профессиональным журналом военных историков после перестроечного времени?

— Я бы с удовольствием переформатировал ваш вопрос. По-моему, он должен звучать так: а что же такого случилось в 1989—91 году, когда вот эта компания людей, которые делали свои карьеры, биографии и, извините меня, квартиры в Москве и большие деньги, что же с ними такого случилось, что они вдруг начали публиковать документы и начали публиковать — да, со всеми оговорками, со всеми особенностями стиля — все-таки какие-то серьезные статьи? Что же такое их ударило, что они взяли и в начале 1992 года, в 1-м и 2-м номерах, опубликовали те самые знаменитые «майские 1941 года Соображения» по плану стратегического развертывания Красной Армии, где было черным по белому написано, что не надо давать инициативы немецкой армии и, конечно, нужно нанести первый удар. Вот интересно, что же такое на них нашло, что они вдруг начали хоть в какой-то степени публиковать реальные документальные свидетельства? Для меня это некоторая загадка. Может быть, они почувствовали или им показалось, что власть меняется?

Недавно вышла замечательная книга Александра Гогуна, название жуткое, бульварное «Сталинские командос», но под этим бульварным названием — ценнейшая работа по партизанскому движению на Украине. Там приведены данные, полученные другим украинским исследователем; он проанализировал 302 личных дела полицаев и каких-то руководителей среднего зве-

на созданной немцами полиции на оккупированной территории Украины, и, если мне память не изменяет, каждый четвертый — это бывший сотрудник НКВД, бывший член партии или бывший секретарь райкома партии. Даже вот так.

То есть есть определенная часть людей, которые очень спешат быстрее всех засвидетельствовать свое почтение всякой новой власти. Как мы с вами помним, в августе 1991 года некоторым, включая меня, показалось, что власть меняется, но каждый на это реагировал по-своему. Вот они решили засвидетельствовать свое почтение новой власти. Потом выяснилось, что власть не меняется, все на своих местах, только они теперь по-другому называются. Теперь не первый секретарь обкома КПСС, а глава областной администрации. Соответственно испуг прошел, и все вернулось на круги своя. Нынешнее состояние советской и российской военно-исторической науки, Института военной истории, Академии военных наук, которой руководит товарищ Гареев, это их нормальное, естественное для них состояние. То, что с ними произошло в 1989—91 годах, это был такой исторический заскок.

— А новая историография войны, о которой вы говорили в начале нашей беседы, это вы и Суворов, или есть много других исследователей, и вы чувствуете, что ваши ряды тоже достаточно велики?

— Даже и речи не может быть о том, чтобы это было две, три или четыре фамилии. Например, вышло уже в свет пять сборников под общим названием «Правда Виктора Суворова». Опять же, название желтое, бульварное, созданное отделом маркетинга, тем не менее вышло пять толстенных книг, сборники статей самых разных авторов, живущих в России, в Украине, в Аме-

рике, в Европе, где только не живущих, на разных языках пишущих, в том числе есть и те, кто вообще никогда не был советским человеком, урожденные американцы и немцы, то есть это уже десятки авторов, которые эту новую историографию войны формируют. Недавно из этих пяти сборников вышел сборник в Германии, первая ласточка на немецком языке под названием «Девять русских историков обвиняют Сталина». Конечно же, не две-три фамилии. Есть многочисленные серьезные работы.

Причем кто-то в силу каких-то причин уходит от вывода глобального порядка, но в любом случае разрабатывает какие-то пласты, конкретные истории, вводятся непрерывно новые факты, осмысливаются по-новому события. Есть уже нормальные, профессионально сделанные описания большинства военных операций того же 1941 года, серьезные работы по истории разведки, по предыстории войны, по советскому военному планированию. Безусловно, надо упомянуть фамилию ныне покойного полковника Бобылева. Официальный человек, военный историк, тем не менее прекрасные были у него работы по поводу анализа советского военного планирования, в частности, разбора военно-стратегической игры Генштаба, которая была проведена в январе 1941 года, фактически отработывался тогда план вторжения в Европу. Это десятки фамилий.

— Вот мы подошли уже к сюжету вашей книги «23 июня: день «М». Вы сказали, что не полемизируете с Виктором Суворовым, а продолжаете его дело. Я хотел бы уточнить, в чем вы с Суворовым сходитесь, в чем расходитесь и, вообще, простите за такой личный вопрос, вы дружите?

— Мы находимся с Виктором Суворовым в самых добрых отношениях, к сожалению, они заочные, но он мне достаточно часто звонит, у нас с ним совершенно нормальные, можно сказать, дружеские отношения. К сожалению, пока еще не имели возможности выпить на брудершафт, думаю, у нас все впереди.

Теперь что касается серьезного вопроса. Могу очень четко сформулировать в нескольких словах. Виктор Суворов выдвинул гипотезу о том, что Сталин планировал начать крупномасштабную стратегическую и наступательную операцию от западных границ Советского Союза в Европу летом 1941 года. Я с этим полностью согласен. Виктор Суворов подтвердил свою гипотезу крохотным, имевшимся в его распоряжении тогда, количеством каких-то обрывков, выскользнувших как кончик шила из мешка, какими-то обрывочками советских мемуаров, какими-то публикациями полузакрытыми. Я все-таки писал на 15 лет позже, чем вышел первый тираж «Ледокола», я имел возможность ту же самую гипотезу подтвердить совершенно другим архивом документального материала.

Вторая гипотеза, которую выдвинул Виктор Суворов, что Красная Армия потерпела сокрушительное поражение летом 1941 года, потому что она готовилась к наступлению и не способна была обороняться. Я с этим категорически не согласен, я считаю, что в этой гипотезе нет даже одного процента здравого смысла. Виктор Суворов хорошо знает мое мнение по этому поводу. Не сошлись мы с ним во мнениях. Я считаю, что это абсолютно несерьезная идея. Ни одна наступательная операция Красной Армии летом 1941 года ничем, кроме тяжелейших потерь, не закончилась. Поэтому

Красная Армия, безусловно, в том состоянии, в котором она находилась, не способна была ни наступать, ни обороняться и об этом как раз очень, на мой взгляд, интересно написано в книжке моей «25 июня». Простите за такой пиар. Там очень интересно показано, как Красная Армия пыталась нанести сокрушительный удар по финским аэродромам, в результате этого сокрушительного удара потеряли 24 собственных бомбардировщика и повредили на финских аэродромах один самолет — трофейный советский СБ. Так что с этой, второй составляющей гипотезы Суворова я абсолютно, категорически не согласен.

— Давайте тогда поговорим, раз вы упомянули о книге «25 июня», о второй советско-финской войне. Я, можно сказать, с детства жил на фоне этой войны, потому что моя дача находится под Ленинградом и старая финская граница (кстати, она до сих пор до конца не разобрана, по лесу кое-где тянутся проволочные заграждения) проходила прямо по моему дачному участку. Возле моей веранды был старый финский дзот, и там мы выкапывали гильзы и кости. Но не могу сказать, что до вашей книги я вообще что-то знал о второй советско-финской войне, ведь это, наверное, первая в России монография о совершенно забытых событиях.

— В данном случае я вынужден отбросить остатки всякой скромности и сказать «да». Дело дошло до того, что когда я работал в Подольском архиве, то на многих документах, в частности картах военных действий, которые я в архиве брал, моя подпись в формуляре была первой. Вообще, представляете себе, о чем это говорит? 60 лет сотням докторов исторических наук даже дела не было до того, чтобы взять и посмотреть эти карты и

документы. В каких-то случаях были еще две-три фамилии, но никто серьезно этой темой не занимался, абсолютно вычеркнутая из советской историографии, из исторической памяти народа война. Если когда-то и было какое-то упоминание, то только в контексте «участия финской военщины в гитлеровской агрессии против Советского Союза».

Понятно, почему эту войну никто не хотел вспоминать. Потому что одно дело — искать и находить объективные причины, почему побеждала мощнейшая немецкая армия (действительно, гитлеровский вермахт первого года — это лучшая сухопутная армия 20 века) и почему Красная Армия была бита и разгромлена таким противником. Тут еще как-то можно найти объяснение. А вот как объяснить чем-то, кроме отсутствия мотивации, разгром, который учинила Красной Армии финская армия, армия, в которой мобильные соединения ездили на велосипедах? Это не преувеличение и не шутка. У них были два мобильных соединения — то, что у немцев была, допустим, танковая дивизия, то была у финнов егерская бригада, мобильность которой достигалась за счет того, что по лесным дорожкам они ездили на велосипедах. Есть даже кинохроника соответствующая. И вот история про то, как финские велосипедисты громили советские мехкорпуса, это, конечно, история, которую никому не хотелось вспоминать.

— А ведь не будь этой войны, может быть, и не было бы блокады Ленинграда?

— Безусловно. Но тут надо убрать всякие «бы». Конечно, если бы не было этой войны, то блокады Ленинграда не было бы и быть не могло. Потому что Ленинград находится не на полуострове, там есть Финлянд-

ский вокзал, тот самый, на который приехал Владимир Ильич в plombированном вагоне, к нему подходит лента железных дорог. Поэтому если бы не война с Финляндией, то тот факт, что немцы вышли на южные пригороды Ленинграда, что они перерезали железную дорогу у Мги, что они вышли у станции Мга к Ладожском озеру, никакой блокады создать бы не могло, потому что с севера к Ленинграду подходит ветка железной дороги через Кексгольм, Петрозаводск и далее, куда угодно.

Только потому, что была вторая советско-финская война, стала возможна блокада Ленинграда, весь это кошмар и гибель сотен тысяч мирного населения. Причем весь этот кошмар товарищ Сталин мог прекратить одним политическим решением. Еще до начала войны (тогда бы цена вопроса была другая), но даже и после начала еще можно было бы договориться. Фактически с конца осени 1941 года там уже было де-факто перемирие, хотя оно не было никак закреплено, и если бы Советский Союз признал за Финляндией право забрать те территории, которые стали аннексированы в 1940 году по результатам первой войны, если бы на этих условиях удалось — а я думаю, что это было вполне реалистично, — достигнуть соглашения мирного, хотя бы перемирия с Финляндией под гарантии западных союзников, то есть англичан и американцев, то можно было бы восстановить железнодорожное сообщение с Ленинградом, и мы бы не знали слов «Ленинградская блокада», и мы бы не понимали, что означает Пискаревское кладбище.

— Раз мы уже заговорили в сослагательном наклонении, еще один гипотетический вопрос. Публицист и военный эксперт Александр Храмчихин недавно поставил такой вопрос: Сталин планировал начать войну с Германией,

здесь Суворов прав, и вы тоже, но, может быть, это было бы лучше для судеб мира — Освенцима бы не было... Вы задумались?

— Да, действительно, тут есть над чем задуматься. При всей моей глубокой и давней нелюбви к товарищу Сталину я все-таки не могу класть на одну чашу весов гибель десятков миллионов людей, с одной стороны, и репутационные успехи товарища Сталина. Черт бы с ним, уж лучше бы товарищ Сталин получил в своей репутации еще что-то и повысил бы свою политическую капитализацию, как сейчас говорят, если бы этой ценой можно было бы спасти десятки миллионов людей, которые погибли за эти четыре года. Да, конечно, было бы лучше для всех с нормальной, человеческой, гуманистической позиции, если бы в мае 1940 года Сталин ударил в спину Гитлеру.

А спина тогда была очень хилая у Гитлера, все, что у него было более или менее боеспособного, было брошено на Западный фронт, то есть для вторжения во Францию, Голландию и Бельгию. На огромном протяжении всей Восточной Европы было семь немецких дивизий, сформированных из резервистов очень низкого уровня подготовки, во всех округах ПВО Германии не было ни одного самолета, и только в Берлине была одна-единственная истребительная группа, где было 43 исправных «мессершмитта». И в одной из книг я писал, что против одного «мессершмитта» было два советских бомбардировочных авиаполка. Вот такими силами товарищ Сталин мог бы врезать в спину своему другу Гитлеру в мае 1940 года. Да, конечно, при этом Восточная Европа, да и не только Восточная Европа, оказалась бы на несколько лет раньше в лапах товарища Сталина. Но если такой ценой можно было бы спасти десятки миллионов человеческих жизней, то, конечно, я — ЗА.

— Очень много откликов вызвала опубликованная на вашем сайте статья о так называемом «пире победителей», о том, что происходило в Восточной Пруссии после ввода советских войск, и я надеялся, что вы работаете над этим сюжетом и следующая книга будет на эту тему. Но вы сказали, что недостаточно материалов и статья останется статьей. В таком случае, что станет вашей следующей темой или вы намерены продолжать разрабатывать сюжеты 1941 года?

— Я ведь не поэт и не писатель, поэтому мои следующие темы определяются не полетом вдохновения, а доступом к тем или иным информационным пластам. Вот вы очень хороший задали в начале нашей беседы вопрос о том, что происходило с «Военно-историческим журналом» и прочими официальными журналами. То есть на рубеже 1980—90-х годов произошел некий выброс лавы из вулкана, он всегда очень непродолжителен, вылетает небольшое количество массы, материала. Произошел некий выброс, и в эти несколько лет стал доступным некоторый объем, массив документов. Этот массив документов был осмыслен, обдуман, обработан теми историками, про которых я и говорил, что ими формируется новая историография войны. Этот документальный массив информации уже обработан и осмыслен. Можно, конечно, написать шестую, седьмую, восьмую, девятую и десятую книги, но это едва ли кому-то будет интересно и нужно. А следующий скачок, следующий этап в развитии этой новой историографии войны, на мой взгляд, станет возможен только тогда, когда произойдет следующий информационный выброс, то есть для этого надо в очередной раз статую Феликса Эдмундовича Дзержинского при помощи троса и подъемного крана поднять.

— Вряд ли это случится в ближайшее время, хотя как знать. Я посмотрел, что пишут в интернет-форумах и дискуссиях о ваших книгах, и, честно скажу, пожалел вас, потому что столько ненависти и злобных отзывов, причем зачастую от людей, книг не читавших, но уверенных, что вы — враг. Конечно, автора не может радовать, что его книги обсуждают дикие люди, едва овладевшие грамотой. Поэтому вопрос: как вы видите своего идеального читателя? Кто это: студент, интересующийся историей, пожилой человек, большая часть жизни которого прошла в советские времена? Кому адресованы ваши книги?

— Во-первых, я хочу обратить ваше внимание на то, что вы по совершенно понятным причинам не видите панель управления моего сайта. На моем сайте висят сотни писем, написанных абсолютно адекватным языком, от людей, как я понимаю, самых разных возрастов, многие мне годятся даже в дедушки, которые весьма и весьма тепло отзываются о моих книгах и меня благодарят. За что им спасибо. Поэтому я достаточно спокойно отношусь к истерической реакции людей, которые даже в руках не держали моих книг, но они от Васи слышали, что есть такой русофоб, агент ЦРУ, Моссада и Ми-6 одновременно, как Солонин.

Что же касается того, для кого они написаны, понятно, что они написаны для человека любого возраста, любого образовательного уровня, я изо всех сил старался как-то соблюсти баланс, чтобы книга была написана человеческим языком, чтобы ее мог читать в том числе и читатель, который не имеет многолетнего опыта работы с документами, текстами и так далее, но чтобы при этом за каждой цифрой и каждым фактом шла ссылочка на какой-то сборник документов.

Мне послышался еще один скрытый вопрос в ваших словах, могу на него ответить. Люди старшего поколения, причем именно те, которые являются очевидцами войны, участниками войны — по крайней мере, очень значительная их часть, — относится к моим книгам вполне позитивно. Должен вам сказать, что хулители состоят примерно из двух возрастных категорий. Это московский «офисный планктон» 20—25-летний, выросший в эпоху 147 долларов за баррель, в эпоху, когда Россия вместе с ценой на баррель нефти «вставала с колен». Вот они стали совершенно крутыми патриотами. Причем, что интересно, я это уже заметил, жесткая просто зависимость: чем патриотичнее визгун в Интернете, так у него будет обязательно логин англоязычный или немецкоязычный; никогда он не назовет себя Васей, а каким-нибудь Red Rat или еще что-то в этом духе.

И плюс те люди, которых я для себя называю словом «ветеран лекций в Красном уголке». То есть человек, которому сейчас 60—70 лет. Вы понимаете, арифметика простая. Он войну, конечно же, не видел, да и послевоенных лет не видел, но он десятки лет бывал на лекциях в Красном уголке, он слушал то, что говорил парторг в цехе, он слушал то, что говорилось на торжественном заседании, посвященном очередной годовщине Победы, и вот эти «ветераны Красного уголка» действительно относятся очень негативно к любым, не только моим, попыткам пересмотреть устоявшиеся мифы.

Что же касается именно ветеранов войны, которые все это хлебнули сами, то — поверьте, в данном случае я говорю не о своих амбициях, я говорю об оценке взглядов — ко мне подходили люди, которым я гожусь во внуки, которые меня благодарили, которые со слезами на глазах мне говорили, что они благодарны тому, что

они на пороге своей жизни смогли наконец увидеть, что правда о войне оказалась на бумаге написана, что ее не надо передавать из уст в уста, закрыв дверь. Я получал письма от людей, которые писали: «Моя мама погибла в Ленинградскую блокаду, как жалко, что она не дожила и не смогла прочитать вашу книгу «25 июня». Еще раз повторяю, я не говорю о своих амбициях и своем авторском удовольствии, я говорю о том, что на самом деле люди того поколения, ветераны войны, не «ветераны лекций в Красном уголке» — я не проводил социологических исследований, но какая-то часть, конечно же, — они ждали и хотели дожить до того дня, когда наконец правду о войне начнут говорить, писать, обсуждать публично, открыто и не боясь.

СОДЕРЖАНИЕ

Три плана товарища Сталина	5
Бабий бунт в Иваново	72
Две блокады	79
«Наша влада буде страшною...»	97
Васна победы. Забытое преступление Сталина	180
Интервью для «Радио Свобода»	265

Научно-популярное издание
БЕСТСЕЛЛЕРЫ МАРКА СОЛОНИНА

Солонин Марк
НЕТ БЛАГА НА ВОЙНЕ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *И. Петровский*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Ражикова*
Корректор *Т. Павлова*

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

ООО «Яуза-пресс»
109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2.
Тел.: (495) 745-58-23, факс: 411-68-86-2253.

Подписано в печать 19.10.2010.
Формат 84 × 108^{1/32}. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 4000 экз. Заказ № 1802.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-9955-0214-2

9 785995 502142 >

«Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман...» Многие эпизоды Второй Мировой были описаны (или, напротив, преданы забвению) именно с этих позиций. С таким отношением к урокам трагического прошлого спорит известный историк Марк Солонин. В его новой книге речь идет именно о тех событиях, которые больше всего хотелось бы забыть: соучастии СССР в развязывании мировой войны, гибели сотен тысяч жителей блокадного Ленинграда из-за преступно-недостаточного снабжения города продовольствием, «Бабьем бунте» в Иванове 1941 года, бесчинствах Красной Армии на немецкой земле, преступлениях украинских фашистов...

Автор не пытается описывать эти ужасы «добру и злу внимая равнодушно», но публицистическая страстность в изложении сочетается с неизменной документальной точностью фактов. Эта книга – для тех, кто не боится знать и думать, кто готов разделить со своей страной не только радость побед.

ISBN 978-5-9955-0214-2

9 785995 502142 >